

УРАЛЬСКИЙ
следопыт
www.uralstalker.com

**По краю
родному**

ЗАВОД ЕЕ ИМЕНИ

ЧУСОВСКИЕ ПРИСТАНИ

ПРОСВЕЩЕННАЯ ПТИЦА

Сентябрь 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Гурбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Уральский турист Антон Григорьев. Автор фото Ирина Яранцева.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Пращкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Асхаб Магомедович Асхабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
• Владимир Николаевич Большаков. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
• Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землестроительства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
• Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
• Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
• Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, кандидат географических наук.
• Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор.
• Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
• Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке: Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ. Фонда Президентских грантов.

«Уральский следопыт», №9 (735), 2018 г.
Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
Учредитель – ООО «Уральский следопыт».
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема.** Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **✂**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Камни Урала
А. ЧАДНОВ
Парадоксы малахита 24

Экспедиция
В. СТУДЕННИКОВ
Пешком по берегам Синары..... 32

Река времени

Тропой поиска
Г. НИКОЛАЕВ
Демидовский прорыв, или Битва за Чусовую 3

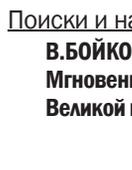
Давным-давно
А. СТАРЫХ
Одиссея капитана Немо 8

Портреты
Т. ЗЫРЯНОВА
Война и мир краеведа Постникова 14

Поиски и находки
В. БОЙКО
Мгновения и лики Великой войны ... 20

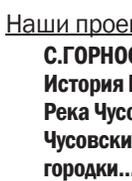
Природа в ладонях
Н. ВЕХОВ
Удод – птица древних 30

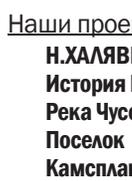
Литературное краеведение
Ю. ГОРБУНОВ
Белая Горлица (Сны Надежды Половцовой) 37

Наши проекты
С. ГОРНОСТАЕВА
История России. Река Чусовая. Чусовские городки..... 42

Наши проекты
Н. ХАЛЯВИНА
История России. Река Чусовая. Поселок Камсплав 46

Наши проекты
Н. ХАЛЯВИНА
История России. Деревня Красная горка..... 47

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

Демидовский прорыв, или Битва за Чусовую

(Демидовы на Курьинской и Шайтанской пристанях)

Как правило, современные публикации по истории Шайтанского завода (нынешний пос. Староуткинск) начинаются с упоминания о том, что в 1721 году Акифий Никитич Демидов соорудил плотину в устье речки Шайтанки, впадающей в Чусовую. Рядом с плотиной поставил пильную мельницу (лесопилку) для постройки плоскодонных барок-коломенок и основал первую собственную пристань на реке Чусовой.

▼ Село Шайтанка. Вдали видны постройки Шайтанского завода, закрытого в 1908 г. Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.

Геннадий Николаев

Родился в Невьянске. Окончил Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал в Уральском отделении Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта (г. Екатеринбург). Прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе. Кандидат технических наук, автор 83 научных трудов и 13 изобретений. Награжден знаком «Почетный железнодорожник». Увлекается историей, литературой. Член Российского союза писателей. Живет в Екатеринбурге.

**СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ**

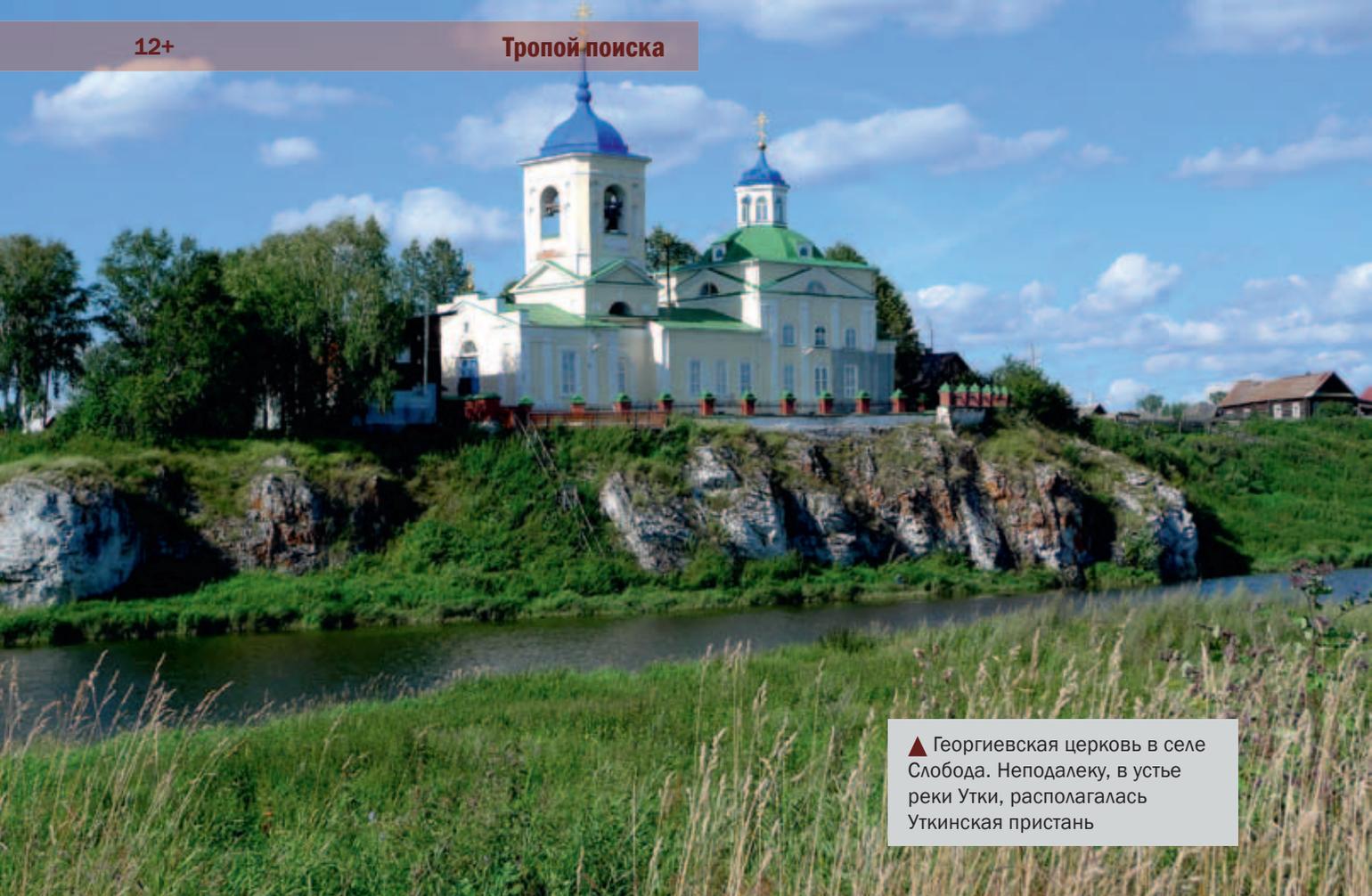
Иллюстрации предоставлены автором

При этом совершенно не рассматривается или толкуется бездоказательно важнейший вопрос, на каком основании Демидов предпринял столь смелые действия? Земли по всему течению Чусовой, «от вершины до устья», принадлежали Строгановым по жалованным грамотам Ивана Грозного. С 1719 г. властвовала учрежденная Петром I всеильная Берг-коллегия, без разрешения которой запрещалось всякое заводское строительство, и вдрут такое самоуправство. Алексей Иванов прямо признает: «Неизвестно, за какие взятки Демидовы исхитрились «втиснуть» эти пристани на Чусовую».

Из сказанного следует, что есть необходимость рассмотреть более детально события, связанные с основанием Шайтанской пристани и Шайтанского железного завода. Надо отметить, что в целом сведения об освоении верховьев Чусовой ранними Демидовыми разрозненны и малочисленны. Нет четкой ясности и строгой хронологической последовательности пребывания Демидовых на казенных пристанях до появления собственных. Изобилуют и сомнительные сведения, просочившиеся

на электронные ресурсы и в печать, но не подтвержденные авторитетными источниками. Поэтому изучение обозначенной темы целесообразно начать с периода, предшествующего «шайтанским» событиям.

Путь транспортировки уральского металла в Центральную Россию по реке Чусовой был налажен еще до Демидовых в связи с постройкой первых казенных заводов на Урале. Летом 1697 г. верхотурскому воеводе была послана грамота, писанная начальником Сибирского приказа А. А. Винусом, с поручением выяснить детали предстоящей доставки продукции от мест будущих железных заводов. Приводим выдержку из подлинника, опубликованного Д. Кашинцевым: «... И от того места до слободы Утки летней тележной, а зимой удобной санной путь есть ли, и что расстояние, и зимой и летом что с пуда провоза возмут, и в той слободе суды делают ли, и что судно станет и что пуд подымет, и во что пуд летом водою до Казани и Нижнего, а зимою до Соли Камской и Соли Вычегодской провозу станет». Таким образом, в этой грамоте Уткинская слобода, основанная в 1651 г., назна-

▲ Георгиевская церковь в селе Слобода. Неподалеку, в устье реки Утки, располагалась Уткинская пристань

чалась в качестве места складирования привозимой зимой с заводов продукции и исходного пункта отправки караванов вниз по Чусовой до Камы.

Так оно и было. Именно с Уткинской (Чусовской) казенной пристани впервые отправляли Демидовы в 1703 г. продукцию Невьянского завода в Москву. Это был год триумфа Каменского завода и неудач Демидовых. Вследствие запоздания с подготовкой стругов удалось отправить лишь часть груза в одном дощанике. Позднее были снаряжены еще два больших дощаника с пушками и ядрами. Они были доставлены в Москву только весной 1704 г.

Последующие 1704–1709 годы были более удачными. Ежегодно на трех-четыре струга доставлялись в Москву 20–25 тыс. пудов железа, снарядов и пушек, причем наряду с Уткинской пристанью шло освоение Курьинской казенной пристани, расположенной ниже по течению реки и более удобной для доставки продукции Невьянского завода. Присутствие Демидовых на Курьинской пристани уже в 1709 г. подтверждается Пермской летописью. Во время большого набега башкирцев на верхнюю Чусовую Акинфий Демидов сообщает письмом верхотурскому воеводе, «что выжгли Башкирцы въ Курьинской деревни, на Чюсовской пристани, строение батюшка моего двор».

Есть основания полагать, что Демидовы на Курьинской пристани оказались не вынужденно под давлением властей, а это был их добровольный выбор. Для подтверждения приведем описание чусовских пристаней В.И. Генниным: «Уткинская пристань построена при Чусовой реке в Уткинской слободе с начала строения Каменского, Уктусского и Алапаевского заводов и приготовления на них железа и припасов. И была она слобода и пристань в ведомстве Сибирской губернии в городе Верхотурье. А для отпуску железа суды строились в той слободе по указом ис Тобольска тобольских слобод крестьянами».

Следовательно, Уткинская слобода и пристань находились в ведении верхотурских воевод, отношения с которыми отец и сын Демидовы «выстроили» еще со времен передачи им Невьянского завода. В спорах правительство становилось на сторону заводчика. Согласно именному указу от 4 апреля 1704 г., воеводской власти было приказано отказаться от вмешательства и мелочной опеки демидовского завода. В.И. Геннин, лично знавший Акинфия Демидова, в письме царю Петру I отзывался о нем так: «До сего времени (до приезда В.Н. Татищева. — Г.Н.) никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, и он здесь поворачивал, как хотел». Поэтому Демидовы перебазировались с Уткинской на Курьинскую казенную пристань не по принуждению, а руководствуясь личными выгодами. Эта пристань была менее загруженной, что позволяло производить весеннюю загрузку барок в ограниченные сроки паводка без коллизий, которые наверняка случались на Уткинской пристани, густонаселенной «разными промышленниками». Здесь имеются в виду столкновения судов, драки между артелями, смешения грузов разных собственников, вполне возможные при большом скоплении народа и погрузке в ограниченное время.

Ситуация резко поменялась после приезда на Урал В.Н. Татищева. По указу Берг-коллегии от 9 марта 1720 г. группе специалистов во главе с Татищевым было поручено наладить деятельность казенных железоделательных и медеплавильных заводов. В этой связи В.И. Геннин писал: «А в прошлом 721-м году по прибытии на Уктусские заводы артиллерии капитана Василья Татищева з бергмейстером Блиэром по ука-

ва, в письме царю Петру I отзывался о нем так: «До сего времени (до приезда В.Н. Татищева. — Г.Н.) никто не смел ему, боясь его, слова выговорить, и он здесь поворачивал, как хотел». Поэтому Демидовы перебазировались с Уткинской на Курьинскую казенную пристань не по принуждению, а руководствуясь личными выгодами. Эта пристань была менее загруженной, что позволяло производить весеннюю загрузку барок в ограниченные сроки паводка без коллизий, которые наверняка случались на Уткинской пристани, густонаселенной «разными промышленниками». Здесь имеются в виду столкновения судов, драки между артелями, смешения грузов разных собственников, вполне возможные при большом скоплении народа и погрузке в ограниченное время.

Ситуация резко поменялась после приезда на Урал В.Н. Татищева. По указу Берг-коллегии от 9 марта 1720 г. группе специалистов во главе с Татищевым было поручено наладить деятельность казенных железоделательных и медеплавильных заводов. В этой связи В.И. Геннин писал: «А в прошлом 721-м году по прибытии на Уктусские заводы артиллерии капитана Василья Татищева з бергмейстером Блиэром по ука-

зу она Уткинская слобода и при ней пристань, також и Курьинская пристань, на которую привозитца железо с Алапаевских и Синячихинских заводов, приняты в ведение берг-коллегии и Сибирского обербергамта». Власть сменилась, воля кончилась. Но Акинфий Демидов не изменил своих старых привычек «поворачивать, как хотел». По ряду вопросов возник конфликт между Демидовыми и Татищевым, который развился до такой степени, что Никита Демидов обратился с жалобой-донесом к самому царю, с целью устранить Татищева с Урала. Перипетии этого конфликта детально рассмотрены в публикациях В.И. Рожкова, А.И. Юхта и А.С. Черкасовой. Поэтому ниже ограничимся лишь событиями и документами, относящимися к обозначенной нами теме.

К 1721 г. Демидовы прочно обосновались на Курьинской казенной пристани. Здесь же была их лесопильня и двор. Приказчики Демидовых, уверовавшие в могущество своих хозяев, дерзко относились к порученцам Татищева, пресекая всякую их деятельность в Курье.

Весной 1721 г., желая лично отправить караван с железом, Татищев

послал на Курьинскую пристань солдата Голубева, чтобы тот снял крестьянскую избу под квартиру. Однако крестьянин, дом которого был выбран для постоя, сказал, что «без позволения Демидова пустить к себе в дом не смеет», а солдаты, жившие при доме Акинфия, отдать двор на постой Татищеву запретили.

Далее В.И. Рожков пишет: «Когда Татищев, получив в свое ведение эту волость, послал туда для переписи крестьян иноземца Шейделя, то и тут дело не обошлось без «противностей»: к Шейделю явился приказчик Демидова и не позволял переписывать ясачных крестьян Курьинской деревни, говоря, что они отданы хозяину его Демидову «имянным» царским указом, а указ от Татищева не настоящий.

В доношении своем Шейдель прибавил, «что Акинфий Демидов насильно купил двор и землю у крестьянина Курьинской деревни, и на речке Шайтанке строит плотину и заводит лесопильную. Землею крестьянин пользовался от казны за оброк».

Здесь мы имеем первое документальное свидетельство того, на каком основании А. Демидов приступил

к возведению плотины и строительству пильной мельницы в устье Шайтанки. Таким весьма слабым прикрытием была покупка казенной земли у оброчного крестьянина. Как же события развивались дальше?

Получив доношение, Татищев направляет Демидову указ от 6 июня 1721 г. Демидов ответил Татищеву письмом от 26 июня 1721 г. [11]. Эти документы имеют существенное значение для рассматриваемой темы. Поэтому ниже они процитированы достаточно полно по тексту, приведенному в работе А.С. Черкасовой.

Указ В.Н. Татищева

*А.Н. Демидову
от 6 июня 1721 г.*

Господин камисар Демидов

Уведомлены мы ныне, что ты купил землю у крестьянина Чесовской слободы (Уткинская и Сулемская то ж), которую нам отдали из губернии для строения судов и во оном урочище на речке Шайтанке строишь ты пильную мельницу. И хотя оно тебе для строения судов весьма нужна, однако ж не надлежало тебе оной мельницы бес указу государственной Берг-коллегии и нашего известия строить. Понеже имеем мы указ из оной государственной Берг-коллегии: и ежели

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Прием документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37 Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
Электронная почта: pk@usfeu.ru Сайт: www.usfeu.ru

*кто ис промышленников похочет заве-
сти где какие заводы и тем людем веле-
но позволения требовать от нас, а нам
им по просьбе и по рассмотрению наше-
му места отводить. Того ради по полу-
чению сего оной мельнице на том урочи-
ще тебе до указу не строить».*

Здесь приведен указ лишь в ча-
сти, относящейся к нашей теме.
Из него следует, что Татищев был
осведомлен о строительстве Деми-
довым плотины и пильной мель-
ницы на реке Шайтанке. Посколь-
ку это строительство было пред-
принято самовольно с нарушени-
ем установленных правил, указом
предписывалось пильную мельни-
цу до разрешения Берг-коллегии
не строить. Что же написал в ответ
Демидов?

**Письмо А. Н. Демидова
В. Н. Татищеву и И. И. Блэру
от 26 июня 1721 г.**

*Благородному господину Василию
Никитичю и берхмейстеру Ивану Ива-
новичу*

*Ведение сего 1721 году июня в 10 день
получена отписка от вашего благородия
о запрещении строении на нашей купле-
ной земле пильной мельницы. На той ку-
пленной земле на Шайтанке зачата была
пильная мельница строить 1718 году и,
за отлучением нас з заводу, то строе-
ние законсило, недостроено. А ныне по-
слал ту пильную мельницу достроить,
для того нам в указе написано из госу-
дарственной Берх-калегии, велено бе-
речь в нашей вотчине леса. И я того
ради велел мельницу достроить, чтобы
лесам была меньши утрата. А когда за-
претится из Берг-калегии указом о том
строении и мы повинны будем изломать
тое мельницу. И о том ведение послано
в Санкт Питербурх в Берг-калегию.*

*А о платеже десятого туда, когда
пришлется указ нам из Берг-калегии
и мы тогда платить готовы.*

Акинфей Демидов

Резолюция: 1721 июня в 26 день
господа артиллерии капитан Василий
Никитич Татищев да бергмейстер
Блиер приговорили против сего ответ-
ствия писать в Берг-коллегию и послать
с сего писма копию.

Василий Татищев

Ioh. Fr. Blüher

Приведенные документы дают
ясное представление о том, как
Акинфей Демидов «втиснулся»
на Чусовую с постройкой пиль-
ной мельницы и основанием при-
стани в устье Шайтанки. Расчет его
был точен и основывался на зна-
чимости достигнутых результатов:
к 1720 г. Урал (преимущественно де-
мидовский) давал, по меньшей мере,

► Портрет В.И. Геннина, главного
начальника Сибирских и Ураль-
ских заводов в 1722-1734 гг.

две трети металла России. Не могла
в этих условиях Берг-коллегия при-
нять резкие решения не в пользу Де-
мидовых и ограничилась лишь ука-
занием, чтобы они доносили Тати-
щеву в подобных случаях заблаго-
временно.

Глубинные причины конфлик-
та между Татищевым и Демидовыми
отмечены в статье А. С. Черкасовой.
Это был не просто конфликт между
двумя харизматичными личностями
с сильными характерами. Каждый
из них представлял интересы опре-
деленных социальных сил, претен-
дующих на свое видение путей раз-
вития экономики. Татищев отстаи-
вал позиции дворянского государ-
ства, а Демидовы действовали в ин-
тересах частного предприниматель-
ства.

По решению Высшего суда при
Сенате Татищев был оправдан, а жа-
лоба Демидова признана необосно-
ванной. Тем не менее, Петр I отозвал
Татищева с его должности и назна-
чил В. И. Геннина новым главой гор-
ной администрации на Урале. Та-
лантливый инженер и великолеп-
ный тактик Геннин сумел выстроить
с Демидовыми более конструктив-
ные отношения.

В части пристаней многое про-
ясняет письмо В.И. Геннина царю
Петру I от 20 августа 1724 г. Это со-
вершенно уникальный документ.
Он полностью посвящен Курьин-
ской пристани, которая стала пред-

метом рассмотрения на высочай-
шем уровне и, таким образом, про-
звучала в российской истории. Ниже
ограничимся его частичным цити-
рованием.

В.И. Геннин писал: «Понеже
на Курьинской пристани при Чусо-
вой, где уже Демидов многие годы
железные припасы грузит и отпуска-
ет и оным местом владеет по пре-
жнему указу, о которой пристани жа-
лобы были Вашему Императорско-
му Величеству, что бывший Капи-
тан Татищев, а ныне Берг-Советник,
его, Демидова, с того места выжива-

◀ На барке. Фото В.Л. Метенкова

ство оную отдачу пристани за Демидова Сам подписал собственною Своею рукою, то она отдача вернее и крепче будет» и просит графа напомнить Государю, «чтоб Он подписал».

Таким образом, уже в 1724 г. Демидовым принадлежали две пристани на Чусовой: Курьинская, переданная им В. И. Генниным, и Шайтанская, созданная А. Демидовым, по существу, самовольно и «прошенная» Берг-коллегией. Закончился первый этап «битвы» Демидовых за Чусовую, хотя более правильно назвать проведенную операцию смелым и блестяще подготовленным прорывом. **УС**

ет и не дает Государевы и партикулярныя вещи грузить». Чтобы прекратить дальнейшую тяжбу и жалобы заводчика, «то я ему, Демидову, оное место под пристань отмежевал, которым он уже довольно владеет, а вместо той пристани он, Демидов, сделал пристань Вашему Величеству своим иждивением на 300 сажень повыше его пристани на удобном месте». Далее В. И. Геннин подробно обосновывает свое решение и приводит убедительные доводы, почему «не надлежит двум караванам разных промышленников, хотя б они и в союзе были, при одной пристани вместе грузить».

В заключение он обращается к Петру I с просьбой: «Того ради все нижайше прошу Вашего Величества Всемилостивейшего Государя, да соблагволи Сам собственною своею рукою подписать для верности и лучшего надеяния, чтоб ему, Демидову, Курьинскою его пристанью владеть и впредь надежно было без опасности, и ни ктоб не мог отнять».

Забываясь о судьбе Курьинской пристани, В. И. Геннин в тот же день, 20 августа 1724 г., уведомляет письмом влиятельного покровителя Демидовых графа, генерал-адмирала Ф. М. Апраксина: ... «От Демидова, чтоб впредь жалобы не были на Татищева по Курьинской пристани, то я ему, Демидову, оную пристань отдал и отмежевал». Он сообщает Ф. М. Апраксину о своем обращении к царю: ... «Чтоб Его Величе-

◀ Строительство барок в гавани Староуткинского завода. Фото Н.Т. Филатова

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание, работа в группах и индивидуальные занятия.

Одиссея капитана Немо

Кто скрывался под маской первого оренбургского фельетониста?

Первая частная еженедельная газета «Оренбургский листок» начала свою историю с 1 января 1876 года. Издавал и редактировал ее до самой своей смерти в 1905 году правитель канцелярии попечителя Оренбургского учебного округа, титулярный советник Иван Иванович Евфимовский-Мировицкий.

«Неча на зеркало пенять...»

Выпуск политико-литературной газеты стал для маленького, с пятидесятьютысячным населением городка событием знаменательным. До этого знакомство с жизнью Оренбурга и края происходило лишь по материалам сухих и официальных губернских «Ведомостей», в которых «беллетристика изгонялась как неподходящая к программе». Не идут в счет и сугубо религиозные «Оренбургские епархиальные ведомости» (кстати, два начальных года редактировавшиеся тем же И. И. Евфимовским-Мировицким). В «Листке» оренбургские аборигены вдруг увидели себя в зеркале живого городского фельетона, который вошел в плоть и кровь газеты с первого ее номера. «Зеркало» понравилось далеко не всем горожанам, но зацепило при этом всю читающую публику.

Автор первого фельетона по традиции того времени подписался псевдонимом – Немо. В дальнейшем он сокращал его до N, а также, судя по стилю и тематике, скрывался под другими буквами – Z, X, M. В первые годы издания фельетон занимал в «Оренбургском листке» едва ли не центральное место. Как ни объясняла газета, что бичует только «принципы», а также обычаи, нравы и общественные пороки, прикрываясь фельетонной болтовней, в городе, где почти все зна-

ли друг друга в лицо, легко узнавали персонажей неофициального отдела «Оренбургского листка». Это и личность «местного откупщика Драл Мазуриковича Низкого», и «Давилы Алтыновича, купца чуть ли не первой гильдии», который «имеет в городе завод, человека почтенного, все ему кланяются, уважают, да и какую-то важную ему общественную должность дали», и «арендатора водяной мельницы Федула Ивановича Лошадкина из города Обдорска» (легко угадывается Орск), и «старинного поставщика Бездетнова», пожертвовавшего аж сто рублей «на славян» (надо полагать, на освобождение болгар от турок) и по этой причине объявившего себя «внутренним героем», а также многих других, в том числе и безымянных, но неизменно угадываемых современниками.

Высмеивая постановление старшин Оренбургского общественного собрания о назначении 9 февраля 1876 года «маскарада, в котором дамы могут быть не иначе, как в маскал», Немо писал: «В Оренбурге интриговать?! Помилуйте! Что и про кого в этой боготерпимой столице степей неизвестно всем и каждому?».

С первых номеров в газете сложилось фельетонное «распределение обязанностей». Автор «Дневника Старожила», например, дает хронике мелких личных и обще-

И. И. Евфимовский-Мировицкий.

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Старых

Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Кандидат филологических наук. Преподавал в школе. Возглавлял издание газет «Оренбургская неделя» и «Вечерний Оренбург». В настоящее время – руководитель пресс-центра Оренбургского президентского кадетского училища. Член Союза писателей России. Автор книг «За благодатным огнем» (2005), «Своих не бросают» (2009). Живет в Оренбурге.

Иллюстрации
предоставлены автором

ственных событий, в которых, однако, присутствует некий выверт, повод для скрытой или явной иронии по поводу местных обычаев, суеверий, нравов или мелких непорядков. Под видом престарелого и, в общем, недалекого титулярного советника фельетонист «Листка», балагурия и шуток, касаясь, впрочем, и более серьезных тем (по некоторым данным, под этим псевдонимом скрывался горожанин Циолковский). В № 8 за 1876 г. он рассказывает историю про некоего «кушца Лиходеева», который обманом забрал баранов у киргизских поставщиков. Скверный анекдот, где «правда» выясняется в споре с помощью слабительного средства, подмешанного в питье бедным киргизам, заканчивается словами: «Недаром, должно быть, про Лиходеева песенку сложили: «Когда бы не был коммерсантом, был бы, верно, арестантом».

«Переписка двух подруг» рассчитана была, по-видимому, на привлечение интереса к газете молодых читателей. Две подруги, одна из которых живет не в Оренбурге, в письмах мило щебечут на разные темы, «интригуют» в отношении молодых людей и как бы вскользь касаются городских тем, в том числе и фельетонов в «Оренбургском листке». Этот типичный образец беллетристической «фе-

льтетонной болтовни» — в большей степени развлекательный элемент на страницах газеты. К переписке добавляются «Письмо к редактору» Матери семейства, «Безглагольные песни о русских барышнях» — стихи, подписанные Очевидцем...

В скором времени «Переписка» и «Дневник Старожила» сходят со страниц «Листка». И если не считать нескольких театральных пассажей Степана Щелкунова, постоянными остаются фельетонисты Немо и С. Барбачев, а затем практически один Барбачев. И теперь уже всерьез можно говорить о фельетоне не просто как о рубрике (чем преимущественно в то время он являлся), но главным образом как обличительном литературно-публицистическом жанре. И это

при том, что Немо то и дело восклицает: «Я обращаюсь с мольбой уже не к музам, а к самому Аполлону и прошу его ниспослать мне дух пустословия хоть на два — на три фельетончика», или: «... в пределах программы своего фельетонного бенуара я не смею соваться со своими легкомысленными суждениями в область серьезной публицистики». В другом месте, подписавшись Фельетонист (чуть позже мы постараемся доказать, что это тоже Немо), он прямо сетует на то, что в его статьях заподозрили «обличение... личностей»: «Жаль, очень жаль, что фельетон понимается так узко и своеобразно... Раз навсегда объявляю, что подразумевать кого-либо в вымышленных мною личностях не следует; обличать кого бы то ни было для меня лично не только нет цели, но и нет надобности. Ловя факт из общественной жизни, я останавливаюсь на нем без всякого отношения к лицу, так как мне решительно все равно: совершился этот факт с тем или другим лицом. Для дела важно то, что факт осуществился <...> Одно при этом необходимо — это удерживать себя от личностей» («ОЛ» № 7, 1876). Чем больше Немо «извинялся», тем меньше его заявления убеждали читающую публику.

Исследователь П. Н. Столпянский в статье об истории газеты, напечатанной в «Грудах Оренбургской ученой комиссии» (1903 г), пишет: «Еще более язвительными были нападки на думу постоянно-го фельетониста газеты С. Барбачева, под этим псевдонимом скрывался всем известный, уважаемый общественный деятель Оренбурга» (курсив мой. — А. С.). Фельетоны С. Барбачева носили общее название «Картинки с натуры». В одном из них

► Оренбург. Мост через реку Урал

(№ 44 за 1876 год) автор констатирует: «У нас есть дума, образованная на новых началах, вступившая во второе четырехлетие своего существования, но сказать о ней пока нечего. Во-первых, потому, что мы не видим плодов ее плодотворной деятельности, да это и не дело фельетониста, а во-вторых, потому, что там царит подавляющая скука и вялость, способная раздражить, а не насмешить».

Остроты над гласными допускались во всевозможной форме, даже в стихах. Вот один из примеров:

*«Да, спят молодцы наши думцы,
Лишь чуткие к нуждам своим,
И зова рассыльного слышать
Не хочется более им...»*

*Встает голова в заседание,
Считает он гласных ряды,
Потом говорит: «До свиданья...
Отсрочим опять, до среды...»*

Нежелание гласных ходить на заседания городской думы особенно в тот момент, когда принимаются важные решения, было большой проблемой для тогдашнего городского головы Н. А. Середы. «Оренбургский листок» в первых же своих номерах предоставил ему возможность гневно высказаться по этому поводу и в дальнейшем не раз сам прохаживался в адрес нерадивых членов думы. «Кто меня может принудить, — кричал один большой, но еще «не сложившийся» человек, — описывает дебаты С. Барбачев. — Хочу — хожу, хочу — нет, моя воля! — Вас-то одного, милостивый государь, можно и за борт, за бездействие, значит, по службе, на основании уложения-с, — крикнул кто-то в ответ, — но вот что делать с целой думой, если она не хочет ходить? На это действительно не придумано никаких мер» («ОЛ», № 14, 1876).

Барбачев едко цепляет членов городской думы, которые, по его мнению, пришли в городское самоуправление для того, чтобы решать лишь свои вопросы, не печась об общем благе. «Недавно один из ярых защитников частных интересов преимущественно пред общественными, отстаивая и против закона, и против здравого смысла оставление кабака на незаконном месте, не стеснясь, заявил, что кабак, находящийся близ пороховых складов, не представляет никакой опасности городу в случае по-

жара, так как «никогда не было примера, чтобы горели кабаки» (!) Оспаривать серьезно такое мнение невозможно» («ОЛ», № 9, 1877). И хотя фамилия думца-молодца не была названа, о нем говорил весь город.

Пытаясь исправить нравы и пороки членов думы, фельетонист «Листка» обнажает их исторические корни. «Бывало, захотят среди улицы, во всю ширину ее, козлы поставить, чтоб не смел никто мимо их дома проехать, ну и конечное дело, уж никто и не проедет. Захотят дом или другую постройку возвести «по собственному разумению», ну и никто им в том воспретить не смеет. Если, бывало, полиция вздумает помешать, что, дескать, это другим неудобно или опасностью грозит, так они зазовут эту самую власть к себе, «намочат ей морду», убожат ее всячески, наградят и отпустят со словами: «другим неудобно или опасно, да нам-то что до других? Нам удобно, а ты наш, а мы твои, поезжай себе домой с Богом; не мешай нам жить по своей воле» и т. д., и т. д... Вдумайтесь хорошенько во все эти толки, эти разговоры, и вы перестанете удивляться тому, что наши могокане от буржуазии гт. Ладыгин и Гусев, будучи гласными городской думы, уничтожили городской общественный водосток, стоящий несколько тысяч рублей, и залили въезд в город по главной улице столь глубокой водой, скопившейся от дождей, что не только пешему, но и конно-

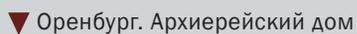
му пробраться было трудно до самой Петропавловской церкви».

И хотя Барбачев придумывал для своих персонажей фамилии вполне фельетонные — Хапалкин, Хваталкин, Мигайглазкин, Тишка Толстобрюхов, Обиралкин, — каждый раз приставляя их к новому герою, обиженные непременно узнавали себя. Не спасала даже типизация, к которой прибегал фельетонист, чтобы прикрыть факт всеобщими социальными чертами. «Посмотрите, например, в церкви или дома, в образной, на какого-нибудь Мигайглазкина. Когда он молится, вся фигура его преображается из какой-нибудь плюгавенькой и мизерной в величественный образ любвеобильного христианина. Но вот он перестал бить поклоны, и невзрачная физиономия его опять сияет непримиримой чело-веконенавистью: он опять замышляет, нельзя ли кому сделать зло, разорить кого, посадить в острог, оклеветать доброе имя».

Успел поспорить правдоруб из «Листка» и с оренбургскими казаками. В ответ на возражение со стороны атамана Оренбургской станицы Петра Ивановича Авдеева по поводу публикации о спорных землях, имевшихся у города с казаками, Барбачев затеял полемику, затянувшуюся на несколько номеров, где «выхлестал» и атамана, и захватническую политику оренбургских казаков. Реакция затронутых фельетонами персонажей была очень болезненной.

«И был притянут к Иисусу...»

Один из обиженных на газету читателей обещал «потянуть» в суд и редактора, и цензора за то, что он «не отличил безвредной шутки, допускаемой по программе фельетона, от злонамеренной истины». Фельетонист всего лишь перечислил типы людей, живущих в Оренбурге, среди которых был и такой: «Вот педагог-начальник, жестоко дерущий детишек розгами; положим, он не саморучно сечет, а через сторожей, он только при этом присутствует, приговаривая: «шибче, покрепче, вот так, вот так»; в то же время этот педагог страстно любит поэзию, музыку, гуманитарные науки и даже поет, и поет так сладко, умилительно, нежно, что захлебывается сам и захлебываются слушатели его». И тут же неизвестный педагог сам шлет письмо в редакцию и с гневом набрасывается на фельетониста: «Вся Швейцария потеряет учеников, и это педагогично. Но что нам Швейцария! Что Песталоцци! У нас есть Барбачевы!».

Уже в первые годы существования газеты Барбачев нажил немало врагов. Тучи все более стужались над ним, пока в 1878 году не грянул гром. Адвокат городской управы Лазарь Вейсберг подал на газету в суд на том основании, что заподозрил себя в Хваталкине, который вместе со своими друзьями — Мигайглазкиным и прочими — вершили неблагоприятные дела в городской думе.

С «Оренбургским листком» неоднократно пытались расправиться. В дело не раз вмешивалось Главное управление по делам печати, отыскивая (видимо, не без подсказок с обиженной стороны) нарушения программы, допускаемые газетой. В частности, было сделано следующее замечание: «В № 2 статья «Учреждение в Оренбурге должности адвоката» написана шуточным тоном, доходящим до неприличия, так, например, говоря о лености думы, объясняемой «безголовьем, тем, что голова уехал в Петербург, а голова, временно представленная, недостаточно строго взыскательна», автор глумится над собранием думы и над городской управою, которая, не зная, где взять городских дел для практики адвоката, изыскива-

ет их, роясь по шкафам и столам, и к крайнему прискорбию не обрывает их...».

В октябре 1879 года с жалобой губернатору на «Оренбургский листок» обратился даже городской полицеймейстер.

В результате всех перипетий фельетон вместо того, чтобы помочь городскому обществу бороться против тупости, косности и невежества чиновников, жульничества лавочников и купцов, вверг саму газету к концу третьего года существования в различные судебные тяжбы и преследования и поставил ее на грань разорения.

Неизвестно, чем закончился суд в 1878 году. «И вы, и мы ныне призваны к порядку!!!» — пишет в очередном фельетоне Барбачев. В чем выразился этот «порядок», сказать трудно: до конца года фельетоны с его подписью выходили уже не так часто. В 1883 году фельетон, однако, еще бытует на страницах газеты. Правда, уже далеко не в таком объеме и содержании, часто уступая место перепечаткам. Нет в нем уже былой социальной остроты. Тексты идут, как правило, без подписей или под псевдонимами: «Приезжий», «Старый знакомый» и другими.

г. ОРЕНБУРГЪ. Архирейскій Домъ.

▲ Оренбург. Орская улица

Знали все, не назвал никто

Так кто же скрывался под псевдонимами фельетонов, потрясших сонный степной город в середине семидесятых годов девятнадцатого века? В 1879 году в Оренбурге случился страшный пожар. Сгорела большая часть города и в том числе дом редактора и издателя «Оренбургского листка», находившийся в районе нынешней улицы Пролетарской. Погибла редакция и типография. Стало ли это частью общей стихийной беды или так под сурдинку расправились с Иваном Ивановичем Евфимовским-Мировицким за злокозненные фельетоны — доподлинно неизвестно. Если все же предположить второе, то у поджигателей были все причины считать, что под маской ненавистного им Барбачева (а, скорее всего, они точно это знали) скрывался сам Иван Иванович.

Наверняка знал об этом и Столпянский, когда в вышеупомянутом очерке намекал на «всем известное, уважаемого общественного деятеля Оренбурга». Сам Евфимовский-Мировицкий, который руководил своей газетой до конца жизни в 1905 году, на двадцатипятилетии «Оренбургского листка» в 1901 году призна-

вался, что «был и редактором, и издателем, и типографом, и корректором, и автором... собственной газеты».

«В одной из лучших своих повестей — «Стране отцов», ставшей в 1905 году наряду с «Поединком» А. И. Куприна книгой года для читателей России, С. И. Гусев-Оренбургский рассказал о содержании и направленности оренбургских газет, о преследованиях за прогрессивные корреспонденции со стороны местных властей. В повести выведен образ редактора «Старомирского листка» Веселухи-Миропольского — явный намек на редактора «Оренбургского листка» И. И. Евфимовского-Мировицкого», — считает оренбургский исследователь А. А. Прокофьева.

Но кроме косвенных подтверждений авторства фельетонов, есть и более конкретные подсказки, и в первую очередь оставленные самим Евфимовским-Мировицким. Начнем с того, что это был очень грамотный человек — выпускник сначала Черниговской духовной семинарии, затем Петербургского университета с ученой степенью кандидата прав. С 1871 по 1875 годы он состоял частным преподавателем в Оренбургском женском Неплюевском институте по предметам: русский язык,

теория словесности и история русской литературы — и за успехи учениц был удостоен Высочайшей денежной награды. Художественные достоинства фельетонов «Оренбургского листка» первых лет издания очевидны, как очевидно и однообразие их стиля.

Теперь о псевдонимах. Первый фельетон, подписанный, как мы уже сообщали, Нето, помещен на первой странице первого номера «Оренбургского листка» рядом с передовой. Редактор явно хотел поставить знак равенства между ними или намеренно подчеркнуть важность нового жанра на страницах газеты. Кстати, именно feuilleton (с французского — листок, листочек), скорее всего, и дал название оренбургской частной газете.

Если отсылать происхождение псевдонима к жюль-верновскому капитану, то здесь открывается двойной намек: во-первых, автор — руководитель, капитан газеты; во-вторых, речь идет о подводном плавании этого капитана — в подтексте фельетона и в глубинах иронического иносказания. Если же не брать во внимание французский роман, то псевдоним расшифровывается еще проще: в переводе с греческого, который выпускник семинарии и университета Евфимовский-Мировицкий

знал наверняка, «немо» означает «управляю, распределяю». Чем не псевдоним для автора, редактора и издателя в одном лице?

То, что Nemo — автор и «Переписки двух подруг», и «Дневника Старожила», а также N, Z и X, становится ясно хотя бы из стихотворного фельетона «Исповедь фельетониста», помещенного в № 9 «Оренбургского листка» за 1876 год, где Nemo почти прямо говорит об авторстве опубликованных ранее произведений:

*«А дабы облегчить
вам формулу прощенья
И индугенции самим не сочинять,
Решаю я теперь для самообличенья
Вам всех своих грехов
подробный список дать.
Их счетом семь, как семь
и фельетонов,
Что здесь, в «Листке»,
я, грешный, поместил...»*

Как раз семь фельетонов, включая «переписку подруг» и «дневник Старожила», было и напечатано с начала года.

С. Барбачев впервые появляется в № 17 в собственной фельетонной рубрике «Картинки с натуры» с подзаголовком «Посвящается памяти «Старожила» — как бы на смену «сбежавшему из города фельетонисту» с таким псевдонимом. Правда, Старожил мелькнет еще однажды, но место его уже занято более откровенным «правдуробом» Барбачевым — грозой ленивых думцев и жуликоватых купцов. (Кстати, фамилию нового фельетониста можно вывести из слова «барба» — так называется острый заусенец, возникающий при процарапывании картинок на металле).

Кому, как не Евфимовскому-Мировицкому, состоявшему гласным городской думы в 1874–1887 гг., сверхштатному чиновнику особых поручений при губернаторе, а также мировому судье, было знать в подробностях те факты и события, которым посвящены фельетоны?

Новая маска требует более жесткого пера, и фельетонист, как мы уже убедились выше, обладающий даром художественного перевоплощения, прекрасно справился с этой задачей. Однако если говорить о стиле, характере и построении фразы, об особенностях композиции фелье-

тона, часто включавшей стихотворное резюме или сатирическую квинтэссенцию ситуации, то перед нами тот же Nemo, только «прошедший тяжкий путь познания».

В № 23 за 1877 год помещена гневная отповедь фельетонисту Барбачеву от Оренбургского станичного правления, подписанная Петром Ивановичем Авдеевым. Любопытно, что по горячим следам делает сноски и комментирует их лично редактор, судя по характеру замечаний, едва удерживаясь от полемики, — комментирует как автор, в деталях отвечающий за свои слова. В следующем номере «Листка» Авдееву оппонирует уже Барбачев, но с теми же аргументами и с той же интонацией, что и редактор.

Л. Вейсберг, судившийся с газетой, подал иск не на Барбачева, а напрямую на редактора и не только потому, что он по определению в ответе за все публикации. «... Если у меня нет такого легкого оружия, как собственная газета, — угрожает он, — то зато я, благодаря судьбе, имею в себе бескорыстного и преданного адвоката, который, смею уверить редактора, будет столь же неутомим на скромном поприще закона, сколько он на видных столбцах своего почтенного органа». «Видные столбцы», из-за которых и разгорелся судебный сыр-бор, как видим, напрямую приписываются редактору.

Верны наши выводы или нет, но в любом случае факт остается фактом: во второй половине семидесятых годов в оренбургской степи прозвучал голос первого фельетониста, явившего лучшие образцы сатирического жанра на долгие

годы не только в местной публицистике, но и в масштабах российских. Доказательством тому могут служить целые отрывки из фельетонов Барбачева, которые, будучи перенесены на нашу почву и в наше время, звучат по-прежнему взволнованно, публицистично и, увы, актуально. Разве не к нам, потомкам, обращены эти горькие строки? «Вы жалуетесь, что у нас только на бумаге выходит все красиво и благополучно, что у нас две России — одна бумажная, где все обстоит не только благополучно, но «уловляет вселенную», другая же Россия серая, действительная Россия, которой и теперь, как тысячу лет тому назад, приходится скорбно заявлять: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Но кто же этому виноват? Сами мы испортили все реформы, сами мы покалечили все начинания, и в суд, и в земство, и в городские управления, и даже отчасти в школы понапихали Бог весть кого. Кого же будем винить, если эти убогие «деятели» наши, не умея разумно повести вверенное им «честное дело», сумели лишь приосаниться, постичь и расчухать прелесть власти и заорудовать так, что под их дудку заплясали лес и горы! Если мы при этом только пожимаем плечами да охаем по секрету, то кому же обличать, запрещать, благовествовать, настаивать благовременно и безвре-

менно?» П. Н. Столпянский писал в 1901 году, что многое из того, что критиковал в фельетонах Барбачев, актуально и спустя двадцать пять лет. Увы, добавим мы, и спустя сто сорок лет — тоже...

▲ Елизар Александрович
Постников

Тамара Зырянова

Окончила Челябинский институт культуры по специальности «Библиотековедение и библиография». Работала в библиотеках Верхотурья и Советского района ХМАО-Югра. Занимается краеведением и общественной работой. Живет в Верхотурье.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации
предоставлены автором

Я видела его всего один раз и то между делом. Случилось это в 70-х годах прошлого века. Пожилой (как мне тогда казалось) спокойный человек высокого роста. Он зашёл в читальный зал к кассачке профкома, чтобы заплатить профсоюзные взносы. Он тогда уже был на пенсии и в Злыгостевской библиотеке не работал, а вот взносы платил регулярно. Чем-то неуловимым этот посетитель привлёк к себе внимание. Даже спустя 45 лет вижу его образ.

Война и мир краеведа Постникова

От заведующей отделом культуры Зои Александровны Кокоулиной слышала, что Елизар Александрович Постников передал много экспонатов в создаваемый тогда краеведческий музей, что наблюдал за погодой и другими природными явлениями и отправлял в Ленинград результаты наблюдений. Позднее я увидела по первой программе Всесоюзного телевидения передачу. Называлась она «Род. Родник. Родина» и посвящалась подвижнику из деревни Постниковой Верхотурского района. С того времени и остался в памяти чудесный образ этого деревенского мудреца, хранителя старины.

Передо мной фотография Елизара Александровича. Умные, пронизательные глаза многое испытавшего на своём веку человека. Пытаюсь представить, каким он был в жизни. Чувствую его внутренний мир, который мне очень симпатичен.

Милую его сердцу деревню Постникову — так получилось — тоже видела только однажды. Середина 70-х. Жаркое лето. Мы с сотрудниками райисполкома на покосе недалеко от этой уже заброшенной деревеньки. Ходили, перелезая через жерди, напиток к зна-

менитому роднику. Место, где стояла деревня, было заросшее, но не бурьяном ещё, а доброй травой, оставалось несколько нежилых построек. Вспоминаю ощущение покоя, защиты и бывшей совсем недавно здесь неторопливой и основательной сельской жизни.

И сейчас я представляю Елизара Александровича именно жарким летом и в этой деревне. Вот он спокойно идёт, высокий, в светлой рубашке, к своему ухоженному дому, где его ждут дела в саду и на пасеке, музейные экспонаты, увлечения, всё, что составляет смысл и счастье жизни.

Сам о себе он напишет в анкете 1951 года: «Я, Постников Елизар Александрович, родился в семье крестьянина-середняка д. Верхней Постниковой Прокон-Салдинского сельсовета Верхотурского района Свердловской области (по нынешнему административному делению). Обучался в Злыгостевской начальной школе в объёме 4 групп. В 1918 году (во время Гражданской войны) прекратил учёбу, и после чего уже учиться не пришлось, ввиду семейных обстоятельств».

В том году Елизару исполнилось одиннадцать лет. В Верхотурском уезде начались сражения

между белыми и красными. Он запомнил звуки оружейной стрельбы в Актае и Верхотурье, пулемётных очередей во время памятного Путижковского боя. Врезались в память подростку разведчики-белогвардейцы, что развезжали по деревням в поисках активистов советской власти и расправлялись без суда и следствия.

«До апреля 1930 года находился в составе семьи моего отца и работал по хозяйству, а зимами работал вместе с отцом на лесозаготовках», — напишет он в анкете.

Перелистаем страницы его жизни.

В Красноуральске

В годы первых пятилеток строился неподалёку медеплавильный комбинат (Уралмедьстрой) и город Красноуральск при нём. Многие верхотурцы пешком отправлялись туда на заработки. Ходили на разведку в поисках лучшей жизни и жители Постниковой и близлежащих деревень. Видели, что жили строители в землянках и труд был тяжёл. Но трудности не пугали молодых. Елизар в двадцать три года женился и, посоветовавшись с родными и получив благословение, уехал с молодой женой на новостройку. В верхотурских деревнях активно шла коллективизация...

Начался в жизни сельского парня красноуральский период. Сначала работал регистратором в Церабкопе (Центральный рабочий

кооператив), но через полгода из-за квартирных обстоятельств перешёл в леспромхоз. По направлению повышал квалификацию на очных и заочных курсах и к ноябрю 1939 года стал заместителем главного бухгалтера леспромхоза. Основной своей профессией и в последующем считал мирную профессию бухгалтера. Она и воспитала в нем любовь к порядку, бережному отношению к вещам. В Красноуральске родились и росли дочери Тамара и Галя.

В леспромхозе Елизар проработал до дня мобилизации в Красную армию с началом Великой Отечественной войны.

152-я стрелковая

22 декабря 1941 года командир дивизии полковник Вехин и полковой комиссар Иванов приступили к формированию в Красноуфимском районе Свердловской области (Урал ВО) 152 стрелковой дивизии. В её состав были призваны военнообязанные 17 национальностей, на 75 процентов совершенно не обученные.

Вошли в дивизию и красноармейцы, поправившие после ранения здоровье в красноуфимских госпиталах. 16 февраля 1942 года дивизия в составе 480, 544, 646 стрелковых полков, 333 артиллерийского полка, противотанкового дивизиона, сапёрного батальона, батальона связи, медсанбата, зенитной батареи, разведроты, химро-

ты, автороты общей численностью 11371 человек выступила из г. Красноуфимска на Карельский фронт (ЦАМО. Ф. 152 сд. Оп. 1. Д. 1).

Обучались мобилизованные в Архангельской области. Смотрю на фотографию в журнале «Уральский следопыт» (2015, № 5), где изображён наш земляк Савелий Луквич Шельпяков, работавший в детском доме и призванный Новолялинским военным комиссариатом. Стоят вдвоём с другом в полной боевой амуниции, гимнастёрка, ботинки, через плечо скатка, в правой руке винтовка, на переднем плане пулемёт. Фотографировались на тех учениях. И солдат Постников мог быть изображён в таком же виде, например, на фотографии, посланной семье в Красноуральск. С Савелием Шельпяковым он оказался в одной дивизии и даже в одном 646 полку. Есть большая вероятность, что земляки нашли друг друга.

В ночь накануне 1 мая 1942 года дивизию подняли по тревоге, погрузили в эшелоны и отправили в Мурманск. Пушки, боеприпасы, кухня, продовольствие должны были прибыть позже другими эшелонами. Переправившись через Кольский залив, дивизия совершила 80-километровый марш на передовую по безлюдной голой тундре, чтобы принять участие в оказавшейся безуспешной Мурманской наступательной операции войска 14-й армии с рубежа реки Западная Лица (Заозёрск, Североморск-7, Мурманск-150).

Переход начался 2 мая, а через пять суток 152 стрелковая дивизия почти полностью погибла... Стояла по-весеннему солнечная погода, поэтому солдаты были одеты в летнюю форму, а к ночи пошёл тяжёлый мокрый снег. С моря подул морозный ветер и гимнастёрки мгновенно превратились в ледяные скафандры. А потом — пурга. Буря была такой силы, что крики о помощи тонули в свисте ветра. Огонь развести было невозможно, полевые кухни затерялись в крошечной темноте, как и поклажа с одеждой.

Одному из полков авангарда пришлось ещё и бой принять. Пока остальные сражались со снежной бурей, передовые части погибали под огнём немецкой артиллерии. Ни первым, ни вторым помощи

◀ Е.А. Постников с родственниками

► Племянник Г.М. Лиханов (слева) у своего дома в деревне Постниково

ждать было неоткуда. Стихия прекратилась так же неожиданно, как началась. 7 мая выглянуло солнце, осветив тёплыми лучами жуткую картину...

Бытует на Севере только легенда о «замерзшей дивизии». В официальных источниках об этой трагедии ничего не писалось, а ветеранам, видимо, было запрещено об этом даже вспоминать. 34-летний красноармеец Постников был живым свидетелем и участником этой «майской эпопеи». Позднее вдове Шельпякова пришло известие от командира, что, со слов выживших в той трагедии солдат, он

◀ Музей уже открыт

Что бы сейчас ни говорили про коммунистов, а в свои ряды партия принимала достойных людей. Председатель исполкома Верхотурского райсовета Павел Кузьмич Немытов написал в характеристике: «К работе относится добросовестно, исполнительен, аккуратен... Тов. Постников над повышением своего политического уровня работает, в вопросах внутренней политики и международного положения разбирается, ведёт агитационную работу среди колхозников. Идеологически выдержан, морально устойчив». Вскоре Постникова избирают секретарём Прокоп-Салдинской партийной организации. Партстаж с мая 1949 г. А в декабре 1950-го — председателем Прокоп-Салдинского сельсовета.

был отправлен в первый медсанбат. Но в Книге памяти числится как пропавший без вести.

Воспоминаний Елизара Александровича о его фронтовом пути не нашла. В анкете об этом он написал кратко: «Мобилизован 08.01.1942 Красноуральским горвоенкоматом. Находился в составе 152 Краснознамённой стрелковой дивизии, которая формировалась у Красноуфимска. Северный фронт с 04.04.1942, участник майской эпопеи за Мурманский залив в составе 646 полка 55-я рота (писарь-каптенармус). Держали оборону в Заполярье с мая 1942 г. до марта 1943 (майская эпопея). С 23.02.1943 в должности кладовщика интендантской службы 152 дивизии».

После воевал на Юго-Западном, Украинском, Первом и Третьем Белорусских фронтах. Проходил через Польшу в Германию на Берлин.

За селом Подгородним был ранен. Родные рассказывали, что долго пришлось лежать на земле. После боя собирали раненых и убитых. Подъехал санитар на подводе, увидел, что живой: «Сам на телегу забраться сможешь?». Как-то вскарабкался.

Снова на родине

Прошла война, и солдат вернулся к мирной жизни. Снова работает в Красноуральском лесспромхозе. Решает вступить в ряды ВКП (б), а также вернуться на родину. Его не отпускали, но своё решение Елизар принял. В анкете пишет: «Выбыл в связи с переходом на работу счетоводом колхоза». В колхозе имени Жукова Прокоп-Салдинского сельсовета грамотному специалисту были рады. После укрупнения колхоза в 1950 году трудился старшим счетоводом.

Краевед

З. А. Коккоулина, заведующая отделом культуры, написала о нём: «Как краевед был настолько знаток старины глубокой, что мы его считали главным консультантом почти по всем темам, особенно крестьянского быта. Когда Александр Дмитриевич Бальчугов повёл научную экспедицию по Бабиновской дороге, мы с Постниковым собрали в деревнях всё, что их интересовало и складировали в его двух амбарах. Всё, что было собрано, он передал музею — более 600 экспонатов, да каких — крестьянский быт, ремесленные инструменты. Как человек он настолько был интересным собеседником, что рассказы его о природе, об орудиях, с которыми крестьянин работал, заораживали человека».

Масштаб деятельности сельского краеведа удивляет своей многогранностью. Он составляет списки погибших фронтовиков. Собирает материал по истории деревни Постниковой и города Верхотурья. Проводит в деревнях Прокоп-Салдинского сельсовета учёт всех деревянных строений, имеющих архитектурную или историческую ценность. Среди них отмечает дома, имеющие возраст сто и более лет. Обобщает воспоминания о событиях Гражданской войны в Прокоп-Салде. Восстанавливает биографию Якова Демидовича Постникова, адвоката, первого комиссара земледелия Верхотурского уездного Совдепа, погибшего от рук белых. Начал собирать материалы о Донате Евгеньевиче Сенянском, балтийском матросе-большевике, приехавшем в июне 1918 года в Верхотурский уезд для организации записи добровольцев в РККА, убитом кулаками в Прокоп-Салде в июле того же года. Выступает перед школьниками. Ведёт большую переписку. К нему обращаются за помощью. Участвует в работе ВООПИК в Верхотурье.

Когда в 1973 году исполком верхотурского райсовета принял решение «Об организации народного краеведческого музея и оформления экспозиции», Е. А. Постников становится членом совета по организации музея. И позднее связь с музеем он поддерживал всегда.

Бережливость и уважение к вещам, сделанным руками человека, Елизар унаследовал от отца Александра Осиповича. В его амбарах хранились предметы минувшей эпохи, изготовленные из дерева и железа. Коробы плетёные, остроги, корчаги, большие и маленькие фонари, в которых горели свечи, бродни, решёта... Амбар был как музей. Всех гостей и приезжих хозяин водил туда показывать свои экспонаты.

Фенолог

В 60-е годы фенологическая сеть Географического общества СССР насчитывала более 3,5 тысячи корреспондентов-фенологов на добровольных началах. Одним из сотен подлинных любителей природы, бескорыстно принявших на себя благородные обязанности изучения родного края, был наш земляк, единственный в Верхотурском районе.

Наблюдать за природой Зорю тоже в детстве приучил отец. Уже в 1928–29 гг. Елизар Александрович самостоятельно делал фенологические наблюдения и отсылал записки в Москву.

В 1962 году ему пришло из Ленинграда предложение вступить в число корреспондентов добровольной фенологической сети Географического общества СССР. Он получил программу и бланки наблюдений и, успешно выдержав годичный срок выполнения заданий по фенологии, был пожизненно зачислен корреспондентом-фенологом ГО СССР. В музее хранится тетрадь Е. А. Постникова «Запись фенологических наблюдений с января 1964 года». Много лет фенолог-любитель фиксировал сезонные явления: таяние снегов, прилёт грачей, крик перепела, особенности поведения животных и птиц в определённых условиях... Результаты наблюдений отправлял в Академию наук.

Президиум Географического общества СССР наградил Елизара Александровича Почётной грамо-

той за многолетние фенологические наблюдения в д. Постниково Свердловской области.

Фольклорист

Немецкий альбом для марок «Альбом маркен» Елизар привёз с войны, и он ему пригодился для хорошего дела. В нём собиратель старины и фольклора записывал частушки и песни. Особенно любил старинные свадебные, величальные песни. Столько образов, столько поэзии в каждой нашей русской уральской песне! Говорят, что и сам он пел старинные русские песни, обладая сильным, красивым голосом.

Постников впервые записал свадебные причитальные и величальные песни от Анастасии Дмитриевны Постниковой в 1958 году. Много помнилось с детства. Частушки слышал от отца Александра Осиповича, сестры Степаниды Александров-

▼ Фенолог Постников у заветного дерева

▲ Дом для приема почетных гостей в Верхотурье был единственным сооружением на Среднем Урале в стиле боярских хором XVI – XVII вв. Сооружался с 1913 по 1914 г. артелью плотников из д. Стекольной Кунгурского уезда во главе с С. Е. Овчинниковым. Отличался высоким уровнем исполнения плотницких и столярных работ. В досоветский период располагался на территории мужского монастыря. С 1977 г. в здании был размещён районный краеведческий музей. В 2000 году дом стал составной частью Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. 11 ноября 2010 г. дом сгорел. Потеря уникального памятника стала настоящим ударом в самое сердце Верхотурья. Был установлен поджог, заведено уголовное дело, но злоумышленники так и не найдены. В настоящее время дом восстановлен в прежнем виде, но пока пребывает в незавершённом состоянии.

ны Лихановой, матери отца друга Никифора Андреевича Постникова. Записывал от односельчан и от жителей близлежащих деревень. Однажды за два вечера записал от неграмотной Матрёны Евдокимовны Дружининой 1895 года рождения около 300 частушек. С 1959 по 1976 год в областной Дом народного творчества Елизар Александрович отослал 14 свадебных и 35 народных песен, 13 плясовых напевов и 769 частушек, бытовавших в нашей местности. У П. П. Ершова, большого знатока фольклора, есть упоминание о ягоде журавлице. И пометка: так в Прокоп-Салдинской округе называют клюкву. Узнал Павел Петрович об этом от Постникова.

О забытом промысле

В 1962 году во время первой экспедиции института художественной промышленности на Урал была открыта уральская кисте-

вая роспись по дереву – самобытный вид русского народного творчества.

Экспедиция прибыла в один из центров производства туесов в Верхотурском районе – селения Прокоп-Салдинского сельсовета. Ещё в первой половине XX века здесь делали расписные и чеканные туеса, по-уральски «бураки».

Сопровождая гостей, Елизар Александрович и предложил в заключение посмотреть старый дом с расписными стенами. «После солнечной улицы в комнате ничего не было видно, но стоило отворить ставни, смхнуть со стен пыль, как открылось удивительное зрелище. Эта встреча определила на долгие годы направление практической и научной работы сотрудников института. С того дня было проведено ещё 14 экспедиций, изучено громадное количество литературы, историче-

ских и архивных материалов, разработано немало научных тем, проведено экспериментально-творческих работ, связанных с уральской росписью». Москвичи тогда самолично отмывали стены деревенской избы, копировали проявившиеся узоры и рисунки старой кистевой росписи, делали зарисовки, фотографировали.

Посылая в октябре 1979 года Елизару Александровичу газету со статьёй, В. А. Барадудин, кандидат искусствоведения, писал: «Посылаю вам статью, опубликованную в Соликамске. Не могу не упомянуть Вас, как человека, первым указавшего на росписи в крестьянских домах». Наш земляк стоит в одном ряду с другим подвижником Иваном Даниловичем Самойловым, создавшим в 70-е годы в Нижней Синячихе Алапаевского района единственный в стране музей уральской народной росписи.

▲ Деревню начал восстанавливать племянник Г.М. Лиханов. После него — внучатые племянники. Ныне д. Постниково оживляется, земли частично засеваются, содержится пасека, садятся огороды, выращиваются телята

Библиотекарь

В послевоенные 40–50-е годы в Верхотурском районе работало много мужчин заведующими избами-читальнями и клубами. Елизар Александрович из их числа. В шестидесятые годы он трудился в Злыгостевской сельской библиотеке. Это его последнее место работы: библиотекарь и заведующий клубом. Помещение было универсальным: здесь и клуб, и читальный зал, здесь же и выборы проходили. Елизар Александрович ставил спектакли и концерты, которые с удовольствием посещали жители деревни. Ему нравилось работать с людьми, особенно с детишками. У него в клубе и библиотеке всегда было много ребятни. И в читальном зале хоть весь вечер можно было сидеть и читать.

Как бы мы сейчас сказали, процент охвата населения чтением был гораздо выше нормы, благодаря и добровольным распространителям книги. Так, например, в деревне Шумковой, помогая сельскому библиотекарю, выдавал книги у себя на дому Алексей Степанович Камыш, в Никитиной — Ка-

сьян Дмитриевич Романюга. Простые люди, но по-хорошему любившие книгу.

В семье, где он родился и вырос, не было грамотных, и сам Елизар Александрович имел только начальное образование. Как и писатель А.М. Горький, своим университетом тоже мог бы назвать чтение. Его внучка А.С. Шеина (Батракова) вспоминает: «Мы, внуки, часто гостили у дедушки. Из детства и юности запомнились семейные традиции. По вечерам мы собирались всей семьёй в просторной уютной гостиной, где вдоль стен были расставлены большие деревянные окрашенные лавки. Посередине комнаты располагался стол, на котором стоял огромный самовар. Во время семейных посиделок мы пили ароматный чай из стаканов в подстаканниках с душистым домашним мёдом. У дедушки была пасека. Он занимался пчеловодством. За чаепитием дедушка Зоря (так мы его называли) читал нам вслух.. У дедушки была большая библиотека русских писателей-классиков. Особенно дедушка любил произведения Некрасова и Тургенева. Да и сам он был великолепным рассказчиком. Он так увлекательно и ре-

▲ Правнучатая племянница

алистично рассказывал разные истории из жизни, что мы чувствовали себя участниками этих событий».

С непридуманной сказкой схожа достойная памяти потомков жизнь деревенского мудреца, хранителя старины. 📖

Владимир Бойко

Подполковник авиации запаса, военный историк, член Общества уральских краеведов. Автор монографии и нескольких десятков статей по военной истории. Кавалер ордена «За верность Отечеству» (2016), медалей «Царственных страстотерпцев» РПЦ (2018), «За вклад в развитие фалеристики» (2013). Живет в Екатеринбурге.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

► Дядя Коля в молодости

Мгновения и лики Великой войны

Интерес к Первой мировой войне в нашей стране вновь возник недавно. Этому во многом способствовал Указ Президента РФ «О дополнении к Закону о датах воинской славы в России» от 30 декабря 2012 года с объявлением 1 августа Днем памяти солдат и офицеров Русской императорской армии,

сражавшихся на всех фронтах этой войны. Как следствие этого, 1 августа 2014 года в стране была широко отмечена трагическая и памятная дата — 100-летие начала Первой мировой войны, самого грандиозного вооруженного столкновения государств и народов начала XX века.

◀ Дядя Коля — военный врач. 1914 г.

из снимков. На другом снимке, более раннем, он еще молодой человек, скорее всего, времени студенчества. Даритель мало что знал о жизни и судьбе своего родственника, но помнил, что звали его дядя Коля. В начале Великой войны, в 1914 году, он был мобилизован в армию и назначен смотрителем, т.е. начальником одного из прифронтовых госпиталей, развернутых на Западном фронте, на территории Царства Польского, входившего тогда в состав Российской империи. Фотография студента меня мало привлекла, тем более, что там он снят не в студенческой форме с вензелевым изображением названия учебного заведения на контрпогонах тулужурки, а в гражданской одежде. А вот фото, где он в военной форме, хотя оно никак не подписано, оказалось очень содержательным.

В правом нижнем углу паспарту есть отпечаток печати фотографа из Варшавы, сделавшего этот снимок, дошедший до наших дней. Даже при первом беглом взгляде на этот давний, но очень качественный, хорошо сохранившийся снимок видно, что человек надел военную форму недавно — об этом внимательно исследователю говорит масса фактов.

Шинель новая, еще не обмятая, солдатского образца, с застежками на крючках, на нескольких ниточках едва держится пуговица для башлыка, револьверный шнур для офицерского походного снаряжения старого образца (Приказ по Военному ведомству «ВВ» № 232 от 27 мая 1909 года),

уже отмененного, тянется к еще пустой кобуре для револьвера образца 1895 г. — сам револьвер еще не выдали (в начале войны оружия не хватало).

Но зато военный врач только что получил на складе новенькую офицерскую шапку образца 1909 года на плечевой португее с прекрасно видимым вензелем Государя-императора Николая II на верхней обоймице эфеса. К числу многих несоответствий, конечно, нужно добавить, что на снимке военный врач в чине коллежского асессора (чин VIII класса по Табели о рангах), а погоны на шинели не докторского образца — узкие (Приказ по «ВВ» № 120 1908 года), а полевые офицерские, капитанские (с одним просветом без звездочек) и пришиты наспех, кое-как. На погонах также отсутствует красный эмалевый крест, но зато поязка медицинская надета, как и положено, на левый рукав — собственно, именно по ней и атрибутируем, что изображенный на снимке — военный врач, хотя взгляд из-под очков у него совершенно невоенный и вид неуставной — руки в карманах! Обмундировали только что призванного в армию земского врача в то, что было на складе. Вот он и решил сфотографироваться у варшавского фотографа себе на память, а вышло — для Истории!

В 1915 году Русская армия оставила Варшаву и Царство Польское, началось отступление. Поток беженцев устремился в центральные губернии России и дальше, на Урал и в Сибирь. Попала на Урал и семья воен-

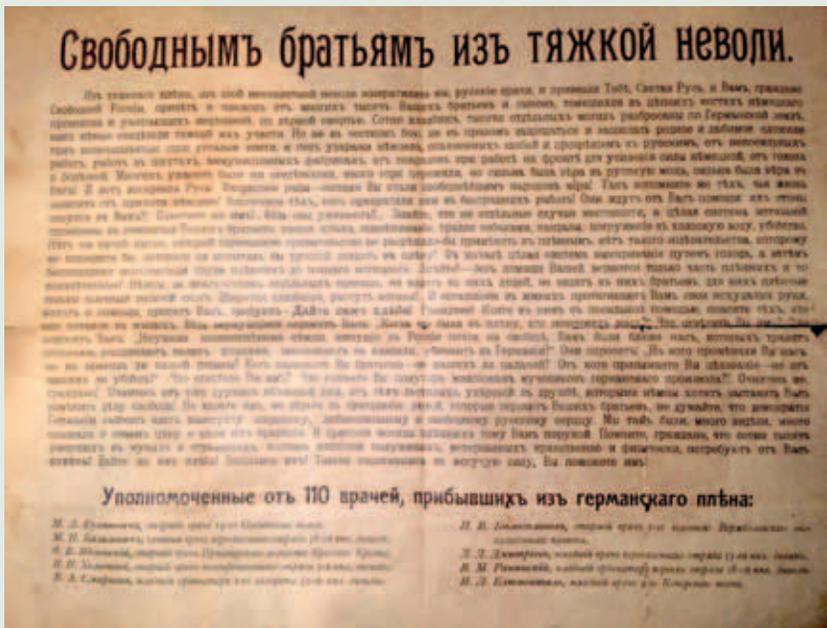
▼ Воззвание 110 врачей

Хотя уже прошел целый век после этих трагических событий, сменились поколения, общенародный строй, но в памяти народной они живы, находят свой яркий отклик и, что особенно ценно, в семейных архивах и собраниях коллекционеров обнаруживаются очень интересные документы, письма, фотографии и предметы материальной культуры той эпохи. Исследуя эти бесценные свидетельства столетней давности, часто очень личные, иногда находишь в них известные фамилии, факты и подтверждения широко известных событий той поры, и тогда в обычных явлениях и вещах проявляется сама История.

Несколько таких свидетельств, иллюстрированных фотографиями, письмами и документами периода Великой войны и революции в России, и предлагаются вниманию читателя.

Дядя Коля

Эти фотографии попали ко мне от дальнего родственника военного врача, изображенного на одном

▲ Генерал Д.Л. Хорват

▶ Незнакомка А.Г.

ного врача, спасаясь от надвигающегося фронта. К сожалению, судьба дяди Коли доподлинно неизвестна. По некоторым косвенным сведениям, он попал в германский плен, из которого вернулся в Россию в самом конце 1917 – начале 1918 года, уже после Октябрьского переворота и заключения правительством большевиков перемирия с Германией. На это указывает и сохранившийся в семье любопытный документ – воззвание 110-ти врачей, только что вернувшихся из германского плена. Среди многих подписавших это воззвание, вероятно, есть и подпись дяди Коли.

Оно называется: «Свободным братьям из тяжелой неволи». Там есть такие слова: «...И вот воскресла Русь! Вчерашние рабы – сегодня вы стали свободнейшим народом мира!...». Опыанным революционным духом, обманчивым воздухом Свободы, им казалось – вот кончилась война, они вернулись домой живыми, встретились с родными и близкими, самое тяжелое уже позади, теперь жизнь будет прекрасна. А на самом деле все ужасное только еще начиналось...

«Загадка в клубах пара»

Эта фотография тоже попала ко мне от дальнего родственника изображенной на фото молодой, симпатичной женщины. Родственник спу-

стя сто с лишним лет (фото датировано 8 ноября 1910 года, художественная фотография В.А. Богомолова в Камышлове) уже не помнил ни имени ее, ни фамилии. Не смог он расшифровать и ее инициалы – А.Г., указанные под дарственной надписью: «На память другу Мише от А.Г.». Но зато поведал очень интересное семейное предание.

Незнакомка жила на Урале, в городе Камышлове, что стоит на железной дороге недалеко от Тюмени, тогдашней Тобольской губернии. Согласно этому преданию, А.Г. вышла замуж за сердечного друга Мишу, работавшего на «железке», и вскоре они уехали на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) – тяга к перемене мест, к тому же там хорошо платили. Дело было еще до войны, но пришел

1914 год и мужа мобилизовали в армию, в один из железнодорожных батальонов. Супруга осталась одна...

Спустя какое-то время ее встретил управляющий КВЖД, грозный и все сильный генерал Дмитрий Леонидович Хорват, и А.Г. стала со временем его близкой знакомой...

Как гласит народная мудрость, шила в мешке не утаишь, и эта близость, конечно, стала известна всем, в том числе жене генерала Хорвата – Камилле Альбертовне (урожденной Бенуа), что только подлило масла в огонь.

Дальнейшее развитие событий привело к разрыву А.Г. с мужем, большому скандалу и осуждению в обществе, и, в конце концов, она повторила трагическую судьбу Анны Карениной – бросилась под поезд на этой самой КВЖД... Не потому ли гене-

рал Хорват совершенно отошел от дел железной дороги и уехал в 1920 году в Пекин, где занимался только общественной и политической деятельностью.

В годы Гражданской войны в стране, особенно на окраинах, остро не хватало наличных денег, и многие регионы, города, различные правительства, как красные, так и белые, сменявшие друг друга, — все выпускали свои денежные знаки. В этом бушующем море Гражданской войны относительным островком стабильности была зона КВЖД, как тогда говорили, «счастливая, благословенная Хорватия». Здесь генерал Хорват, имевший большой политический вес на Дальнем Востоке, с конца 1918 по 1920 год совместно с Русско-Азиатским банком использовал свои денежные знаки нескольких номиналов, отпечатанные в США на очень хорошей качественной бумаге.

На них был изображен паровоз в клубах пара, несущийся по рельсам. Очень живописная картина. Но еще первые исследователи бумажных денежных знаков периода Гражданской войны в 20-х годах XX века высмотрели в этих клубах пара у колес паровоза... женское лицо с открытым в крике ртом! Эта деталь известна многим бонистам, особенно тем, кто увлекается направлением коллекционирова-

► Немецкий кавалерист. 1915 г.

ния под названием «Загадка в клубах пара».

Я вспомнил об этом, когда дальний родственник незнакомки с инициалами А.Г. поведал мне семейное предание.

«Немецкий кавалерист 1915 года»

Чтобы не быть субъективным, представляю вашему вниманию интересный снимок нашего бывшего противника и связанную с ним историю.

Фотоснимок 1915 года, очень хорошее качество изображения, прекрасно видны все мельчайшие детали. Молодой, подтянутый кавалерист в полной, тщательно подогнанной форме, в застегнутом на все пуговицы мундире, в фуражке с двумя кокардами (на тулье и околыше), как и положено по-немецки, опоясан кожаным ремнем с форменной пряжкой с девизом ««Gott mit uns» («Бог с нами!»). На плечах кавалериста погоны с отчетливо видной цифрой «4» и вензелем. Обращает на себя внимание сложная конструкция конской сбруи, хорошее новое седло, стремяна и притороченная к седлу сабля образца 1889 года в металлических ножнах и с неизменным темляком.

Молодой, бравый, подтянутый кавалерист одет строго по форме и обут в кожаные сапоги со шпорами. Отдельно надо сказать о прекрасной вороной лошади с аккуратно подстриженным хвостом — в целом создается картина единения всадника и коня.

Удалось прочитать и текст на обороте фотографии на немецком языке, из которого узнаем, что бравый кавалерист служил осенью 1915 года в подразделении № 4 фельджандармерии Германии в пригороде города Карлсруэ, земля Баден-Вюртемберг...

По всей видимости, молодой кавалерист позднее был направлен на Восточный фронт, военное счастье переменчиво, и он попал в русский плен. В плену был на Урале, в лагере под Нижним Тагилом, где и застал революцию, окончание Великой войны и начало Гражданской.

Каким-то образом это фото и еще ряд документов остались на Урале и спустя 100 лет эту интересную фотографию у меня есть возможность представить широкой общественности. ☑

◀ Бона Русско-Азиатского банка (КВЖД). 1919 г.

Цветная палитра Урала

Андрей Чуднов

Геолог. Увлёкся наукой ещё в детстве. Затем окончил Горный институт, работает по специальности.

Парадоксы малахита

Пожалуй, если вы спросите своего собеседника, о ком писал свои сказы Павел Петрович Бажов, кто их главные герои, вы можете услышать совершенно разные ответы. Кто-то скажет — Данила-мастер и Хозяйка Медной горы, кому-то

запомнилась Огневушка-Поскакушка с Федюнькой, другим Дарёнка и Серебряное Копытце. У каждого читателя есть свои любимые и запомнившиеся ему герои. Но на вопрос, о каком камне писал Бажов, вам сразу ответят: «О малахите».

Действительно, самый яркий и запоминающийся каменный образ в его сказках создан малахитом. И это несмотря на наличие золота, хризолита-демантоида и других камней-самоцветов. Объясняется это не только мастерством писателя, рассказавшего про малахитовую шкатулку и каменный цветок, но и магией самого камня, который, по меткому выражению автора, «в сердце весну делает, радость человеку даёт».

Вспомним, какими же словами Павел Петрович описывает малахит. Из него и платье Хозяйки Медной горы: «камень, а на глаз как шёлк, хоть рукой погладить». То он «как вешняя трава под солнышком, когда ветерком её колышет. Так волны по зелени-то и ходят». На другом куске можно увидеть рисунок, будто «птица с дерева книзу полетела, крылья расправила, а снизу навстречу другая летит». Разве это описание холодного камня? Разве это мёртвая красота? Нет — это красота и движение жизни!

Как образовался этот радостный камень, где добывался и добывается ли сейчас? Попробуем разобраться.

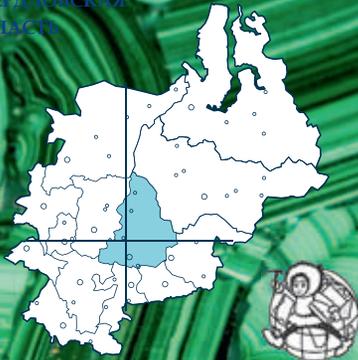
Вообще малахит, как природное химическое соединение — мине-

рал, встречается очень часто. Практически везде, где руды, содержащие медь, выходят на поверхность земли и подвергаются окислению, можно найти малахит. Название его происходит от греческого слова *malachi* — то есть мальва, на которую он очень походит цветом. Его химическая формула $\text{Cu}(\text{CO}_3) \times \text{Cu}(\text{OH})_2$. Такие

или близкие по составу химические соединения образуют зеленоватые покровы даже на попавших во влажную среду медных монетах и брон-

► Меднорудянский карьер. Вид с севера на юг. Автор фото: Олег Кадук. Август 2007 года

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Малахит

◀ Меднорудянский карьер. Деревянная крепь старых выработок среди цветных глин в западном борту карьера. Автор фото: Олег Кадук. Август 2007 года

зовых монументах. Этот рыхлый землистый малахит называют «медной зеленью». Его природные скопления, смешанные с другими минералами меди, используют как руду для получения чистого металла.

Часто малахит встречается в виде сферических почек, натёков разной формы, в том числе похожих на сосульки, в виде волокнистых с шелковистым блеском агрегатов. Такие образцы считаются отличным коллекционным материалом.

Что касается ювелирного и поделочного малахита, то это образования уже более редкие. А большие скопления этого минерала встречаются всего в нескольких районах мира. Но везде необходимым условием для их образования является соседство в недрах медных минералов и соединений угольной кислоты — карбонатов — известняка, мрамора, доломита и мергеля. Причём в земных недрах медная минерализация должна быть над карбонатами, как говорят геологи, «ле-

жать» на них. Тогда нисходящие воды с растворёнными соединениями меди будут просачиваться вглубь земли и, попадая на карбонатные толщи, вступать в химические реакции, результатом которых будет образование малахита. Затем малахит должен покрыться предохраняющей его от разрушения и дальнейшего преобразования глиняной оболочкой. Именно по такой схеме были сформированы крупнейшие малахитовые залежи Урала и Центральной Африки.

К сожалению, уральские кладовые сейчас исчерпаны, и в настоящее время в мире существует только одно место, откуда малахит в значительном количестве поступает на рынок камнерезного сырья. Это центрально-африканские государства — Демократическая Республика Конго (бывший Заир) и Замбия. Именно в этих странах находится Меденосный Пояс Центральной Африки, протянувшаяся почти на полтысячи километров цепочка медьсодержащих месторождений, бывший берег древнего моря. Здесь, в нижних частях толщи медистых песчаников, лежащих на осадочных породах доломитах и мергелях образуются скопления малахита. По оценкам геологов, при добыче меди на десять тысяч тонн руды приходится до ста килограммов малахита.

Да, практически все современные камнерезные изделия сделаны из африканского сырья. Но это совершенно не должно нас расстраивать. Ведь мода на малахит и всемирная слава пришли к нему именно с Каменного Пояса, с Урала, из России.

Первой среди уральских малахитовых кладовых был Гумёшевский рудник. Он был открыт в 1702 году как месторождение меди. Заявили о находке Сергей Бабин и Козьма Сулеев, отыскав его по рассказам о старых «чудских» выработках. К 1750-м годам на месторождении начинают находить крупные куски малахита. Путешествующий в 1770 году по России профессор П. С. Паллас пишет: «За медянистыми глинами обыкновеннейшая близколежащая в Гумешевском руднике преизрядная руда есть твердой малахит или твердая медяная зелень, которая бывает двоякого рода: перьвой род скорлуповат наподобие известных (известковых — А. Ч.) ростков, который, несмотря на умеренную онаго твердость к полированию весьма способен, и соразмерно различности нарослых скорлуп видны в нем по граненым кускам самая прекраснейшая цветныя темнозеленые полосы и воды, коих совершеннейшей красоте и доброте, одной только недостаает твердости... Другой род ветвист или наподобие пуху изнутри к наруже разлучист, цветом темен, тяжел, богатеет перваго, на поверхности как бархат, в изломе как атлас...». Владелец рудника Алексей Фёдорович Турчанинов увлечённо собирает минеральные штуфы медных руд и малахита. В коллекции его оказываются даже образцы «походяшинских» руд и малахита из Турьинских рудников Максима Походяшина.

В 1775 году на Гумёшках добывают малахитовое скопление весом в 135 пудов. После обивки вме-

▼ Меднорудянский карьер.
Восточный и южный борта
карьера. Автор фото: Олег Кадук.
Апрель 2016 года

◀ Меднорудянский карьер. Скопление хризоколмы среди глин и бурого железняка. Автор фото: Илья Таланцев. Декабрь 2005 года

щающих пород остаётся глыба весом 94 пуда (примерно 1500 кг). Подаренная императрице Екатерине Великой, она сохранилась до наших дней. Её можно видеть в Санкт-Петербурге в музее Горного института. Так уральский малахит со времени первых находок становится «представительским» камнем, крупные штUFFы отправляются в лучшие минералогические коллекции России и Европы.

Владельцы Гумёшевского рудника не ограничились коллекционированием малахита. Они начинают продавать его на гранитные фабрики. В конце XVIII — начале XIX веков появляются первые крупные камнерезные изделия из малахита. Мастера-камнерезы нашли способ наилучшей обработки зеленого минерала и создания из него крупных декоративных изделий. Искусство это заключалось в тщательной подборке рисунка камня из напильных тонких пластинок. Результатом мастерской работы был эффект того, что крупное изделие, например ваза или столешница, выглядело как сделанное из цельного куска камня. Такая техника камнерезных работ получила название «русской мозаики».

По-видимому, именно турчаниновский малахит послужил основой

для малахитовой отрасли камнерезного дела. С уральским малахитом начинают работать на Екатеринбургской и Петергофской гранитных фабриках и в частных мастерских. Николай Никитич Демидов скупает сырьё и отправляет его для выполнения собственных заказов французским и итальянским мастерам. Так постепенно в России и Европе появляется мода на малахит.

В 1808 году после заключения Тильзитского мира несколько крупных изделий: чаша, столешница, тумбы под канделябры — были преподнесены в качестве подарка Александром I Наполеону. В Париже они

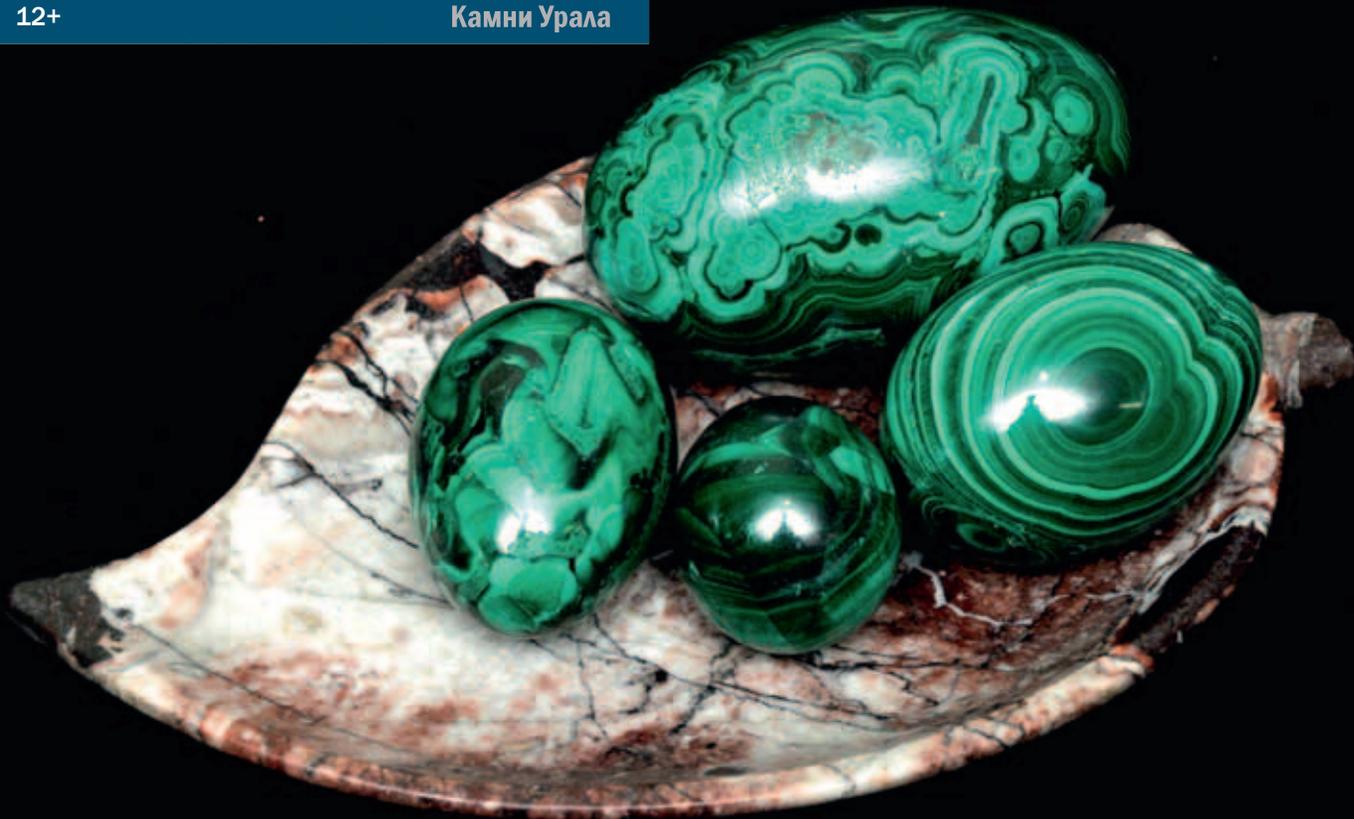
были размещены во вновь обустроенном Салоне императора дворца Большой Трианон. Архитекторы и декораторы дополнили малахитовые изделия золочёной бронзой и разместили в зале с пурпурными драпировками. С тех пор в интерьерах стараются придерживаться подобных цветовых стандартов: зелёный малахит, золото бронзы, тёмно-малиновые драпировки и обивка мебели на фоне светлого пола, потолков и стен глубокого белого цвета. Это роскошь, богатство и классика.

Однако к двадцатым годам XIX века добыча малахита в Гумёшевском руднике значительно сократилась. Демидовым же очень повезло. В 1813 году в черте принадлежавшего им Нижне-Тагильского завода, как тогда называли город

▶ Дарохранильница, 1852 год

▼ Меднорудянский карьер. Хризоколма. Автор фото: Илья Таланцев. Декабрь 2005 года

◀ Меднорудянский карьер. Деревянная крепь демидовского медного рудника. Автор фото: Илья Таланцев. Весна 2007 года

партии поделочного сырья поступили на камнерезные фабрики.

В 1835 году в шахте «Надёжная» было открыто огромное скопление малахита. В течение нескольких лет эту многотонную массу прямо в руднике на семидесятиметровой глубине очищали от вмещающих пород. В 1837 году минералогическую редкость показали Цесаревичу Александру Николаевичу. Более десяти лет она находилась нетронутой в недрах. Но к началу 50-х годов её всё-таки разобрали на отдельные куски и отправили на камнерезные фабрики. Её вес, по разным источникам, составлял от 200 до 500 тонн. И, по словам историка В.Б. Семёнова, малахит этого скопления «обеспечил русской культуре камня почти четверть века малахитовой лихорадки». Изделия из тагильского камня стали украшением и гордостью коллекций крупнейших и не очень крупных музеев многих стран. Можно упомянуть Эрмитаж, Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, Национальный музей истории в Мехико, Галерею Современного искусства во Флоренции. А также это Испания, Австрия, США. Пожалуй, это не полный список.

Нижний Тагил, вблизи небольшой речки Рудянки было открыто медное месторождение. Медные руды здесь находили и раньше, а со слов того же Палласа, даже добывали «изрядные почки малахитов, которые положением и глиною во всем подобны богатым рудам Гумешевского рудника». Но месторождение было забыто на несколько десятилетий, до тех пор, пока местный житель Кузьма Кустов, будучи уже

старым человеком, по одной легенде, вспомнил и рассказал о добываемых медных рудах, по другой — при рытье колодца в его огороде нашли признаки медной руды. Так или иначе, месторождение было вновь открыто. Назвали его медным Рудянским рудником, а позднее Меднорудянским.

Здесь, как и на Гумёшках, малахит стали добывать не сразу. Через двадцать лет после открытия первые

В нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» хранятся два осколка от этой массы. Вес их 300 и 500 килограмм. Они были сохранены музейными работниками; в том числе первым «советским» директором нижнетагильского краеведческого музея Александром Николаевичем Словоцким. В 1925 году он писал: «Ввиду исключительной редкости таких экспонатов по их чистоте и однородности и для прекращения всяких попыток на будущее время изъять их для производственных и иных целей из Тагильского музея, прошу Вас вынести специальное постановление о неприкосновенности этих экспонатов и приёме их на государственный учёт».

Гумёшевское и Меднорудянского месторождения малахита не единственные на Урале. Были ещё Высокогорское и Коровинско-Решетниковское в Нижнем Тагиле, Турьинские рудники на Северном Урале, несколько месторождений на Южном Урале. Но к настоящему времени все уральские малахитовые кладовые исчерпаны. Были надежды на возрождение добычи в середине 70-х годов XX века, когда Меднорудянского месторождение стали отрабатывать карьером. Но ожидания не оправдались. Хотя в эти годы было собрано довольно много сырья на небольшие камнерезные изделия и коллекционный ма-

териал малахита и сопутствующих минералов: хризоколлы, псевдомалахита, брошангита, куприта и других.

К настоящему времени ситуация сложилась так, что современные уральские мастера-камнерезы работают с сырьём из Африки. Но с этим материалом они работают по традициям старых малахитчиков, создавая свои творения в технике «русской мозаи-

▲ Изделия из африканского малахита на ярмарке «Минерал-шоу». Фото автора. Осень 2010 года

ки». Даже африканский малахит остаётся для них и для всех любителей камня «родным камнем, в коем радость земли собрана». **УС**

▶ Малахитовая дарохранительница, II век

▲ Памятник удода на ул. Ротшильда в Петах-Тикве (Израиль).
Фото Игоря Ильинского

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Иллюстрации
предоставлены автором,
фото Татьяны Жеребцовой

УДОД — ПТИЦА ДРЕВНИХ

Удод обыкновенный — хорошо известная и широко распространённая птица. В Евразии она бытует на всём протяжении с запада на восток, в средней и южной её части. Удод часто встречается в Предуралье и степях Южного Урала, в республиках Татарстане и Башкортостане, а в Западной Сибири поднимается до 56° с. ш., достигая Томска и Ачинска. В 2016 г. удод был выбран Союзом охраны птиц России символом 2016 года.

О нём немало написано в научной литературе. Но, думаю, не всем известно, что удода, видимо, за его импозантный «наряд» ещё в древности наделяли божественными чертами, а уж сколько поверий сложили о нём за тысячелетия жители Старого Света, и не счесть.

Удод — один из главных персонажей комедий Аристофана и африканских легенд, индийских вед и средневековой европейской магии. Последняя, нужно заметить, дорого стоила удодам. Их хохолки, клювы и особенно кровь входили во многие рецепты и использовались в гаданиях. В XIII в. в миру Педру Жулиан, а затем — римский папа Иоанн XXI, даже писал, что всякий, кто извлечёт из живого удода сердце и съест его, пока оно ещё бьется, делается ясновидящим и сможет читать мысли людей и предсказывать будущее.

Ареал удода обыкновенного включает территории всех «центров цивилизации» в Евразии и на севере Африки — Грецию, Персию, Израиль и Египет. Поэтому он упоминается в священных писаниях — Коране и Библии, сведения о нем отстоят от наших дней на тысячелетия. Удод — «действующее лицо» в комедиях того времени.

Видимо, самые древние упоминания об удодах и их изображения мы встречаем в Древнем Египте. В древнеегипетской культуре удод был связан с божествами в облике детей, его изображали вместе с ними. Скипетр, увенчанный изображением удода, означал в Египте добродетельную любовь.

В арабской мифологии удод считается просвещенной птицей, которая обладает силой исцеления и предсказания по воде. В одной из легенд говорится, что удода спасли царя Соломона, когда тот странствовал в пустыне и потерялся среди песков.

В сочинении знаменитейшего персидского поэта-мистика Фариды ун-Дин Атгара «Парламент птиц» птицы

на своём Верховном Совете выбрали Удода временным властителем, он должен был исполнять обязанности до тех пор, пока не появится мифическая птица Симург.

У жителей Кавказа — ингушей и чеченцев — до принятия ислама удод («тушол-котам») считался священной птицей и символизировал богиню весны, плодородия и деторождения Тушולי. Убить удода можно было лишь с разрешения жреца для ритуальных целей, а его гнездо во дворе считалось хорошей приметой.

В мае 2008 г., в связи с 60-летием со дня создания государства Израиль, по инициативе Министерства экологии страны были объявлены выборы национальной птицы этого государства. В результате голосования, в котором могли принять участие все жители страны, был выбран удод — более 35% высказались в пользу этой птицы, оставив далеко позади славку, щегла, короткопалого певчего дрозда и некоторых других пернатых. А в городе Петах-Тикве в знак этого события даже установлен памятник удода. Один из батальонов специального назначения армии Израиля носит название «Духифат», что на иврите означает «удод».

Не обошли вниманием удода и в России. В знаменитом словаре «Живого великорусского языка» В.И. Даля для удода указаны два синонима — пуштушка и потатуйка, но в настоящее время в обиходе эти названия используются редко. Раз уж я упомянул о названии удода, то его латинское название — *Урура еропс* — созвучно с криком птицы — глухим «уп-уп-уп».

Существует ряд других, менее «привлекательных» историй, связанных с этой птицей. Согласно Исидору Севильскому, удода всегда можно увидеть на кладбищах. Легенда восточно-европейской мифологии гласит, что когда Бог создал удода, он предоставил

▼ Древнеегипетская фреска

ему все традиционные продукты питания, которые, как правило, нравятся птицам. Однако удода отказался съесть какой-либо из них, и в качестве наказания Бог обрёк птицу вечно питаться только экскрементами других животных.

В пределах своего ареала удода обычно селится на равнине либо в холмистой местности, отдавая предпочтение открытым ландшафтам без высокой травы в сочетании с отдельными деревьями или небольшими рощами. В дикой природе держится по степным оврагам, на лугах, у кромки или на опушке леса, по речным долинам и предгорьям. Низинных, сырых участков он избегает. Удод — обычный вид в антропогенных ландшафтах, где предпочитает используемые человеком участки территории — пастбища, виноградники и фруктовые посадки. Его можно встретить и в населённых пунктах, где эта красивая птица кормится даже в таких малопривлекательных местах, как мусорные свалки. Эта особенность удода очень уж не вяжется с его яркой, необычной внешностью.

Удод в своём поведении чем-то напоминает скворца. Он такой же подвижный и проворный, если не сказать — шустрый. В случае внезапной тревоги, когда нет возможности спастись бегством, может затаиться, прижавшись к земле, распластав крылья и хвост и приподняв вверх клюв. Полёт у удода небыстрый, порхающий, как у бабочки. Тем не менее, он достаточно маневренный, и пернатым хищникам редко удаётся схватить удода в воздухе.

Удод моногамен. В России птицы прибывают к местам гнездовий довольно рано — в марте-апреле, когда ещё только появляются первые проталины. Сразу по прилёте самцы занимают территорию для размножения и ведут себя очень активно — громко кричат, издавая повторяющиеся глухие звуки «уп-уп-уп...» и тем самым подзывая самок. В этот период наиболее часто и громко птицы кричат утром и вечером, реже днём. Во время ухаживания самец и самка медленно летают друг за другом, помечая место для будущего гнезда. Часто одна и та же территория используется в течение нескольких лет. Как правило, удода размножаются отдельными парами, однако в случае соседства других удодов между самцами нередки драки на границе территорий, напоминающие петушьи бои. Гнездо устраивается в укромном месте — дупле дерева, каменной расщелине, углублении на откосе обрыва, иногда в стене каменного или глиняного строения. Выстилка либо отсутствует вовсе, либо содержит лишь несколь-

ко травинок, перьев и кусочков коровьего навоза. Дупло может также содержать в себе гнилую древесную труху. В отличие от подавляющего большинства птиц, удода никогда не убирают помёт из гнезда, который постепенно скапливается вокруг. Кроме того, в период насиживания и кормления птенцов у птиц вырабатывается маслянистая жидкость, выделяемая из копчиковой железы и имеющая резкий неприятный запах. Такая адаптация помогает удодам уберечься от некрупных наземных хищников, однако вследствие этого среди людей птица имеет репутацию «нечистоплотной».

Выкармливанием птенцов занимаются оба родителя, поочередно принося им личинки насекомых и червей. В возрасте 20–27 дней (в средней полосе России — конце июня или начале июля) птенцы покидают гнездо и начинают летать, хотя ещё в течение нескольких недель остаются рядом с родителями. Основу питания удода составляют мелкие беспозвоночные животные: взрослые насекомые, их личинки и куколки (майских жуков, жуков-навозников, мертвоедов, кузнечики, бабочки, степные кобылки, мухи и др.), пауки, мелкие моллюски... Если наблюдателю повезёт, то можно увидеть удода с лягушкой, ящерицей или небольшой змеёй в клюве.

Интересно наблюдать, как удода кормятся. На поверхности земли, обычно в невысокой траве либо на оголён-

ной почве, обладающие длинным клювом птицы ковыряются в навозе на выгонах, мусорных кучах или гнилой древесине, проделывая неглубокие дыры в субстрате. Нередко сопровождают пасущийся скот. Язык у удода короткий, поэтому он иногда не в состоянии проглотить добычу с земли — для этого птица подбрасывает её в воздух, ловит и проглатывает. Крупных жуков долбит об землю, предварительно разбивая на части.

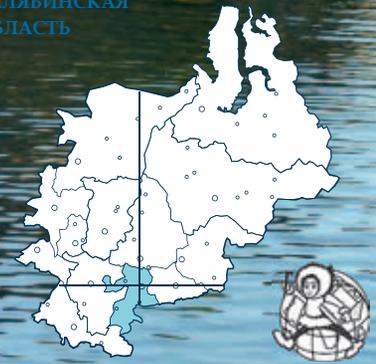
В заключение замечу, что удода часто изображается на марках стран мира, бумажных денежных купюрах и монетах. **VC**

Капля неба лазурного на землю упала,
Разлилась среди тайги и Синарою стала.

Пешком по берегам Синары

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Территория Челябинской области составляет 8 852 862 гектара, из них 2 125 квадратных километров занимают озёра — их около 3 170. Это степные, горные, лесные, метеоритные, естественные углубления и озёра, образовавшиеся как последствия горных выработок. Самое крупное из них — Увильды, жемчужина Урала. Синара относится к средним водоёмам природного происхождения.

Евгений Студеников

Родился в с. Воздвиженка Каслинского района. Учился на токаря в Каслях, работал там на машзаводе, выпускал гранатометы для Вьетнама, потом — на предприятии Челябинска-70 (г. Снежинск). С молодости увлекся историей родных мест. Слушал и записывал рассказы старожитов, в том числе бабушки Е. М. Васильевой, пожившей еще «при помещике». Собирает предметы быта, фольклорный материал, старые фотографии, изделия домашних промыслов. В городской газете «Вестник» открыл и вел рубрику «Истоки». Сотрудничает в «Южноуральской панораме», «Каслинском альманахе» и снежинском «Свете памяти», местных газетах. Живет в Снежинске.

Её берега каменистые, скальные и мягкие, поросшие кустарником (урёма) и деревьями. Подвергается цветению сине-зелёных водорослей. П. П. Бажов, побывав на озере, назвал её «зеркалом уральской феи». Ширина озера — около 6 км, длина — около 12, средняя глубина — 9 м, есть глубины до 20 м. Синара богата рыбным разнообразием: лещ, сиг чудской, линь, чебак, окунь, ёрш, судак, налим, карась (редко), елец, щука — всегда радуют рыболова. До 2000 года водились раки и двусторчатые моллюски. Давайте познакомимся поближе с нашей красавицей, прогуляемся по её берегам.

Однозначного объяснения топони́ма имени озера нет. Каждый исследователь выдает свою версию. В старых башкирских источниках оно звучит как «пара», вероятнее всего — пара с Иткулем. На языке коми — *родниковая вода*. Есть мнение, что *синара* происходит от выражения *мин сине яра там* — я люблю тебя (башк.). Любопытно, что в Будапеште был ресторан «Синара». Венгры же в Кунашакском районе живали, что подтверждается археологическими находками. В порту Владивостока в 2007 г. сгорел сейнер «Синара». Под Кабулом есть городки Синарра и Самарра. В. В. Пятков приводит топонимический ряд названий: Санар, Синар — и ссылается на иранские корни. Посмотрев по карте названия, где есть «Син» и «Ара» («Ар»), я обратил внимание, что они часто встречаются в Азии. Вполне возможно, что это составляющие названия нашего озера.

Вот подборка названий с морфемой *син* — гора, камень, бог Луны. Синай — многовершинная гора, Синагога, Синбад (перс.) — каменный город. *Ара* (*Ар*) — на Урале часто встречается лексико-семантический вариант слова, связанный с водой: Арамилъ (урёмный), Аракуль и другие подобные названия в языках ханты, манси. Самар (самарская лука) — башкиро-киргизское — мешок, Сахара — далеко простираться (араб.), араб — житель пустыни. В северном полушарии нашего небосвода все созвездия и названия звёзд названы арабами. Арабы путешествовали, обменивались товарами. Скорее всего, сначала Синарой была названа река. Она простиралась на большие рас-

стояния и была пограничной. Многие населённые пункты именованы по названию речек. Но не надо ориентироваться на их названия по современным картам: они со временем изменялись. Саратов, например, относился раньше к Казанскому ханству и назывался Сарытау. Не будем делать поспешных выводов. Это вопрос для специалистов.

Начнём нашу прогулку с Синарской горки. Воздвиженские её называют *Воскресенской*, а воскресенцы — *Воздвиженской* или *Гладкой горюшкой*. Давно здесь стояла часовенка, потом поставили репер. На этом месте была большая, богатая стоянка древнего человека — их по берегам озера много. И пойдём мы с вос-

▶ Курья Глубокое

▼ Мыс Мураши

точного — по северному берегу, где расположена деревня Воздвиженка. Спустимся с горы по асфальтовой дороге, под которой пробегает две речушки: одна — с озера Карагуз через озеро Багаряй, а другая — с Багаряя, только с дренажа от торфяника (на старых картах — *Карагузский мост*). Чуть дальше, через заводь, выдаётся в синарские воды мыс Карагузский камень. Далее уже начало села, где чередуется каменная и песчаная отмели. Первый мостик через речку, текущую с озера Чиганы (*чиган* с тюркского *залив*). Следующий мостик — над речку, текущей с Окункуля, её использовали для сплава и перевозки по ледянке торфа и сырья для хромпикового химзавода, для чего этот канал (*копанку*) и прокопали. Она же служила способом поставки воды на химический завод.

▲ Пещерка на мысу Березовый

Следом за окункульской речкой начинается территория стекольного завода. Он стоит на Заводском мысе, и есть тут искусственный мыс — Пожарный. Под заводом тянется песчаный пляж до Гончарки (Синар-уральский винокуренный завод), после идут рядышком *Клубный*, *Школьный камень* — это небольшие мыски с современными уже названиями, как и Заводской, Пожарный. Деревенская улица, в народе — *Берёговка*, огородами к озеру раскинулась до Саймы. Под Берёговкой — *Белая галья*, это название закрепилось от выхода мрамора, окатанного водой в виде гальки. Потом берег *Мелкий*, где раньше принимали плоты с лесом и где сохранился камень, укладываемый под воротом, который крутили, подтягивая плоты к берегу при помощи лошадей и людской силы. Идя к Сайме, мы преодолеваем большой ручей, он даже по водотоку больше некоторых названных речушек, но по протяжённости уступает им, так как начинается в 200 метрах от заболоченного места.

Выходим на Марьину горку. Почему *Марьина*, в честь какой Марьи названо место, неизвестно. Здесь с 20-х годов вплоть до середины 70-х располагалась рыболовецкая артель, где хранили в ледниках рыбу, соли-

ли её и вялили. Называли ещё это место *сайма*, в переводе со старофинского — *залив, богатый рыбой*. В Финляндии есть озеро и заболоченные места *саймы* — так называют и красную рыбу. На Урале частенько стоянки рыбаков называли саймами, это можно обнаружить в названиях озёр на картах.

Пройдя метров 200, выходим на мыс Очищенный — так он обозначен на картах, в деревне же больше на слуху *Чищенный*. Интересно, что часть скалы, ровной, как стол, оторвалась от монолита и стоит отдельно с трещиной в полметра. Название, видимо, пришло с кержаками с Волги, где берег очищали для бурлаков от зарослей и называли *чищей*. *Чища* присутствует и в названии места в лесу после очистки от мелколеся и буреломов. Лес по этому берегу лишён подлеска, и сосны на закате отливают медью и золотом, стоя на ровном ковре мелкотравья.

После Чищеного озеро резко уходит вправо большим заливом Глубокое (при входе в воду метра на два — уже по горло); глубина на середине залива достигает двадцати метров и более, промеры были в 50-м году, зимой. Озеро было разбито на квадраты по сто метров, но большие глубины не попали в промеры.

▲ Высокий берег

◀ У родника Мария

Идём дальше. Мыс Балобанный, названный по имени хищной птицы из соколиных, близкой к кречету, за ним — Сухой мыс (*Сухая грива*), по которому во время большого спада воды можно было пройти на другой берег озера; потом мыс Мураши — здесь в своё время было много муравейников и теперь такое же множество людей собирается в августе на ежегодный российский фестиваль авторской песни «Листопад».

После этого мыса идут в основном низкие, мягкие, болотистые берега. В некоторых местах видим по берегу земляные валы, укрепленные деревьями, — это помещик В.Я. Вадарский по проложенным на валах дорогам устраивал для гостей конные прогулки на экипажах.

Коровья пристань очень удалена от села; пасшиеся коровы здесь заходили в воду, спасаясь от паутов, благо берег низок. В западную часть озера впадают крупные речки. *Шумиха* идёт с торфяника. Назвали речку так потому, что шумит на перекатах. Интересно, что на старых картах она показана не как впадающая в Синару, а как впадающая в Малый Окукуль! Видимо, сделав дренажи на картах

торфоболота, воду пустили по новому прокопанному руслу. А то, что здесь копано, заметно по валам на берегах. В озеро Черновское впадает *Башмаковка*. Это сезонный ручей, через который можно пройти, не снимая башмаков. Речка Исток соединяет озёра Иткуль и Синару.

Речка Черновская-Чёрная вытекает из озера Черновского и видна только при впадении в Синару. Русло её скрыто под наростом травы и растущих на зыбуне кустов, здесь есть колодцы и окна, в которые можно провалиться. На старых картах она называлась *Маралка* (она своей чёрной водой, по-видимому, марала воды Истока и Синары). И всё это, прилегающее к озеру, на старых картах называлось *Сюсюмский марал*. (Интересно, что в Воскресенке жил дед по прозвищу *Сюсюм*).

Вся западная часть озера называется *Иткульской курьей*; здесь мелководье, богатое растительностью горшника и камыша, вода прогревается, и здесь в основном нерестится рыба. В Воздвиженке западная часть села называется *Глубокое* — по близкому расположению к названному месту в озере. Дорога, идущая из деревни вдоль берега, использовалась для работ в лесу, на покосах. На *Чуркиных покосах*, что за Узким на Черновском острове, был большой родник.

Ручей впадал в Шумиху, и все, проезжая на покосы и на Иткуль, пользовались им и чистили его. Во время нереста рыбы проезд по берегу на телегах запрещался, но это было, конечно, ещё до революции и чуть позже.

Вернёмся к Воскресенской горке и пойдём по южному берегу. Слева пологий восточный берег тянется более километра — то каменистый, то мелкий и песчаный (*Пески*), или по старинке *Часовня*, с зарослями водорослей. Здесь берег возвышается и называется Высокий берег. Недалеко от горки была старица — старое русло речки Синары. Во времена правления помещика здесь соорудили створ с затворами для регулирования уровня воды, поэтому и появилось новое русло.

От истока речки растянулся на несколько километров скалистый берег с крутыми скалами — Козырёк — высотой более трёх метров. За заводью и поселковым пляжем начинается большой выступ мыса *Скопин*, названного по птице, селящейся на берегах водоёмов и питающейся рыбой. Здесь ранее располагался кордон № 1, стояла вышка для огнестрельного оружия. Далее — это уже нынешняя городская черта — городской пляж, в конце которого, в заводи, располагалась в 20-х годах *Сайма*. Здесь впа-

дала речка Ольховка — она начиналась за *Платчиковым покосом* (сейчас городское кладбище) — длиной 800 м, потом её засыпали, частично она вытекает здесь через трубу.

Далее выходим на мыс Петушок, это название упоминает Устинов в своей книге «С ручьём и удочкой по Южному Уралу». Интересно, что на этом мысе стоит необычный камень — точная рукотворная копия кресла, наверное, работа гиперборейцев, и ещё есть камень-полукольцо (на городском пляже). Другой камень-кресло стоял на противоположном берегу, строго сориентированный на север-юг. Наш камень-кресло раньше стоял на краю скалы и смотрел на север, и тогда левый подлокотник был ещё цел.

Через полкилометра мы выходим на мыс *Небаской* (*некрасивый*). Он и вправду кажется некрасивым и даже страшным, суровым. Далее, минуя Собачий пляж, следуем до Раскурихи. Это речка, начинающаяся с Мохового болота, в неё впадает родоновый родник. На Раскурихе раньше артели мыли золото. Название произошло от *томилок*. Когда томили древесный уголь «кабаньим» способом, из закрытой дёрном кладки берёзовых дров курился дымок. Недалеко впадает

в озеро родник Мария, названный в честь Богородицы и освещённый в 2005 году.

До родника большой водосброс идёт с фильтровальной станции. Здесь, в этой курье, болотистые места чередуются с каменными выходами на берег. Первый большой выход — это полуостров (Олений водопой) — часть каменистой гряды (при подъёме уровня воды он временно становится островом). Недалеко, в центре курьи, есть единственный остров на озере — *Средний*, при строительстве города в 1956 году жители давали многим объектам новые названия и остров называли островом Любви, Змеиным, но ни одно не прижилось. Потом идут *Линёвка Малая* и *Линёвка Большая* с протекающим здесь ручьём Линёвка. Вдоль Линёвок тянутся *Волчи горки* (если смотреть с берега, то увидим ряд горок, как будто бегущую стаю волков). Далее — *Фёдоровский кордон* с одноимённым родником. Потом идут *Евсевья курья*, *Берёзовый мыс*, на котором стоит насосная станция, затем идёт бухта *Песчаная*. А там уже начинается *Тёплая курья*, и гора, расположенная недалеко, называется *Тёплая*. Это был ориентир для рыбаков, на этом месте раньше располагался *Ключевской кордон*. Наконец мы выходим на западный берег, с которым мы уже познакомились.

На Синаре есть каменные гряды, одна из которых идёт от *Небаской* до *Чищеного* и опасна при большой волне даже для баркасов и катеров-трайликов, не говоря уже о лодках. Я был и на самом глубоком месте Синары, когда не хватило двух веревок по 12 метров, и на гриве, в середине озера, где якорь опустился только на два метра.

Не упомянули мы о множестве сезонных и постоянных ручьёв, уже высохших родников. Вода в ручьях по цвету разная: одни проходят по торфяным залежам, другие — по залежам болотного железа и глины. На Чищеном и Карагузском камнях в определённых точках стояли реперы (отметки высот).

Башкиры обычно селились по рекам в зависимости от рода занятий, ведя кочевой образ жизни. Они все-таки давали свои названия, не все из которых сохранились. Синарские названия по берегам давали рыбаки и работавшие в этих местах жители окрестных деревень.

Не верьте, что Синара — пруд искусственного происхождения. На всех старых картах она обозначена как озеро! И если его выкопали, то где отвалы грунта? Где пустая порода, куда и какую руду возили на переработку?

Синара — это озеро «с двойным дном», оно хранит множество тайн. **УС**

▼ Вдали Береговка — береговая часть деревни

Мы завершаем публикацию документально-художественного повествования о судьбе Надежды Половцовой, именем которой был назван сталерельсовый завод, поселок при нем, а потом и город Надеждинск (ныне город Серов Свердловской области). Недавно Серовскому металлургическому заводу было возвращено имя Надежды Половцовой.

«В нашей истории снам принадлежит решающая роль».

Томас Манн.
«Иосиф и его братья».

НАДЕЖДИНСКИЙ
МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД

Белая горлица (Сны Надежды Половцовой)

Елизавета Федоровна

Принцесса Гессенская (в семье ее звали Эллой), получившая после замужества титул великой княгини и имя Елизаветы Федоровны, возрастом приходилась Надежде дочерью — ровно на двадцать лет ее моложе. Вместе с сестрой Алисой они воспитывались под крылом бабушки — английской королевы Виктории, и светило им спокойное солнце дворца Осборн-хаус на побережье острова Уайт в проливе Ла-Манша. Но обоим было суждено оказаться в российских пределах.

Бракосочетание Елизаветы Федоровны с братом императора Александра III великим князем Сергеем Александровичем состоялось летом 1884 года в придворном соборе Зимнего дворца. Здесь они и увидались. Еще был жив папаша, и благополучию Надежды ничто не угрожало. На приеме по случаю венчания обе ощутили словно бы дыхание ангельских крыл и, как давно знакомые, улыбнулись друг другу.

Странным, каким-то невесомым гляделось их přátельство. Встречи

Юний Горбунов

Писатель, историк издательского дела в России, автор сценария документального фильма и биографии Ф. Павленкова, нескольких книг, многих статей и очерков. Составитель материалов для словаря «Писательницы России» (более 15 тыс. имен). Редактор отдела истории и краеведения в нашем журнале.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

случайны и мимолетны, разговоры ни о чем, но и молчание — золото. Свидания за пять петербургских лет можно пересчитать по пальцам одной руки.

После свадьбы двадцатилетняя Елизавета обитала в Гатчине в обществе императрицы Марии Федоровны. Они вместе гуляли по парку, музицировали на фортепиано, писали осенние пейзажи. Нет-нет да и наезжал в Гатчину по служебной нужде Государственный секретарь Половцов, иногда с супругой. И тогда если не руки, то взгляды их благодарно встречались.

Но папаша не стало. Видеться приходилось нечастыми оказиями, а поговорить, обменяться пожатием рук и того реже — не одного поля ягоды. Но если удавалось, то эти касания так согревали обеих, что Надежде мнилось — их всего двое на белом свете. Она то и дело, как бы невзначай, спрашивала мужа, не встретила ли ему великая княгиня, что слышно о ней? Благо, Елизавета Федоровна и Половцову глянулась — как женщина, «выдающаяся по красоте». В Царском Селе на празднике лейб-гвардии Гусарского полка, слышала Надежда, представили великой княгине гусарских полковых дам, так она, говорили, каждую целовала и при этом словно на ухо шептала что-то интимное.

► Сергей Александрович и Елизавета Федоровна

Далеко не всегда приличия и статус придворных ритуалов — для Половцова они были незыблемы — позволяли Надежде не только взглядом сопроводить подругу.

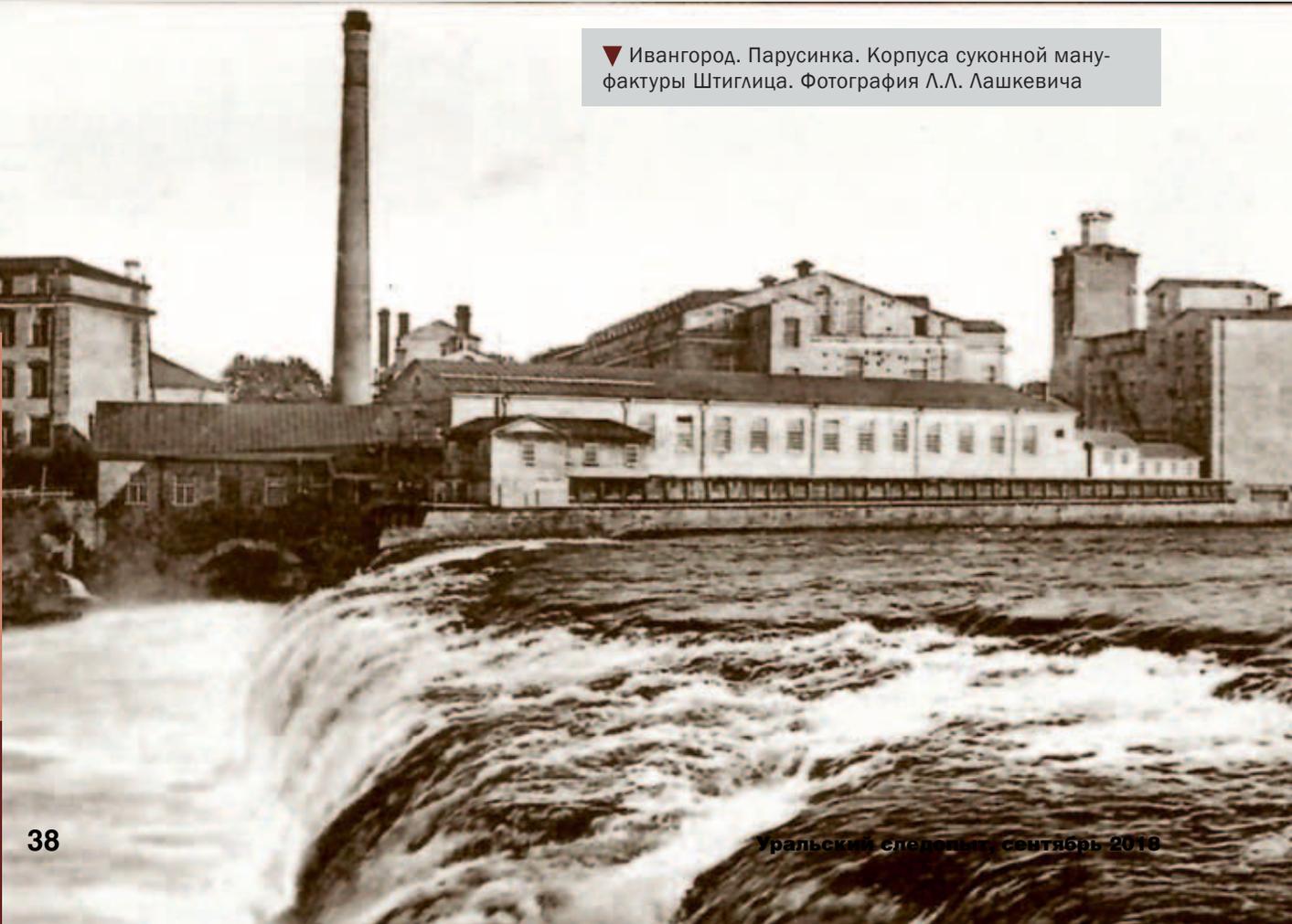
А вот последний день февраля 1885-го запомнился надолго. Рисовальное училище, коего Надежда пребывала попечительницей, посетила императорская чета в сопровождении великих князей и княгинь. Классы и залы в это время уже наполнились и будто величались необычной музейной наглядностью. У высоких гостей разбежались глаза, и наперсницы могли без опаски насладиться общением. И что тронуло Надежду: не восторги великой княгини училищной невидалью, а то, как она ловила глазами воспитанников, учителей, даже служителей — каковы, мол, они в этом *храме*, как бытуется им здесь, есть ли какая в них особость. И Надежде было это так узнаваемо и дорого в подруге.

Не раз случалось с ней такое *узнавание*. Например, когда художник-маринист Алексей Боголюбов в Петергофе публично демонстрировал императору и членам его семьи картину Савицкого «На войну». Художник изобразил отправку на театр военных дей-

ствий призванных запасных. На полотно — перрон, густая толпа провожающих, стелющиеся жены... Один из великих князей при этом возмутился: «Какая дерзость представлять государю пьяных солдат!». Елизавете, видела Надежда, стало больно от этих слов. И боль выразилась на лице. Едва ли, сказала она раздумчиво, ни к кому не обращаясь, художник стал бы живописать строй молодцеватых воинов. Война ведь не всегда *такая*.

▼ Ивангород. Парусинка. Корпуса суконной мануфактуры Штиглица. Фотография Л.Л. Лашкевича

▲ Н.М. Половцова

К радости Надежды пиршеством долгожданного пребывания вдвоем стала для обеих Парусинка. Здесь в августе 1890-го состоялась встреча двух императоров: российского Александра III и германского Вильгельма II. Половцовы представили им особняк Штигилица и всю его парковую округу. Обилие гостей разного ранга и возраста, почти отсутствие обязательных ритуалов позволяло подругам гулять в сопровождении одной лишь гувернантки. А Надежде грезилось еще и присутствие папаша.

Из опустевшей гостиной дворца они, касаясь плечами, смотрели на нарвский водопад, по случаю освещенный бенгальскими огнями, слушали потом русские песни в исполнении церковного хора фабричных. Отстав от вельможной толпы, заглядывали в закоулки льнопрядильной и суконной мануфактур... И везде за искренней веселостью и любезностью Елизаветы Надежда ловила след внимания и печали. И тогда тянуло ее обнять подругу, прижаться к ней с пониманием.

А еще был год спустя домашний спектакль во дворце великого князя Алексея Александровича, начальника флота и морского ведомства. Дом прежде принадлежал директору императорских театров Сабурову. В большой галерее была устроена сцена. Их ступля слышались рядом. Салонная французская пьеса сменилась фрагментом из «Мертвых душ». Визит Чичикова генералу Бедрищеву мастерски разыграли актеры Александринки Варламов и Давыдов. Затем последовал фарс с куплетами, сочиненный русскими и французскими комедиантами, чтобы развеселить вельможную публику.

Даже тени улыбки не было на лице Елизаветы.

— Сергею предстоит Москва, — сказала она, коснувшись головы Надежды, словно это было продолжение длительного разговора. — И должность генерал-губернатора.

На русском она говорила почти без акцента.

— Вы уезжаете, княгиня? — невольно вырвалось у Надежды.

— Да... — подтвердила она, но продолжала о своем. — Боюсь, что это не его стезя. Но судьба... Знаешь, в нем много от мальчишки. Поиграть в войну, погарцевать на коне, как у вас говорят, еще куда ни шло. Но всерьез командовать войсками...

— А турецкая кампания?.. Мне говорил Александр...

— Не знаю, не знаю, милая... — горько и как-то беспомощно отозвалась Елизавета.

...Минули четыре года «воеводства» Сергея Александровича в Москве. Про Елизавету до столичного двора доходили только слухи. Говорили, что именно она об руку с мужем поощряла любовную переписку, а потом и свадьбу молодого наследника-цесаревича Николая с сестрой Елизаветы принцессой Алисой Гессенской, что, мол, скучно и одиноко стало московской губернаторше в России.

Последовало их венчание, потом болезнь и смерть государя, коронавание Николая на царство. И потрясшая обе столицы весть о Ходынской катастрофе. О генерал-губернаторе те же слухи сообщали вовсе не лестное. Мол, полиции и порядка на Ходынском поле не было, а народу собралось и ринулось за царскими подарками не меньше полумиллиона. Полуфунтовая царская милостыня обреталась в женском ситцевом платке, и пустили будто бы слух, что в каждом тысячном подарке счастливчика ждет чуть ли не сторублевая ассигнация. Давка случилась такая, что люди умирали стоя, и трупы колыхались рядом с живыми. А великий князь в это время ужинал и слушал цыган в трактире Стрельна, что в Петровском парке, и только ранним утром возвратился в Москву, приказав служителям не будить его ни при каком случае. А когда все-таки доложили о жертвах и просили удостовериться, губернатор ответил, что он не сестра милосердия...

Но придворные слухи и сплетни не могли поведать Надежде о том, как жила все эти годы и дни ее подруженька, что творилось в ее поминутно настроенной душе.

Разве что сны...

Однажды явилось ей во сне большое поле. Пустое, но *ждищее*, как в пер-

вый день творения. Ни птичьих трелей, ни шепотни в траве. Только монотонный голос кукушки доносился как из вечности. И увиделась вдалеке фигура женщины. Девочка Надя знала, что это она, ее Элла. Была в легком белом одеянии. Шла свободно, то нагибаясь к полю, то как бы вспархивая над ним, но все в ритме вещего кукушкиного счета.

С ее шагами поле на глазах меняло свой антураж. Уже не пустело, а наполнялось жизнью. Женщина шла, постоянно преображаясь. Там, где останавливалась, сразу возникала картинка ее деяний. Вот она узнаваемо мелькнула светской дамой в Сергиевском дворце на Невском — вся в розовом флере, платье увито собольим мехом. А вот в окружении детей. Это дети мужнина брата Петра, усыновленные супругами, когда их мать умерла в родах. Своих им Бог не давал.

И вдруг подмосковное село Ильинское, где супруги отдыхали летом. Ее ли Элла-Лизавета? Здесь она то в крестьянском сарафане на сельской ярмарке, то у постели страдальца в деревенском доме, где устроила больницу...

Надежде здесь бывать не приходилось. Но ведь такое прозрение уже было однажды в ее сне. Когда вдруг открылось ей неизвестное будущее детей. Вот и теперь она видела грядущее своей подруги. Как будто сон во сне.

Безжизненное прежде поле то тут, то там дышало, люднело, наполнилось бьгом. Теперь Москва. Воспитательный дом призрения младенцев беднейших матерей. Нет, и такой она подругу не знала. Узнаваемым осталось только шейное ожерелье из яшмы, контрастирующее с одеждой волонтерок Дамского комитета Красного Креста.

Горизонты поля озарили сполохи большой беды. Разразилась война с Японией. Елизавета Федоровна создает в Москве Особый комитет помощи воинам. На складе пожертвований у нее — целая мастерская. Со всеми наравне готовит бинты, шьет одежду для выздоравливающих, собирает посылки бойцам, формирует походные церкви... Если бы не ожерелье, ее было не отличить от прочих.

Но скоро не стало на ней и ожерелья. Возникли контуры Кремля. Утренняя февральская метет поэмка. На камнях мощеной площади кровь, клочки растерзанного тела. Елизавета, едва одетая в зимнее, собирает и прижимает к себе кровавые останки мужа. Ищет голову. Ее нет. В 1905-м великий князь Сергей Александрович убит разрывом ручной бомбы. Елизавета выпрямляется, смотрит невидяще. Глаза ее сухи и пронзительны, руки бестре-

Иванъ Платоновичъ
КАЛЯЕВЪ.

(Съ картинки, снятой сейчас же послѣ взрыва).

петны. И еще картина: в том же окровавленном платье она в тюремной камере. Перед ней еще безмянный террорист-убийца. Она опускается на колени, сухими губами, как молитву, шепчет ему слова прощения и протягивает Евангелие...

У нее нет теперь своей жизни — вся в думах и трудах о страждущих, немощных телом и духом, безбожных. Несет крест за всех за них. Все ценное, включая ожерелье, даренное сестрой-императрицей, продано, а куплены на Большой Ордынке четыре дома с садом — здесь теперь ее Марфо-Мариинская обитель милосердия. Она уже ничем не выделяется из прочих белых сестер-диаконесс. На ней поверх серого подрясника — белый апостольник, закрывающий лоб. Крест ниспадает на грудь. Ночью она ухаживает за тяжелобольными, днем помогает страждущим на дому, обходит беднейшие кварталы, Хитров рынок, вызволяет бездомных детей, помещая их в приют своей обители, где они воспитываются, учатся, обретают профессию. Вечером в Покровском храме обители председательствует на заседаниях Палестинского и Географического обществ. Здесь все ждет ее пригляда и ухода: приют, больница, амбулатория, аптека, бесплатная столовая.

▼ Улица Каляева в Серове. Фото Галины Гулиной

Апостольники на ней и сестрах спиты по образцу монашеских, но не черные, а белые. Елизавета и сестры монашеского пострига не принимают, все их дела и тревоги от лица и воли Всевышнего, но они мирские, повседневно житейские.

На глазах девочки Нади поле преобразается и оживает до самого горизонта. Это не город разномастный и разностильный, а целый мир, обитель ее, Елизаветы.

Вот мастерская в Трубниковском переулке. Здесь, помимо прочего, из готовых деталей собирают протезы. События, происшедшие вне обители, вызвали мировую войну. Обитель помогает раненым и военнопленным. Видя, что усилия мастерской малы, диаконесса на аудиенции у императора настаивает начать проектирование и строительство первого в России протезного завода.

◀ Портрет Елизаветы Федоровны

А сполохи бед все ближе и ближе. Их пламя уже охватывает всю округу обитатели. В какой-то момент девочка Надя видит, что Елизавета уже не идет по полю, а пятится. Не вся уже обитель с нею заодно. Пришлые и свои напирают. У многих в руках оружие. А в задних рядах к ужасу своему девочка Надя узнает знакомые фигуры: алебастровую руку мужа, искаженные лица сыновей — Сашки и Пита, чуть ли не об руку — все семейство Фигнеров, будто нехотя, замыкают толпу Ауэрбах и Месмахер. Да и не сама ли Надежда рядом с ними!?

Елизавета под напором толпы пятится, отступает, но не покидает обители, продолжает свои труды. Вот она в Сергиевском, ее попечения, народном доме среди страждущих и голодных. Здесь теперь Дом культуры имени Ивана Каляева, того самого террориста, перед которым в камере опускалась на колени. Его же именем названа улица в ее, Надином, Надеждинске...

Девочка Надя с ужасом видит, что на краю поля-обители, куда Елизавета влечет толпа, зияет безобразная раз-

— Бедняжка! — Горлица обняла ее руками-крыльями. — Что сделала с тобой малодушная плоть! Не я ли звала тебя вернуться, когда появлялись только первые симптомы?

— О чем ты, Горлица? — размазывая по лицу слезы, изумилась Надя. — А я, а Месмахер, а Пит... Ты видишь — Елизавета оказалась одна, как... как...

— Ну, договаривай, девочка: как Сын Божий здесь, на Земле? Малодушные люди ждут его второго пришествия и не замечают сотого, тысячного, каждодневного его явления.

Надя как будто не слышала ее.

— Елизавета, женщина на Владимирке, Месмахер, Ауэрбах... — шепотом, как бы про себя говорила она. — За что?..

— Плоть, наделенная душой, обречена на страдания, девочка. Бездушная не умеет страдать, не знает, что это такое. Но и душа может стать добычей Лукавого. Это призвание человека, душою одаренных, — отличать, как они говорят, зерна от плевел.

Растерянная, Надя смотрела на Горлицу во все глаза.

— Тогда зачем!?!.. — горячо прошептала она.

— Разве ты сама не знаешь ответ, Богатична? А город? А Училище и музей? А дорога через Сибирь? — сыпала вопроса-

ми дева-птица. — А обитель твоей Елизаветы, подруга? Живая, даже наделенная разумом, но бездушная плоть и чистая душа в отдельности бессильны. Только вместе и в борении явит себя Человек Божий.

Наде не терпелось воскликнуть, что в толпе, убившей Елизавету, она видела и Надежду, и Месмахера... Но Горлица предупредила ее вопрос:

— Речь теперь не о них — о тебе, подруга. Ты не выполнила завет Всевышнего — одушевить и вернуться. Ты преступила черту и предалась плоти. Ты потеряла бессмертие, девочка!

Надежды Михайловны Половцовой не стало на этом свете 9 июля 1908 года. Тем же июльским утром в поселке Надеждинского завода неведомо от чего польхнула и не оставила следов Всехсвятская церковь. Земной прах Надежды Половцовой упокоили в крипте храма Троицы на Парусинке — у ног папаша Штиглица.

А Белая Горлица, рассказывают, нет-нет да посещает то парусинские кущи, то останки раптинского парка, то улицы дымящего заводом Надеждинска. ✎

▼ Крипта храма на Парусинке.
Фото Александра Гамазина

верстая яма... Надя кричит, рвется через толпу. И все исчезает. Одна только Горлица сидит перед ней на ветке сухого тополя.

— Здравствуй, Богатична, — тихо говорит Горлица, меняясь ликом, словно бы сомневаясь, остаться ей птицей или обрести человеческий облик.

Надя стоит заплаканная, дрожащая под тонким платьицем. Голос и речь по-прежнему даются ей.

— Ты... ты видела?.. Ты зна... аешь?

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

Проект **Виталия Воловича**
Координатор проекта
Юний Горбунов

История России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Река Чусовая (ФОТОЭКСПЕДИЦИЯ)

Чусовские городки (окончание)

Нина Яркова

Родилась в д. Тариново Чусовского района. Окончила Верхнегородковскую среднюю школу. Училась в Пермском нефтяном техникуме на отделении «Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений». После окончания работала техником-геологом в Красноселькупской нефтегазоразведочной экспедиции (Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ). Сейчас — библиотекарь Верхнегородковской сельской библиотеки МБУК «ЧРЦБ имени А. С. Пушкина».

Великая Отечественная война... Как жили Чусовские городки во время войны, чем занимались жители, как помогали стране в борьбе с фашизмом?

Большинство мужчин ушло на фронт. Те, кто остался, трудились в нефтеразведке и на промысле. Основная тяжесть работ легла на плечи женщин и детей. Жители Чусовских городков, как и вся страна, трудились под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!».

В Городках не только добывали и перерабатывали нефть для армии, но и шили телогрейки и белье для солдат, выращивали хлеб и овощи, подписывались на государственные займы, собирали и отправляли на фронт посылки с табаком и теплыми вещами.

В сентябре 1941 года в Верхнечусовских Городках был развернут госпиталь

№ 3792. Он разместился в зданиях райисполкома, школы, больницы.

Поезда с ранеными приходили ночью на станцию Урал-нефть. От станции до переправы через Чусовую раненых доставляли на конных повозках, затем переправа на пароме на правый берег, а уже в поселке солдат встречали люди в белых халатах.

Бойцов мыли, обрабатывали запущенные гноившиеся раны. Врачи и медсестры мужественно боролись за жизнь командиров и солдат, дарили им свою теплоту, чуткость и внимание.

Чтобы улучшить питание раненых, госпиталь завел свое подсобное хозяйство. Выращивали капусту, морковь, картошку. Из еловой лапки заваривали витаминный чай. В госпитале не хватало медикаментов и перевязочного материала. Гнойные бинты неоднократно

Иллюстрации из электронной базы данных Верхнегородковской сельской библиотеки

◀ С.М. Прокудин-Горский. Храм Рождества Христова в с. Верхние Городки. 1912 г.

стирали. Раны обрабатывали йодной водой из скважин.

Огромную помощь госпиталю оказывало местное население. Женщины приносили теплые вещи, вязали носки и варежки. Дети устраивали концерты, писали под диктовку раненых письма.

15 сентября 1943 года госпиталь под № 3792 вместе с персоналом отправился на фронт, стал фронтовым. Но в поселке оставались раненые, и госпиталь в Верхнечусовских Городках присвоили номер № 5946.

Во время войны в Нижнечусовских Городках существовал Дом отдыха, где солдаты проходили реабилитацию после выздоровления.

Летом 1945 года госпиталь был реформирован. Благодаря самоотверженному труду врачей и медперсонала, жителей поселка смертность в Верхнегородковском госпитале была нулевой. После окончания Великой Отечественной войны Чусовские городки перешли на мирные созидательные рельсы.

В начале 50-х годов 20 века в связи со строительством Камской ГЭС Верхний и Нижний чусовские городки перенесли на левый берег реки Чусовой. Название поселку дали Верхнечусовские Городки. Так сегодняшний современный поселок стал преемником двух поселений: Верхнего и Нижнего чусовских городков.

С 1925 года поселок имел статус районного центра. В 1959–1960 годах районный центр переместился в г. Чусовой, а Верхнечусовские Городки стали рабочим поселком городского типа.

▶ Госпиталь № 3792

В связи с введением в эксплуатацию Камского водохранилища, Верхнечусовской нефтепромысел был закрыт, но в поселке развивалась лесная промышленность. На восстановление разрушенного войной хозяйства стране нужен был лес.

С начала 50-х в Верхнечусовских Городках проживало около 7000 человек постоянного населения. Действовало около 30 небольших предприятий хозяйственного, общественного, социально-бытового назначения. Самыми крупными считались Верхнегородковский сплавной рейд, Усольский лесозаготовительный участок Комаринского леспромхоза, Верхнегородковский экспериментальный комбинат железобетонных конструкций и дорожноремонтный строительный участок (ДРСУ).

Верхнегородковский рейд состоял из пяти сплавных участков: Шушпанского, Ветлянского, Верхнегородковского, Добрянского и Чусовского. Занимался проплавом древесины, сплоткой, формировкой, лесозаготовками и буксировкой и сдачей древесины в Камское речное пароходство. Объем сплава доходил до 1 миллиона кубометров.

В 50–60 годы рейд выпускал до 700 тысяч штук качественного кирпича в год.

Усольский лесопункт состоял из трех мастерских участков и занимался в основном заготовкой древесины с последующей сдачей на перерабатывающие предприятия Чусовского, Гремячинского, Горнозаводского районов.

В 80-годы в п. Первомайка (в настоящее время д. Комаришка) Усольский лесопункт наладил переработку древесины. Готовую продукцию отправляли в Киргизию, Туркмению, Молдавию, Украину.

В 1960 году в Верхнечусовских Городках был создан комбинат торгового оборудования для обеспечения сел Пермской области. Предприятие имело свой лесозаготовительный участок. Семь лет спустя комбинат получил из Москвы проект и технологию на освоение нового материала — арболита и стал «Экспериментальным комбинатом железобетонных конструкций». Для нового производства открылись цеха — бетонный, арболитный, арматурный. Численность рабочих и служащих составляла около 120 человек.

Предприятия лесной промышленности дали новый мощный импульс для развития поселка. Они строили детские ясли, сады, клубы, жилые дома для рабочих и служащих. Жизнь в поселке с каждым годом становилась лучше.

В 70–80-е годы приехало и немало молодых специалистов лесного хозяйства. Многие остались в поселке, создали семьи. Население Городков увеличилось.

В те годы в Верхнечусовских Городках действовали и такие предприятия, как Верхнегородковское лесничество, молочный завод, комбинат коммунальных предприятий, бытового комбината, пожарная часть, сельхозтехника, хлебозавод, аптека, амбулатория и боль-

◀ Руфина Сергеевна Гашева (1921–2012), штурман эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка 325-й ночной авиационной дивизии 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта, гвардии подполковник. Во время Великой Отечественной войны совершила 823 боевых вылета. Награждена многими орденами и медалями.

▲ Дом отдыха инвалидов Великой Отечественной войны. 1950 г.

ница на 70 коек, областной детский санаторий на 100 мест, психоневрологический интернат, узел связи, милиция, средняя школа на 960 мест, ясли, детские сады, библиотека, Дом культуры, школа народных ремесел, почта, отделение Сбербанка, кинотеатр.

Но пришли 90-е. Затяжной экономический и политический кризис, распад Советского Союза, как в капле воды, отразились на жизни поселка. Рост инфляции принес с собой ухудшение финансового состояния предприятий, многие из которых прекратили свое существование.

В это непростое время в Верхне-чусовских Городках был организован дорожно-ремонтный строительный участок, а затем построен асфальтовый завод. До конца 2010 года ДРСУ содержал и восстанавливал автомобильные дороги Чусовского района. На предприятии работало от 50 до 70 человек. В поселке заасфальтировали несколько улиц, построили автомобильную дорогу Верхние Городки-Комарихинская,

подъезд к переправе. Предприятие оказывало и спонсорскую помощь. Во многом благодаря директору ДРСУ Геннадию Александровичу Козлову удалось с нуля поднять практически единственное на то время градообразующее предприятие поселка.

В настоящее время население Верхнечусовского Городковского сельского поселения составляет 2422 человека. Функционируют 42 предприятия различных форм собственности, из них 13 учреждений, 15 индивидуальных предпринимателей.

Поселок с многовековой историей продолжает жить.

В 1849 году была основана первая на чусовской земле школа. Сейчас это МБОУ «Верхнегородковская СОШ».

▼ Жилищно-бытовой комбинат. 1970-е г.

▼ Верхнегородковский рейд

Она и по сей день является одной из крупных школ района. В ней обучается 198 детей. Она победитель конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные программы приоритетного национального проекта «Образование».

В школе созданы условия для развития личности учащихся, их духовного становления. Этому способствует одно из направлений работы школы — «Воспитание на народных тра-

▶ Наталья Владимировна Никулина, соавтор четырех сборников по краеведению и двух книг «Быль Чусовских Городков», Почетный гражданин Чусовского муниципального района

дидиях и любви к родному краю». Благодаря многолетнему сотрудничеству с учреждением МБУДО «Верхнегородковский детский центр народных ремесел» у детей есть возможность выбора различных направлений внеурочной деятельности.

Школа народных ремесел была открыта в 1994 году. Идея Центра — «Россия — это и мы» — реализуется через познание воспитанниками прошлого своего края, занятий предков, духовно-нравственной культуры, через освоение народных ремесел.

Детский центр ремесел приобрел известность в России, неповтори-

Разработаны и обслуживаются однодневные экскурсионные маршруты проекта «Строгановская тропа». Сегодня это самодостаточное, развивающееся образовательное учреждение, пребывающее в постоянном творческом поиске.

В 1891 году в доме мецената П.Н. Кропачева была открыта первая библиотека, одна из старейших в крае. В 1987 году при ней был создан клуб «Земляки», главным направлением которого стала краеведческая работа.

В результате накопления фотоматериала библиотека в 2001 году

▶ Старый Дом культуры. В центре — директор школы А.М. Адаменко

▼ Комбинат коммунальных предприятий

мый имидж, широкую популярность в крае. Он удостоен звания «Школа года», дипломант различных выставок, фестивалей, конкурсов, участник социальных и культурных проектов.

становится библиотекой-музеем историко-краеведческой фотографии. Ее экспонаты используются при подготовке различных мероприятий.

Читатели неоднократно становились победителями краевых и районных конкурсов «Лучшая читающая семья», «Лучший читатель». В 2016 году библиотеке исполнилось 125 лет.

В 2013 году в Верхнечусовских Городках был построен долгожданный детский сад на 100 мест. Сейчас это МБДОУ «Центр развития д/сад № 1 «Василек».

В поселении три традиционных праздника — День поселка, День Ермака, День первой нефти. В их подготовке и проведении под руководством творческого коллектива Верхнегородковского Дома культуры участвуют все жители поселения.

Здесь живут неравнодушные к своей малой родине люди. Активистами-краеведами собран уникальный материал по истории поселка, частично использованный мной при подготовке статей о Чусовских городках.

▼ Преподаватели Детского центра народных ремесел. Слева направо: Г.Н. Коховец, Т.А. Рассошных, В.В. Севастьянова, Е.В. Шадрина. 2001 г.

www.uralstalker.com

Посёлок Камсплав

Наталья Халявина

Уроженка деревни Никифорово. После школы окончила Пермское училище культуры. Заведует филиалом № 12 Чусовской районной центральной библиотеки имени А. С. Пушкина в деревне Никифорово. Краеведению уделяет особое внимание. Ведет в библиотеке 15 летописей: «Книга памяти», «Народные умельцы нашего села», «Для рук — работа, для души — книга», «Летопись села» и другие.

Посёлок организован в 1948 году на правом берегу р. Чусовой для сплава леса Шушпанского леспромхоза, который находился в пос. Центральном (п. Центральная Шушпанка) в 2 км от реки. От Камсплава начинались судоходные пути, идущие через Камский бассейн по всей России. Здесь по узкоколейке собирали лес и со всех окрестных леспромхозов.

На Чусовой были установлены боны — ограждения реки для «пучкования леса». Шестиметровые брёвна связывали проволокой (6 мм) механическим устройством. Это место работы называлось «Сетка», так как собранные связки брёвен укладывали в виде сетки и можно было ходить по реке как по настилу. Брёвна скрепляли тросами в виде плотов и буксировали катерами до места назначения.

Население Камсплава в 1960–70 годах достигало 3800 человек. Народ трудился здесь многонациональный: русские, украинцы, мордва, белорусы, немцы — в основном высланные сюда по разным «винам» и статьям. Нина Васильевна Зыкова вспоминает своего деда Силкина Ивана Ивановича. Он воевал и попал в плен. Освободили советские войска, вернулся на родину в Рязанщину, а в конце сороковых был выслан и оказался в Камсплаве.

До Верхнечусовских Городков было организовано пассажирское сообщение — людей перевозили по реке к пассажирскому поезду («компашка»), кото-

▲ Узкоколейная железная дорога. 1948-1949 гг.

рый следовал от ст. Урал-Нефть до ст. Комарихинской и далее. В весеннее, осеннее время приходили продовольственные баржи — плавучие магазины.

На территории посёлка вначале строились одноэтажные дома с печным отоплением, высокими подвалами, так как при разливе Чусовой были случаи затопления. Позднее и подальше от реки стали строить двухквартирные дома. В посёлке были пекарня и магазин ОРСа, клуб, контора рейда, верхние и нижние склады для хранения и разделки леса, овощехранилище, подсобное хозяйство рейда — ферма на 50 голов.

Рядом между посёлками Центральная Шушпанка и Камсплав размещался Сангородок: амбулатория

◀ С.М. Прокудин-Горский. Сплав дров по р. Усолке, впадающей в Чусовую у с. Верхние Городки. 1912 г.

с кабинетами терапевта, педиатра, гинеколога, зубного и был корпус стационара, где лечили население всех ближайших деревень. В этом же микрорайоне была построена Новостроевская сельская школа, где училось 750 учащихся.

Посёлки соединялись узкоколейной железной дорогой с одной стороны, по которой возили лес с лесопунктов — Южакówki, Шушпанской Бобровки, Куба, Шушпанки, а с другой — проезжей дорогой и деревянными тротуарами от Камсплава и по всей Центральной Шушпанке.

Камсплавский рейд закончил свое существование в начале 90-х. Многие рабочие переехали в Верхнечусовские Городки.

А Центральная Шушпанка ещё живет с населением 190 человек.

▲ Пос. Центральный. Ул. Железнодорожная. Контора Шушпанского леспромхоза

Деревня Красная горка

◀ Вид храма со стороны реки Чусовой

ли и молодые сестры, желающие монашеской жизни, для помощи и ухода за ними.

В 1992 году богадельня была официально утверждена. При храме было построено несколько домов для престарелых людей, появилось своё подворное хозяйство.

В 1998 году началась реконструкция храма. К настоящему времени при монастыре образовалась деревня. Сейчас сюда тянется множество богомольцев-паломников, для них есть небольшое гостиничное хозяйство. ✎

▼ Священник Николай Рагозин и матушка Анна. 1966 г.

Деревня приобрела мировую известность благодаря Верхнечусовской Казанской Трифоновой женской пустыни, расположенной на Митейной горе. История пустыни началась в 1862 г., когда на средства купца Павла Кропачева из Верхних Городков была построена церковь-часовня во имя Всех Святых, а при храме — богадельня для престарелых. Церковь сначала была кладбищенской, приписанной к приходу храма Верхнечусовских Городков в честь Рождества Христова, построенному в 1773 году купцами Строгановыми.

Всехвятская церковь монастыря — один из самых старых сохранившихся храмов Чусовского района. В 2012 году ей исполнилось 150 лет.

По преданию, жил в этих местах блаженный Митейка, которого часто видели молящимся по ночам на горке, почему и прозвали люди гору Митейной.

Места эти связаны также с именем преподобного Трифона Вятского. С юных лет он обладал даром исцеления. В 1571 году в поисках места для уединения и безмолвной молитвы пришел на реку Чусовую и построил келью и часовню на горе. На этом месте позднее была построена церковь и церковные постройки.

К 20-м годам прошлого века от всего комплекса сооружений уцелела лишь церковь Всех Святых, но и её купольная часть и колокольня были разрушены, а здание вплоть до войны использовалось под спичечную фабрику. В 1946 году по просьбе общины храм был возвращен верующим и там возобновились богослужения отцом Николаем Рогозиным.

Восстановление началось в 1987 году иереем Сергеем Рудаковым (ныне настоятель отец Савватий). В те годы стали приходить, проситься на жительство одинокие старушки. Затем приш-

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- КНИГИ
- УЧЕБНИКИ
- МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
- НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ
- ОТКРЫТКИ
- КАНЦТОВАРЫ
- ИГРУШКИ
- СУВЕНИРЫ

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г.Екатеринбург

Баумана, 35	300-17-44
Блюхера, 12	374-53-81
В. де Геннина, 37	205-98-29
Волгоградская, 190	234-47-73
Гагарина, 1	374-76-37
Грибоедова, 12	258-43-45
8 марта, 167	300-65-50
Кировградская 4/2	317-25-95
Космонавтов, 72	216-38-21
Кр.Командиров, 23	367-71-23
Крауля, 44	278-40-46
Пехотинцев, 6	323-81-81
Победы, 38	330-16-82
Родонитовая, 9	381-35-43

г.Ишим

Советская, 19	(34551) 2-16-09
М.Горького, 28/9	(34551) 5-09-05

г.Нефтеюганск

м-н «Канцлер» 4 микрорайон, 13 (3463) 2-44-141

г.Березовский

Гагарина, 17 (343) 385-66-52

г.Сургут

Университетская, 29 (3462) 95-14-46

г.Асбест

Ленина, 21 (34365) 2-95-73

г.В.Пышма

Кривоусова, 55 (34368) 7-91-56

г.Каменск-Уральский

Комсомольский бульвар, 39 (3439) 54-05-10

Победы, 4

(3439) 37-05-67

г.Серов

Ленина, 148 (34385) 7-50-70

г.Новоуральск

Комсомольская, 18 (34370) 7-100-7

г.Миасс

пр. Автозаводцев, 52 (34370) 7-100-7

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Сентябрь 2018

Аэлита

50 Законы Вселенной

АНДРЕЙ СИЛЕНГИНСКИЙ
Раз болван, два болван...

50

63 Законы Вселенной

Старик, романтика и марсиане

63

72 Координаты чудес

ОЛЬГА БАТЛЕР
Милорд

72

81 Повод для улыбки

ОЛЕГ МАЛЯРЕНКО
Гениальный дурак

81

Раз болван, два болван...

Андрей Силенгинский

Родился 2 июня 1973 г. в посёлке Восточный Охинского района Сахалинской области. Окончил Хабаровский Государственный Технический Университет по специальности инженер-механик. Работает начальником охраны в г. Оха. Печатается с 2005 года — три книги в разных издательствах (не считая электронных изданий). Рассказы Андрея выходили в различных сборниках и в журналах «Реальность фантастики», «Техника молодежи», «Мир фантастики», «Наука и техника» и многих других.

Бывает же так. Сидишь себе в кабинете, никого не трогаешь, до конца рабочего дня (пятницы, между прочим) сорок минут, за окном солнышко светит и птички поют... Ну ладно, приврал насчёт птичек, не поют они, не сезон. Нет мне никакого дела до их пения, суть от этого не меняется — обстановка идиллическая, настроение благодушное, гармония с самим собой и окружающим миром полная. И вдруг — бац!

«Бац» пришёл в виде телефонного звонка. Звонил городского телефона вполне мог означать что-нибудь безобидное вроде ошибки номером или внезапного интереса кого-либо из старых приятелей. Но надрывался телефон внутренний. Я пронзил его испепеляющим взглядом, однако мерзкий агрегат даже не покраснел. Наоборот, тренькнул в очередной раз с каким-то особым ехидством. Пришлось трубку поднять.

— Капитан Погорелов слушает, — тоскливо отпартовал я.

Мысленно я скрестил пальцы даже на ногах. Бывают же чудеса, правда? Скажем, Семёну лень было добираться до меня из соседнего кабинета, и он воспользовался телефоном, чтобы позвать меня завтра на рыбалку...

— Валентин? Зайдите к Сергею Александровичу, — и так тоже бывает: дивно звучащий женский голос рушит все иллюзии.

Сорок минут до конца рабочего дня, говорите? Всё, забыли.

В приёмной Катя Михайловна потешно изобразила сочувствие — опустила уголки надутых губок и сделала бровки домиком.

— Проходите сразу, Валентин, шеф ждёт.

— Эх, Катя Михайловна, за что ты меня так, а? — улыбкой Пьеро я укорил секс-символ нашего отделения.

Она не удержалась, хихикнула.

— Не виноватая я, он сам позвал!

Он сам был в кабинете один и вид имел усталый до измождённости. Только меня этим не купишь, любит шеф такой вид и прекрасно умеет его нарисовать хоть во сне, хоть с шампуром в одной руке и стаканом вина в другой. У меня опыта поменьше, но я изо всех своих скромных сил постарался отзеркалить. Мол, пахали на мне всю неделю до кровавых мозолей, но сейчас уже глаза с тоской смотрят туда, где можно обрести хоть каплю отдохновения. Чтобы, значит, в понедельник с новыми силами... Нет, я не ребёнок, я знаю, что бесполезно. Но правила игры нарушать негоже.

— Присаживайся, Валентин Савельевич, — сказал полковник.

Плохая примета. Когда шеф проговаривает твоё отчество не зажевывая окончания, это как минимум к хлопотам. И если бы к пустым — не с нашим счастьем. Хуже только обращение на «вы», тут уже пахнет неприятностями вплоть до неполного служебного...

Я примостился на краешек кресла и не удержался от длинного тягостного вздоха. По всем правилам театрального искусства, с маской трагизма на лице, с вздыманием и обрушиванием плеч.

— Не вздыхай, Валентин Савельевич, — поморщился шеф. — Да, не кофе я тебя пить позвал. И всё понимаю, пятница, планы... Преступники, понимаешь, совсем не уважают право работника полиции на отдых!

Куда деваться, улыбнулся я этой искромётной шутке, слышанной мною от шефа в различных вариациях раз двадцать. Дослужусь до полковника, буду личный состав на лояльность аналогичным способом проверять. Зашёл, скажем, в курилку, рассказал боро-

даты и несмешной анекдот. И смотришь, какая сволочь позволила себе не жаргаться...

Мечты, мечты. Не бывать мне полковником. Через полтора года стукнет сорокет, и наградят меня майорскими звёздочками в комплекте с пенсионным удостоверением. Такая у нас, «болванов», судьба. Впрочем, не могу сказать, что она меня так уж не устраивает. Мне б ещё нормированный рабочий день... Но невозможно иметь всё. Любишь кататься — люби и катайся.

— Дело появилось. Срочное, — сообщил шеф.

Информативность сообщения — уверенный твёрдый ноль. Дела у нас имеют обыкновение именно появляться, и если бы не очередное, не было повода меня вызывать. Версия «попить кофе» была отмечена в предыдущем блоке. А несрочные дела доходят до меня рабочим порядком, не через шефа лично.

Но я киваю с сосредоточенным видом и получаю вознаграждение в виде каких-никаких подробностей:

— Ювелирный на Чехова выставили ночью. Грамотно выставили, все сливки сняли, а мелочёвку не тронули. Ущерб на полсотни миллионов, и всё в одну сумку впихнуть можно.

Прощай, свободный вечер! А может, и суббота... Смирюсь по большому счёту, но без последней робкой попытки обойтись не могу:

— Почему я, Сергей Александрович? Вон Сеня уже почти две недели балду пинает.

Вы меня сволочью не считайте, пожалуйста. Взвалить работу на плечи ближнему своему — святое право и даже обязанность каждого работника полиции. Семён мне друг, но выходной дорожке. Он бы на моём месте поступил точно так же. Да и поступал уже, и ещё не раз поступит... На кого-то абстрактного спихнуть всё равно не получится — нас всего четверо «болванов» и две «болванки» в отделении. И все друзья.

— Твой психотип ближе, — кривится шеф. — Да и вообще...

Вот это «да и вообще» явно главенствует. Психотип может идти лесом, на меня в мае такого кадра накладывали, что более полную противоположность сложно представить. Неделю потом в себя приходил. Всё потому, что мне среди всех «болванов» в нашем отделении не посчастливилось быть самым опытным. И процент давать самый высокий. Я в последнее время всё чаще ловлю себя на мысли, может, я не самый умный, а как раз наоборот? Самые умные работают вполне адекватно и, посмеиваясь, в меня пальцем тычут...

— Кто выставил-то? — снова вздыхаю, на этот раз обречённо.

Шеф берёт со стола картонный скоросшиватель, развязывает тесёмочки, достаёт верхний лист бумаги и аккуратно подвигает ко мне. Твою ж мать, когда этот атавизм отомрёт уже, а? Двадцать лет назад я наивно полагал, что сразу после того, как уйдёт на пенсию всё начальство, воспитанное на бумажках. Чёрта с два! Нынешние генералы на горшках с планшетами сидели, но папки с тесёмочками непобедимы.

Я беру лист и первым делом изучаю фото. Представительный мужчина сорока — сорока пяти лет. Лицо умное, волевое. Взгляд пронзительный. Не нравятся мне это, такой точно не по пьяни набедокурил, такой всё тщательно рассчитает и просчитает...

Бородинский Дмитрий Николаевич. Имя мне ничего не говорит, да и не должно, разумеется. Рецидивистов нынче практически не осталось. Начинаю читать досье... Глаза сначала лезут на лоб, потом сами, без всякого моего участия ввинчиваются в лицо шефа.

— Да, — он кивает и пожимает плечами с каким-то виноватым видом. — Майор полиции в отставке. Твой бывший... э-э... коллега из Воронежа.

Майора полиции я бы ещё стерпел более-менее спокойно. Всякое бывает, полицейских не из числа ангелов господних набирают, все мы люди. И получше, и похуже есть. Но другого «болвана» на себя напяливать раньше не приходилось. Не по себе мне как-то от этой мысли.

Полковник несколько суетливо дёргает плечами.

— Не знаю, что его натолкнуло... Репутацию имел хорошую, характеристика с места службы — хоть в президенты. Вышел на пенсию три года назад, никуда больше устраиваться не стал, да и зачем — пенсия у вас сам знаешь... В деньгах не нуждался, по крайней мере, явно. Никаких кредитов, склонности к азартным играм не имел.

Болтовня это всё. Пустая. Что в досье написано, я и сам прочитать смогу. А что не написано, я через час-другой лучше шефа знать буду. Да и лучше кого бы то ни было, включая жену и ближайших родственников Бородинского.

Вальяжно разваливаюсь в кресле, разве что ноги на стол не кладу. Приспускаю веки, глядя на мир сквозь решётку ресниц.

— Вводи в дело, Саньч, — бросаю небрежно.

Теперь, когда становится очевидным, что отвертеться от работы не удастся, я бурею мгновенно. Потому что имею право и потому что пошло всё к чёрту. Я теперь не капитан Погорелов, я оператор матричного наложения в процессе подготовки. Попробуй тронь, у меня нервная организация знаешь какая? Тонкая. Шаг влево, шаг вправо — разбалансировка, кривой настрой, и всё, работа насмарку. На девяносто процентов это туфта, но оставшихся десяти хватает, чтобы нашу наглость терпели. Катя Михайловна по большому секрету рассказала, что Нинка вообще любит шефа за чаем гонять. Хотя, может, и врёт, сложно такое представить про нашу скромницу, краснеющую от самого невинного комплимента.

Шеф с готовностью кивает и запускает вирт-карту города. Слава Богу, здесь прогресс дозволен, не пальцем по бумажке елозим и не фотки застывшие разглядываем. Чип привычно свербит в затылке, откликаясь на сигнал. Секунда, и мы с шефом вдвоём на пустынной залитой солнцем улице.

— Сделай ночь, Саныч, — это я просто капризничаю. Но имею право, магазин-то ночью брали, хочу, значит, проникнуться атмосферой.

Полковник — здесь он килограмм на пять стройнее, чем в действительности, — молча соглашается и чуть заметно морщит лоб. И — ночь. Даже у Бога, наверное, не получалось так ловко отделить тьму от света. Вечно меня в плохом настроении на богохульство тянет. А хорошему настроению взяться неоткуда.

Стою, никуда не спешу, осматриваюсь в свете фонарей. И шеф не торопит, знает мою манеру работать. Она ему может нравиться, а может не нравиться, только палки считать наш полковник хорошо умеет. Я почти уверен, что главное моё преимущество над коллегами — тщательная подготовка. Тот же Семён пальцем у виска крутит, когда я рассказываю, что и час, и полтора могу с делом знакомиться. Ты, говорит, не следак и не опер, что ты там вынюхиваешь? Отпечатки ищешь? И ржёт. Пускай ржёт, я не обижаюсь. Хорошо смеётся тот, кто больше премии получает.

Стоим мы прямо напротив магазина «Алмаз». Никакой фантазии у владельца, мог бы назвать к примеру... к примеру... А, чёрт, у меня тоже с фантазией беда. Значит, снимаю претензию, пусть будет «Алмаз». Вывеска, кстати, шикарная, голографическая, словно из бриллиантов в оправе сложенная. И витрины богато выглядят. Тут я хмыкаю, ещё бы, если цацек на полста лямов унесли и что-то ещё на развод осталось.

Чехова — вообще «магазинная» улица, по соседству витрины сплошь, от гастронома до — забавная хохма — магазина бижутерии. Но «Алмаз» выделяется, это да. Разве что «Силуэт» может слегка поспорничать, девки условно-одетые глаз радуют. Хорошие манекены сейчас делать начали, достоверные. И чего раньше эти пугала пластмассовые ставили? Не могу поверить, будто ничего другого не умели.

— Камеры высветить? — осторожно спрашивает шеф. Всем своим видом показывая, что это ни в коем случае не просьба поспешить, нет-нет.

Выгнать его из вирта, что ли? Вопросы возникнут, всё равно смогу задать, а глаза хоть мозолить не будет. Нет, пусть торчит рядом. Это моя маленькая локальная мстя.

— Конечно, — пожимаю плечами.

Вся улица разукрашивается маркерами зелёных огоньков. Да уж, мышь не проскочит. А вот бывший дяденька-полицейский взял и проскочил... Как же его по горячему не взяли, интересно. То есть, на самом деле интересно, и ответ я скоро узнаю, потому что на дурачка-то дяденька никак не похож. До такой степени не похож, что не нравится мне это дело.

Словно услышав мои мысли, шеф сказал:

— Смотри, — после чего добрых два квартала, включая «Алмаз», погрузились во тьму, а огоньки камер на них окрасились красным. — За четыре минуты до кражи произошла авария на подстанции, электроэнергия отключилась. Все ТСО зависли, разумеется. Автономное энергоснабжение заработало через двенадцать минут, это нормальный показатель, более или менее точно просчитываемый. В этот промежуток «Алмаз» и вскрыли. Грубо вскрыли, механически.

Полковник снова включает освещение, только камеры оставляет помеченными красным. Указывает на дверь в «Алмазе». Действительно, грубо, хотя

и не без изящества. Вырезали замок автогеном или чем-то подобным. Здравствуй, двадцатый век!

— Что за авария? — интересуюсь.

Не моё это дело совершенно, и больше никто из «болванов» таким вопросом бы, наверное, не задался. И я не уверен, что ответ мне что-то даст. Но так я работаю.

Шеф разводит руками.

— Технари наши закопались в эту подстанцию по самые яйца и маму на кон ставят, что авария самопроизвольная. Рубахи на себе рвут, никакой диверсии, говорят.

Я хмыкаю, шеф с готовностью отвечает кривой усмешкой.

— Ага! Замкнуло что-то ни с того, ни с сего, а тут как раз наш Бородинский мимо проходил. С автогеном и большой сумкой. Чего бы не воспользоваться... Я нашим, конечно, уши на задницы натянул, только больше для проформы. Даже мне понятно: выходит, спец посерьёзней над подстанцией поработал. Выше головы не прыгнешь. Они хоть частично реабилитировались.

Я вопросительно поднимаю бровь.

— Чип-детектор с «Алмаза» оживили-таки. Четыре часа колупались, но инфу вытянули. Так на Бородинского по чипу и вышли.

Победных ноток в голосе полковника не слышно, и я его понимаю. Раз уж с Бородинским такой спец работал, подобный успех наших компьютерных гениев он наверняка предвидел. И то, что мы его личность рано или поздно вычислим, понимал. Но это его не смущало.

В России ему надолго не укрыться. Разве что в глухих деревнях, но люди не для того ювелирные ломают, чтобы до конца своих дней аромат сена с автозом вдыхать. А в любом самом провинциальном

городке он на каком-нибудь детекторе засветится. Даже заходить куда-то необязательно, мимо магазина или конторы какой пройдёт слишком близко... Беда в том, что тридцать восемь стран мира к Конвенции не присоединились, причём по крайней мере десяток из них — вполне цивилизованные. Там найдётся частная клиника, которая и чип вырежет, и овощем человека не оставит — и пишете письма. Здравствуй, сладкая жизнь под новым именем.

Если Бородинский уже в одной из этих стран, все наши потуги по большому счёту бессмысленны. Ну, оставим маленький процент на случай. Наш плюс — не так просто сейчас страну покинуть, не засветившись. Наш минус — всё-таки нет ничего невозможного. Всех кротовых нор не перекроишь.

Значит, надеемся, что уйти за границу Бородинский ещё не успел, и стараемся взять его до перехода. Задача, ставшая в последнее время типичной.

И снова нехорошее ощущение внутри. Кому, как ни бывшему полицейскому всё это понимать... Всё он предвидел. И идентификацию своей личности, и привлечение «болвана». Выходит, считает свои шансы выйти победителем как минимум не ниже наших.

— Охрана почему не приехала? — спрашиваю.

Шеф сплёвывает. Вернее, делает вид — функции слюновыделения в вирте всё-таки не прописаны.

— А не было сигнала на пульт!

От дурацкого вопроса «как не было?!» я удерживаюсь. Что тут непонятного — одной самопроизвольной аварией больше, одной меньше...

Захожу внутрь магазина, исследую все помещения, рассматриваю прилавки. Несколько раз прошу шефа сменить картинки «было» и «стало». Готовился Бородинский, понятное дело, заранее и тщательно. Ника-

кого особого погрома после себя не оставил, взял только то, что хотел, и остальное не трогал.

Полковник изо всех сил скрывает признаки нетерпения. Наверняка ведь думает, что я его специально злю, время затягиваю. Пусть думает. Я ни одной детали пропустить не хочу. Наконец вздыхаю и машу шефу рукой — закругляемся, мол. Он тоже вздыхает — с облегчением. Вываливаемся в кабинет.

— Скинь мне данные с камер за последние дни, когда и сколько раз Бородинский в «Алмаз» заходил, — прошу я.

Данные падают на чип практически мгновенно, шеф явно подготовился.

— На соседних камерах, которые не отключались, Бородинский засветился? — спрашиваю без особой надежды.

Шеф мотает головой.

— Не нашли пока. Ищем.

Оно и понятно. Камеры наблюдения — не чип-детекторы, от них знающий человек может укрыться. Если неизвестно ни точное место, ни точное время. Бородинский мог уходить с места преступления пешком, а мог на машине — не на своей, разумеется. И направлений для ухода несколько. Работа кропотливая, и рано или поздно должна-таки успехом закончиться. Только вот у нас весь вопрос и заключается между «рано» и «поздно».

Дольше тянуть нет смысла, я, в конце концов, тоже сегодня хочу домой попасть.

— Пошёл грузиться, — я встаю с кресла.

Шеф тоже поднимается, жмёт мне зачем-то руку и бормочет малоосмысленные пожелания. Ага, успех в труде и большого счастья в личной жизни. Слушать всё до конца мне лениво, на автопилоте иду в операторскую. Даже на Катю Михайловну в приёмной не смотрю.

У Фёдоровича грустные глаза несправедливо побитой собаки, как будто это не он на меня, а я на него сейчас буду маску надевать.

— Чего тоскуешь, Инквизитор? — бодро спрашиваю я.

— А куда деваться? Если уважаемый лично мной человек Инквизитором обзывается, — меланхолично отвечает Фёдорович, глядя не на меня, а на экран.

— Так ты же начал ещё до того, как я обозвался, — резонно замечаю.

Фёдорович жмёт сутулыми плечами и оправляет без того безупречную причёску.

— Мне присущ дар предвидения. При этом акцентирую твоё внимание, я никогда никого из вашего брата болванами не именовал.

Я тоже плечами повёл.

— Ну и зря. Болван — это звучит гордо.

— Раньше гордо звучало человек...

— Так это когда было! Сейчас я бы не стал обобщать.

Трепемся мы так, пока Фёдорович аппаратуру настраивает. Да не то чтобы настраивает, всё у него заранее подготовлено, просто такой ритуал, поелозить мышкой по экрану, верньеры пошевелить. Мне время даёт расслабиться за шутками-прибаутками.

Только насчёт «болванов» я почти и не шучу. Во всём мире таких как мы на жаргоне называют «бланками». У нас вроде бы тоже поначалу попробовали, и даже приживаться словечко стало, но потом какой-то остряк «болванами» окрестил. За глаза. Но мы услышали и с каким-то извращённым удовольствием подхватили. Суть-то та же — заготовка, болванка... Но по мне «бланк» даже обидней звучит. Чем-то казённым, неодошевлённым так несёт, что нос зажать хочется. А болван... Мне так думается, лет через десять это слово уже в официальных доку-

ментах писать станут, а негативное значение оно при этом утратит.

Какой только чуши про нас не рассказывают. Все страшилки пересказывать неохота, но если даже не самого глупого и малообразованного обывателя спросить про «болванов», он начнёт что-то про пересадку сознания лепить. Или памяти.

Первое — совсем ерунда, второе — лишь слабая тень правды. Чужое сознание пересадить невозможно, да и кто бы на такое согласился? Тут уже нужно полным болваном без всяких кавычек быть. Мне моя личность дорога, я к ней как-то привык, знаете ли. Так что нам не пересаживают, а накладывают. И не само сознание, а его слепок, психоэмоциональную матрицу. Что-нибудь про «мыслить, как преступник» слышали? Вот это про нас, причём в настолько прямом смысле, что прямее только прямая кишка. Следовательно, само собой, во все времена пытался поставить себя на место преступника, только далеко не всегда это у него получалось. Потому что в одной и той же ситуации один человек побежит налево, второй — направо, а третий спрячется. Для решения данной проблемы следователи нас, «болванов» и используют. На короткое время мы становимся копией преступника — с теми же мышлением, темпераментом, реакциями.

Воспоминания чужие нам в черепашки не впишутся. Не резиновые они, черепашки. Да и технологий таких пока нет. Слава Богу, наверное. Так что, когда Фёдорович закончит изображать настроенческую деятельность и наложит на меня Бородинского, я не буду помнить, чем тот занимался за день, за месяц и за год до последнего снятия матрицы. Но отголоски всех воспоминаний восприму. В виде эмоций и чувств, симпатий и неприязней. Всяких побочных эффектов при этом до чёрта, но нас ин-

тересует главное: я постараюсь понять, как Бородинский провернул дело с ограблением и что может предпринять впоследствии. Именно, куда побежит, где спрячется, и как будет переходить границу.

Стопроцентной гарантии успеха, разумеется, нет и быть не может. Но раз нас, «болванов», всё ещё держат, а временами даже холят и лелеют, смысл в нашей работе есть.

— Кто дело ведёт? — спрашиваю.

По-хорошему, этот вопрос стоило шефу задавать, Фёдорович ответа может и не знать. Но я как-то расстроился сегодня.

— Тимошук, — информирует Инквизитор. Всё он знает, зараза. Впрочем, тут же следуют пояснения. — Заходил уже, любопытствовал...

Тимошук, это хорошо. Нравится мне с ним работать. Везунок он. Не самый опытный, не самый грамотный, может, не самый умный. Но везучий. Причём, перманентно везучий, а значит, у везения есть серьёзное обоснование. Либо сделка с дьяволом, либо чуйка природная. Работает то и другое примерно одинаково.

— Давай уже, Инквизитор, жги напалмом.

— Готов то есть? — ради проформы спрашивает Фёдорович.

— Всегда готов. Аки пионер!

Фёдорович усмехается.

— Не по возрасту тебе про пионеров знать.

— А я начитанный!

Инквизитор щёлкает мышкой и словно открывает потайной клапан, напускающий в мою голову густой туман.

Первая стадия наложения — самая неприятная. Для меня лично, за остальных не скажу, не любопытствовал. Это дурной тон такими интимными

вещами интересоваться. Прежде чем на меня кого-то наложить, нужно меня из меня выгнать. Натурально в безликую заготовку превратить. Ещё раз посоветую глупым историям про лоботомию не верить; в роботов нас тоже никто не превращает. Всё ты понимаешь, всё помнишь и всё чувствуешь. Настроение, например, у меня как было плохим, так и осталось. И капля мёда в этой бочке дёгтя — удовлетворение от предстоящей работы с Тимошуком — тоже никуда не делась. Только как-то всё безразлично стало. Неважно, несущественно.

Я на себя словно со стороны смотрел. Это, наверное, самая правильная ассоциация. Вот сидит капитан Погорелов, недовольный, раздражённый, желающий поскорее попасть домой, но осознающий, что хрен что из этого получится. Непонимающий, на что бывший «болван» Бородинский рассчитывает, но понимающий, что на что-то всё же рассчитывает явно. И от этого ещё более раздражённый...

И я вроде бы отчётливо понимаю, что этот самый Погорелов — я и есть. Только вот исключительно умом понимаю, а не душой, сердцем или ещё какой печёнкой. Все проблемы Погорелова для меня — чужие и посторонние. Как и радости, впрочем.

Хорошо, что длится эта стадия недолго. Дурное дело нехитрое, ломать — не строить, и всё такое прочее. Маска Бородинского начинает наползать на меня по всем фронтам. Осторожно, неспешно, прощупывая путь перед каждым шагом. И тоскливое ощущение пустоты исчезает.

...Я болею за «Спартак». Это почему-то влезает в меня едва ли не самым первым. За «Спартак», как это ни нелепо для полицейского. А куда де-

ваться, если «спартачами» были и отец, и дед, если я в четыре года впервые на трибуне надел красно-белый шарф. По этому поводу постоянно возникают пикировки с коллегами, обычно шуточные, но иногда, под воздействием винных паров...

...Обожаю грузинский коньяк. В молодости предпочитал армянский, но несколько лет назад изменил ему в силу обстоятельств — и обрёл новую любовь. А водку не признаю вообще, в случае чего предпочту остаться трезвым. В последний раз пил её на похоронах отца. Стакан за стаканом и так и не сумел опьянеть...

...Не переносу банкетов, фуршетов и прочих алкогольно-массовых мероприятий. Если уж пить — то в тесной компании людей, с которыми есть о чём поговорить. В идеале — тех, с кем есть о чём помолчать...

...Странные они — мужики, предпочитающие блондинок. Или брюнеток, рыжих, шатенок. Никогда не мог их понять. Что за разница, какой цвет волос? Вот длина — другое дело, длинные женские волосы — мой маленький фетиш...

...Машина должна быть мощной и быстрой. Это важнее, чем внешний вид и комфорт салона. Потому что машина — тот же дикий зверь, и чем он сильнее, тем сладостнее пьянящее чувство превосходства, когда его укрощаешь. Мужчина — это охотник и воин, что тысячи лет назад, что сегодня...

Процесс наложения ускоряется. Становится невозможным отделить одну волну от другой, они нахлестываются, накатываются все вместе, со всех сторон, быстрее, быстрее...

Лёгкий щелчок в голове. Хотя я и без него понимаю, что наложение закончилось. Надо потом перепрограммировать этот звук на чипе, пусть бу-

дет как сигнал микроволновки. Дзынь! Я хмыкаю и встаю с кресла, с хрустом потягиваясь.

— Как дела, Дмитрий Николаевич? — вопрошает Инквизитор.

Прежде чем ответить, я с улыбкой всматриваюсь в его лицо. Скуластое славянское лицо с большими иудейскими глазами. Забавно это выглядит.

— Дурак ты, Инквизитор, и шутки у тебя инквизиторские, — говорю беззлобно. — А дела у Дмитрия Николаевича сейчас ничего себе так. Лучше, чем вчера, на целую сумку золота и бриллиантов.

— Это надо бы исправить, — улыбается глазами Инквизитор.

— Займёмся незамедлительно, — уверяю я. — Не покладая живота своего. Ой, то есть, это рук не покладая, а живота не щадя. В общем, разберёмся, что там класть, а что щадить.

— Самочувствие?

— Здоровье в порядке, спасибо зарядке! — рапортую, выпятив грудь колесом. — Нет, в самом деле, очень легко маска легла. Как тут и было. Совершенно случайно Саныч угадал — психотип близкий. И чего это я до сих пор сам не догадался ювелирный ломануть?

Инквизитор задаёт ещё пару-тройку вопросов. Положено. Должен он убедиться, что я действительно в порядке, а не бравирую. Что, значит, в обморок не грохнусь в самый неподходящий момент. Интересно, кстати, а какой момент для обморока можно считать подходящим?

К Тимошку захожу без стука.

— Здорово, Павло!

— Почему бы и не здорово, — соглашается он. — Ты уже?

— А так не видно? — интересуюсь. — Не замечаешь волчьего оскала и коварного прищура глаз, свойственных преступному элементу?

— Да кто ж разберёт, может, ты водки хряпнул, вот тебя и перекосило.

— Какое примитивное мышление, с кем приходится работать! Давай, гражданин начальник, допрашивай! — падаю в кресло.

Работа следователя с «болваном» действительно напоминает допрос. Я ведь сейчас ментально Бородинский, родная мать не отличит. Есть у меня по сравнению с ним маленький изъян — не знаю я ответов на вопросы. Но и преимущество имеется — в желании сотрудничать со следствием.

На заре эры матричного наложения пытались следователя с «болваном» совместить. Получалось откровенно плохо. Причина банальная: хороший следователь — это тоже вполне определённый менталитет. Накладывая на себя матрицу преступника, следователь зачастую утрачивал большую часть своих навыков и способностей. С тех пор котлеты отдельно, мухи отдельно. Зато следствие целиком отдало в руки полиции.

Поговаривают, что скоро нам в помощь ещё психологов выделят. Для триумvirата со следователем и «болваном». Тогда допрашивать нашего брата вдвоём будут: один знает, какие вопросы задавать, второй — как. Брехня, по-моему. Идея, может, и здравая, только деньгами сорить никто не будет. Скорее, следков начнут на курсы какие-нибудь направлять. Без отрыва от производства.

Тимошук закатал рукава по локоть. Юмор у него такой.

Я шёл по улице Чехова и с любопытством осматривался по сторонам. По настоящей улице шёл, не в вирте. Давно, кстати, карту не обновляли. Память у меня не скажу фотографическая, но хорошая. Вот этого билборда в вирте нет, и на «Гастрономе» вывеску поменяли. Но по большому счёту

всё на месте. Включая интересующее меня заведение. И я не «Алмаз» имею в виду...

Между прочим, я не просто шёл, я ещё занимался самокопанием. Положил себя мысленно на кушеточку, и с вялой доброжелательностью осыпал вопросами.

Когда же это во мне переключатель сработал? Когда к Тимошуку заходил, никаких мыслей странных не замечал. Шёл, как и положено, исполнять свой служебный долг. Совместными усилиями разоблачать преступника, паразита, понимаешь, на теле общества. И когда меня допрашивать начали — искренне старался помочь. Думал, напрягал свои извилины и чужие эмоции. Честно отвечал.

А потом вдруг стал врать. Ну, как врать — истины-то в первозданном виде передо мной никто не открыл. Но факт остаётся фактом, начиная с какого-то момента, я принялся утаивать ответы, которые считал правильными. Подсказывал варианты тоже вполне разумные и вероятные, но в которые сам не верил. Вместо картины преступления, нарисовавшейся в моём сознании, предъявил Тимошуку совсем другое полотно.

Самое смешное, до меня не сразу дошло, зачем я это делаю. Делал — и всё, понимал, что так надо. И только покинув кабинет следователя, собрал мысли в кучу и более-менее рассказал их по полочкам.

Тот самый магазин бижутерии. Скромненький, неприметный, через одно здание от «Алмаза». Закрыто, естественно, время к полуночи. Но я весело и беззаботно начинаю тарабанить в дверь. Время от времени отчётливо повторяя: «Откройте, полиция!». Если я прав, то мне откроют.

И мне открывают, не проходит и трёх минут. Ай-ай-ай, что ж ты так, гражданин хороший? Ты бы уж

или не открывал совсем, или не тянул время. Эта вот задержка, она нехорошо тебя выставляет...

— Гасанов Руслан Камилевич? — жизнерадостно говорю прямо в смуглое встревоженное лицо немолодого мужчины.

— Да, я... но мы закрыты, — не находит ничего более умного владелец магазинчика.

— Догадываюсь. Но вы для меня откройте на минутку, пожалуйста, — я протягиваю через порог (плохая примета, но это для него, не для меня) своё удостоверение. Тот же самый атавизм, что и папки с тесёмочками, но одновременно я кидаю заверенный скан удостоверения Гасанову на чип.

Руслан Камилевич продолжает топтаться в дверях.

— А в чём дело? — глупый до нелепости, но практически неизбежный в возникшей ситуации вопрос.

Но я открыт для общения и щедр на ответы.

— Мне бы с Дмитрием Николаевичем поговорить.

— Э-э... С каким?

Эх, Руслан Камилевич! В электронике вы, возможно, и гений, по крайней мере, бауманку с красным дипломом закончили, а вот в сложных жизненных коллизиях неповоротливы до безобразия.

— С Бородинским. Будете отрицать знакомство? — с надеждой даже спрашиваю.

Потому что я понятия не имею, где, как и когда пересеклись Бородинский с Гасановым. Выяснить это долго и нудно, но относительно несложно. Чисто техническая проблема. И если я прав (а всё пока говорит именно за это), то отрицанием легко устанавливаемого факта Гасанов себе только повредит.

Он это тоже понимает, поэтому тянет с ответом не слишком долго.

— Не буду, но...

— Давайте пройдем внутрь, Руслан Камилевич, — мягко говорю я.

И мы проходим. В пустой торговый зал — слишком громкое название для комнатухи четыре на четыре, половину площади которой занимают дешёвые безвкусные прилавки.

— Зовите Бородинского, я хочу поговорить именно с ним.

Гасанов всплёскивает руками, впервые в его движениях проглядывает что-то восточное.

— Но его здесь нет! Вы ведь можете считать показания чип-детектора!

— Вашего чип-детектора? Вы меня умиляете, Руслан Камилевич! Человек, который способен удалённо устроить «самопроизвольную» аварию на подстанции и заблокировать сигнал вызова охраны, с собственным чип-детектором сможет сделать что угодно. Давайте мы просто осмотрим ваши подсобные помещения, а? Пройдёмся ножками, посмотрим глазками, по старинке. Даже в том маловероятном случае, что Дмитрия Николаевича действительно здесь нет, содержание вашего склада наверняка будет прелюбопытным... Где ещё прятать драгоценности, как не среди бижутерии.

На лбу Гасанова проступают капельки пота.

— У вас ведь нет ордера...

— Детский лепет! — морщусь я. — Если будет необходимо, я раздобуду его за десять минут. Меня этот вариант не устраивает, только поверьте на слово, вас он не устроит гораздо сильнее.

Говоря это, я не отрываю взгляда от двери за прилавками. И, словно повинувшись этому взгляду, дверь открывается. Широко и уверенно. К дверному косяку приваливается Дмитрий Николаевич собственной персоной. Стоит и улыбается. Так, словно искренне рад меня видеть.

— Валентин Савельевич?

Ага, значит, Гасанов ему копию моего удостоверения сразу кинул.

— Именно так. Приятно познакомиться... коллега.
— Взаимно! — мы крепко жмём друг другу руки.
— Как делиться будем? — беру я сразу быка за рога, потому что тянуть некогда. — Порвну или по справедливости?

Бородинский коротко кивает и улыбается понимающе.

— Полагаю, коллега, вам будет причитаться около шести или даже семи миллионов.

Я моментально скучнею, хотя чего-то такого примерно и ожидал. А что вы хотите, мы ж сейчас мыслим одинаково.

— Несерьёзно, Дмитрий Николаевич, крайне несерьёзно. А ведь времени у нас совсем немного. Капитан Тимошук — мужик цепкий и хваткий. День, другой — и мысль о том, что цапки можно временно «задержать» среди бижутерии, придёт ему в голову. Сначала только мысль, может даже не вполне серьёзная. Наглость всё-таки это — прятать награбленное совсем рядом с местом преступления, да ещё и практически на виду. Но когда он узнает, что некто гражданин Гасанов купил этот магазинчик всего три месяца назад... Когда посмотрит досье гражданина Гасанова... Складывать два и два в полиции умеют. Впрочем, кому я рассказываю, сам всё понимаешь, — я перехожу на «ты».

Бородинский снова улыбается и качает головой.

— Разумеется, понимаю. Но и ты меня пойми...

— Как тебя понять, когда ты мне из пятидесяти миллионов шесть предлагаешь? — изумляюсь я.

— Не будь ребёнком, Валентин! Пятьдесят... кстати, сорок восемь с копейками... — это розничная цена. Скинуть мы сможем за двадцать, в лучшем случае двадцать пять. Отними накладные расходы — а их есть, куда деваться, — и дели оставшуюся сумму на три.

— На три?

— Конечно! — твёрдо говорит Дмитрий, и я понимаю, что он не уступит. — Или ты думаешь, что Русланчик помогает из любви к искусству?

Приятно решать вопросы с человеком, с которым мыслишь одинаково. И я не стал упираться дальше, и он не начал «торги» с одного-двух миллионов. Один сразу предлагает разумную ставку, второй практически сразу понимает её разумность. Мы ударили по рукам.

— Слушай, — спросил я больше из пустого интереса. — А как ты мог предвидеть, что я решусь... пойти против течения?

Дмитрий развёл руками.

— Предвидеть со стопроцентной гарантией я не мог, конечно. Риск был, но куда в таком деле без риска. Только я как рассуждал: когда на тебя ляжет моя маска, ход твоих мыслей мне нетрудно будет предугадать. Себя-то я знаю! — он подмигнул. — А в том, что она ляжет хорошо, у меня сомнений не было.

Улыбка сползла с его лица, глаза стали жёсткими.

— Почему? — задал я естественный вопрос.

— Потому что мы болваны, Валя. Бланки. Мы практически одинаковые. А если бы уходили на пенсию лет на десять позже, стали бы одинаковыми полностью — как с конвейерной линии.

Я рассмеялся. Как можно громче и веселей. Потому что ясно видел — Дмитрий не шутит.

— Ну ты хватил!

Я подумал о себе, вспомнил Семёна, Костю, Максимиача... Нет, конечно, что-то общее было, но это ведь естественно. Мы делаем одну работу, много времени проводим вместе... Наверное, и набирают в наш отдел людей по каким-то общим признакам...

— Возьми свою и мою энцефалограммы, отнеси их к специалисту. Он сделает предположение, что мы близнецы. Принеси ему данные ещё десятка «болванов» нашего примерно возраста — он удивится что близнецов может быть так много. Или тому, что решили клонировать людей, — в голосе Дмитрия была неподдельная боль. — Нам всё-таки проводят лоботомию, только в усечённом варианте и растянутую на долгие годы. Под грузом сотен масок наши личности стираются, бледнеют и усредняются. Я потратил немало времени на исследование этого вопроса. Поэтому и решил, что имею право на некоторую компенсацию. Ты мне веришь?

Чёрт возьми, верю ли я ему?! Как я могу не верить, если... Я схватился за голову. Но ведь это маска! Это всё маска, на мне слепок его личности, потому и кажется, что он говорит моими словами...

Дмитрий словно прочитал мои мысли.

— Валя, вернись в отделение, сними маску. Обдумай всё сам, своей головой. А потом возвращайся, обещаю, я буду ждать здесь. Я не боюсь, что ты, избавившись от моего слепка, придёшь меня арестовывать.

Наверное, это было самое разумное предложение. Мне нужно разобраться в себе, понять, чего хочу я — Валентин Погорелов. Думаю, пара часов времени у нас ещё есть...

Я ошибся, у нас не было и пары минут. Я ещё только начал раздумывать, как обеспечить выполнение Дмитрием обещания ждать меня здесь, когда раздался звон бьющегося стекла. Одна за другой в зал влетели две газовые гранаты. Отключился я практически мгновенно — весьма эффективное и гуманное средство.

— Так как допёр, Вадик? — очень спокойно спросил я.

Честное слово, у меня даже расстроиться как следует не получалось. Ни страха, ни тревоги... пустота одна внутри.

Тимошук на секунду оторвался от клавиатуры, по которой сосредоточенно стучал двумя пальцами, и посмотрел на меня с оттенком удивления. Будто забыл, что я тут сижу.

— Ножками, Валя, ножками.

Я поморщился.

— Давай без юмора, а?

— А я и так без юмора, — Тимошук пожал плечами. — За тобой шли, вот и дошли.

— Почему вы за мной шли? — хоть бы раздражение почувствовать, что ли...

Тимошук всё-таки отодвинул от себя клавиатуру и посмотрел на меня повнимательней.

— Пару часов твои вопросы не подождут?

— И что будет через пару часов.

— Ну... сходишь к Инквизитору...

Я слегка оживился.

— О! А у Инквизитора есть настоящие инквизиторские инструменты?

— Маску с тебя снимут, Валя. Тогда поговорим о чём хочешь, — Тимошук постарался улыбку спрятать, но получилось неважно. Что-то мне это не нравилось... Хотя что тут может нравиться при таком раскладе?

— Меня ты вести будешь, или УСБ займётся?

Следователь стукнул ладонью по столу и тихонько зарычал.

— Блин! Как достало всё, а! Пятница, главное! Да никто тебя не будет вести, Валя! У тебя, между прочим, завтра полноценный выходной получится. В отличие от!

Выглядел он при этом действительно раздражённым, но вовсе не сумасшедшим. А раз один из нас определённо сошёл с ума, значит...

— Ты что несёшь? Какой выходной? Я же этот, как его, оборотень в погонах! Предал интересы следствия и собственных товарищей! Нет мне прощения и всё такое прочее.

Тимошук оскалился.

— А, пошло оно всё к дьяволу! Всё равно ты через два часа ничего помнить не будешь. Никого ты не предавал, Валя. На тебе была маска, она тобой и руководила. Если Бородинский решил на преступление, то почему ты, являясь его точной копией, не должен сделать того же самого? Как тебя можно винить? Поэтому за «болваном» следят всегда. А то, что ты мне до того наговорил... — Тимошук выразительно махнул рукой. — После визита к Инквизитору ты будешь помнить, как тут же, в этом кабинете, выдал мне блестящую идею об использовании Бородинским магазина ювелирной. И я сотоварищи доблестно накрыл логово преступников. Тебе премия, мне премия! Все довольны!

Мне недавно казалось, что внутри меня пустота? Нет, ребята, пустота меня только сейчас накрыла...

— И так... всегда?

— Нет, — Тимошук помотал головой. — Время от времени. У молодых реже, с опытом всё чаще. Я так думаю, с годами маски всё лучше и лучше ложатся.

Да, ты прав, Павло, если бы ты знал, насколько прав. Маски гораздо лучше натягиваются на ровную, гладкую поверхность. Без выступов и прочих шероховатостей.

— Знаешь, Вадик, — сказал я. — Не хочу. Не надо мне ничего стирать. Я это был, я, маска здесь ни при чём. Готов ответить, как говорится, по всей строгости...

Тимошук подавил зевок и потянулся к трубке внутреннего телефона.

— Кто ж тебя спрашивать будет... Фёдорович, готов? — он махнул рукой конвоем в дверях. — Забирайте его, парни. **✠**

*Процай, романтика, – забрызган кровью белый бант.
И губы бантиком – друзья пропили мой талант.
Отбрось сомнения – мы переплавим сталь в руду.
Есть ощущение, что всё летит в звезду.*

Андрей Карунос

– Послушали б вы его нелепую и зловредную болтовню!
«Каждая станция должна быть как бы маяком на пути, ко-
торый ведет к прогрессу; это не только центр торговли,
но и центр гуманности, усовершенствования, просвещения».
Представляете себе – какой осел! И он хочет быть начальни-
ком!

Джозеф Конрад, «Сердце тьмы»

Старик, романтика и марсиане

Я играл с ним в шахматы. Но только до тех пор, пока он не начинал рассуждать о Содружестве. Такая у нас была договорённость, о которой он постоянно забывал и начинал свои проповеди, отвлекаясь от партии. Тогда я сметал фигуры с доски, останавливал часы и выталкивал Старика на марсианский холод. Это шло ему на пользу, он успокаивался и через какое-то время снова скрёбся в дверь кессона. Я выпускал его, мы пили чай с джемом, намазывали батон сливочным маслом, грызли карамель и шумно отдувались. И Старик начинал рассказывать о марсианах.

– Хрен знает, сколько миллионов лет накопления информации, – говорил он. – Ясен пень, они устали. Им ничего не интересно.

– Скажешь тоже – миллионов, – подначивал я Старика, зная, что он заведётся.

– А сколько, по-твоему?! – сразу шёл в атаку Старик. – Вот говори – сумели ваши суперпупергенетики определить возраст их популяции?

– Насколько мне известно, суперпупергенетики круто обломались. Но ведь у них очень мало фактического материала, марсиане крайне неохотно идут

на контакт. — Я отмечал про себя, что он уже говорит «ваши», а не «наши», но тогда меня это не настораживало.

— Кто тебе это сказал?

— Ну, это официальная точка зрения.

Старик гулко смеялся и переходил на менторский тон.

— Понимаешь, «крайне неохотно идут на контакт» несколько не соответствует действительности. Они попросту игнорируют поисковые группы. Всех этих экзопсихологов, сапиенсологов и прочих контактёров. Они попросту не обращают на них внимания.

Я важно кивал, соглашаясь, хотя знал, что сам он и был когда-то таким «контактёром». Его экспедиция стала первой, кому повезло не только обследовать верхние карстовые полости, но и пообщаться с марсианами. Пообщаться... Это, конечно, громко сказано. Величаво-медлительные, без признаков мимики на красивых лицах, прекрасно сложенные анатомически, высокие, изящно-утопчённые марсиане оказались крайне замкнутыми ребятами. Без признаков технологий. Голые. Без огня, жилищ, инструментов. Без выявленной социальной структуры. Лениво поедающие фиолетовый мох, сплошняком покрывающий стены пещер, в которых паслись и лениво совокуплялись марсиане. Возникло сомнение в их разумности, но именно Старик установил подобие контакта и даже сумел составить примитивный англо-марсианский словарь. Но потом его группа бесследно исчезла, а сам он поселился среди марсиан. Иногда приходил ко мне пить чай, играть в шахматы и рассуждать о необходимости Содружества. И всем было плевать. Его считали чокнутым.

— Ты постоянно призываешь к содружеству с марсианами, к сотрудничеству, — говорил я Старику. — Но ведь они сами нас избегают.

— Надо их заинтересовать!

— Но ведь ты уже два года живёшь среди них, а до сих пор ни разу не привёл ко мне в гости марсианина, — шутил я.

— Они привязаны к области карста, только там давление и состав атмосферы позволяют не загнуться от холода и удушья, — на полном серьёзе оправдывался Старик.

И разговор снова ходил по кругу, и я уже жалел, что опять поддался на провокацию и свернул на излюбленную Стариком тему.

Самое поразительное, что ни открытие марсианского карста, ни обнаружение марсиан не стало на Земле сенсацией. Точно так же как марсианам было наплевать на землян, землянам было плевать на неожиданно обретённых братьев по разуму. На Земле хватало своих проблем. Сырьевой кризис, истощение ресурсов, амбиции политиков и равнодушие электората. Голод и эпидемии. Всё катилось в пропасть, и начало большой войны становилось вопросом времени.

— Марсиане могут быть весьма нам полезны, — утверждал Старик. — У них, безусловно, уникальный опыт выживания. Но я не знаю, как ещё можно аргументировать необходимость новых экспедиций. Никто не хочет рисковать.

— А что случилось с твоей группой? — в сотый раз спрашивал я. — Как они пропали?

— Они стали марсианами! — сразу начинал заговариваться Старик. — Им очень хорошо. Я хочу, чтобы всем было хорошо. Необходимо содружество. Марсиане хорошие.

Он ими восхищался, и я чувствовал, что он совершенно искренен в своём восхищении. Я вообще очень хорошо чувствовал.

Марсиане. Удивительные существа, преисполненные достоинства и благородства, безусловно, разумные и, безусловно, со своей таинственной культурой, которую или они скрывали от нас, или мы не могли разгля-

деть очевидного. Мы были слишком заняты своей работой, готовились к массовой экспансии с Земли, а они жили в занятой природной нише и в ус не дули. Пожалуй, я был единственным человеком, по-настоящему интересующийся марсианами. Нет! Был ещё Орсон Херст. Инженер по технике безопасности. Видали мы таких инженеров, особист он и есть особист.

— Ты не понимаешь! — восклицал Херст, когда заходил ко мне за сводкой погоды. — С Землёй покончено. Не сегодня так завтра они сожгут планету, к этому давно идёт. Самое страшное, что на психологическом уровне все давно уже к этому готовы. У меня друг работает в Бюро, он давал мне почитать отчёты социологов. Это чудовищно. В социуме доминирует желание со всей дури гульнуть напоследок, а там будь что будет.

Я не был настроен так пессимистически, но спорить с Херстом было себе дороже. Запишет ещё в неблагоннадёжные, доказывай после, что ты не каинитский фундаменталист. Тем более что кое в чём он был определённо прав. Народ с Земли бежал. Инициировались самые надёжные космические проекты, росли города на Луне, на орбите сотнями монтировались гигантские станции. Лишь бы оказаться подальше от планеты, когда грянет большой барабум. Но я верил в лучшее. Возможно потому, что сам уже давно находился на Марсе.

— Западно-Европейский Союз и Единый Континентальный Блок спят и видят, как бы оттяпать кусок пожирнее у Морской Федерации, а за всем этим наблюдают торгаши из Организации Коммерческих Сообщений, которые уже сгрузили баракло на свои космические яхты и ждут, чтоб напоследок сорвать куш и драпать с горящей планеты. Вот увидишь — если они не развяжут в ближайшее время глобальную войну, то из какой-нибудь секретной лаборатории как бы случайно вырвется особо мерзкая инфекционная зараза и начнётся пандемия.

Я подумал, что где-то уже это слышал и вспомнил: «Если хонтийцы не дураки, они откроют огонь из дальнобойных пушек по заградотрядам, но они, надо думать, дураки, и займутся они, надо думать, взаимострелением — Лига в этой суматохе налетит на Унию, а Уния вцепится зубами в задницу Лиге»...

Херст психовал, и его можно было понять — под Куполом творилось неладное. Многие жаловались на галлюцинации, за последний месяц произошло два случая белой горячки, а у рудокопов покончил с собой прораб. Ни с того ни с сего спрыгнул в карьер. При свидетелях. И не важно, что притяжение вполовину меньше, чем на Земле — высота триста метров, хватило, чтобы разогнаться. А ещё были пьянки, драки из-за стриптизёрш в баре и воровство в раздевалках.

Всё это мешало работать, выполнять план. Это давало почву для сплетен и пересудов. Но штатные медики как дважды два объясняли всё нервным напряжением из-за тревожных событий в метрополии, а также неверным использованием дыхательных смесей в скафандрах. Только вот галлюцинации случались и под Куполом, где в скафандрах никто не ходил.

Меня это мало касалось, пока над Куполом не нависла угроза голода. На Земле, видно, решили, что мы и сами в состоянии о себе позаботиться, и очередной транспортный борт с продовольствием попросту не пришёл. И тогда Херст решил, что мне надо сходить к марсианам.

Они пришли с начальником Купола и с начальником медицинской службы и втроём принялись усердно ездить мне по ушам.

— Неужели всё так серьёзно? — спросил я.

— Более чем, — раздражённо ответил Херст.

— Но почему я?

— Мы думаем, вы сможете договориться с марсианами, — сказал начальник Купола. — Нам надо понять, что

они едят и чем они дышат. Как выживают при таком холоде.

— Мох они едят! Фиолетовый. Это давно известно.

— Запасы. Возможность культивировать в условиях Купола. Химический состав. Метаболизм. Это всё надо выяснить. Как вариант — возможно ли переселение колонии в марсианский карст?

— Да, но я-то тут при чём?

— Не притворяйтесь, — сказал медик. — Я же читал вашу карту. Вы эмпат. Причём патологический эмпат. Таких как вы рождается один на десятки миллионов. Вы мутант, батенька. Поэтому и сбежали с Земли, поэтому и выбрали специальность, которая позволяет вам как можно меньше общаться с людьми.

— Ты сможешь их понять, — сказал Херст. — Или они тебя. Ведь не случайно именно к тебе ходит этот малахольный.

— Старик? Вообще-то он только этого и добивается, чтобы мы установили контакт с марсианами.

— Ну, вот идите и устанавливайте, — сказал медик.

— Какого чёрта? — Я вскочил и попытался ходить из угла в угол, но при таком количестве гостей в тесноте метеорубки это оказалось затруднительно. Я снова сел и сказал:

— Этим должны заниматься специалисты. Там уже одна экспедиция сгинула, я не хочу.

— Думаешь отсидеться в своей конуре? — Херст ударил кулаком по подоконнику и горшок с кактусом подпрыгнул. Между прочим, это был единственный кактус на Марсе. — Две тысячи человек находятся на краю гибели! Кому нужны теперь твои метеопрогнозы?

А начальник Купола устало потёр лицо ладонью и сказал:

— Сегодня я распорядился урезать нормы выдачи на пунктах питания. И это лишь начало. Мы не сможем существовать автономно. Нам нужны реактивы, запач-

сти, удобрения. Горючее. Если Земля прекратит снабжение, а она, судя по всему, его прекратит, мы продержимся от силы полгода. Речь идёт о выживании.

— Не пойду, — сказал я. — Это не входит в мои служебные обязанности. Я метеоролог, а не Христофор Колумб, не Магеллан и даже не Афанасий Никитин.

— Кто такой Афанасий Никитин? — подозрительно спросил Херст.

— Бросьте капризничать, — сказал тогда медик. — С такой степенью джуэинизма, как у вас, мне очень легко будет объявить вас профнепригодным. И отправят вас на Землю. И что вы там будете делать?

А начальник Купола спросил:

— Неужели вам самому не хочется? Это же так интересно. Мы дадим вам всё необходимое. И хорошие премияльные.

Хотелось ли мне? Ещё как хотелось. Увидеть марсиан, общаться с ними, потрогать фиолетовый мох... Но я боялся. Я очень боялся. Я уже тогда чувствовал, что это всё плохо кончится. Но начальник Купола сказал:

— Собирайтесь и идите спасать людей. Так уж вышло, что теперь люди зависят от марсиан. И от вас. И у вас нет выбора.

А Херст добавил:

— Ты оружие с собой не бери. Не годится послу с оружием. Возьми на всякий случай промышленный огнемёт, которым забойщики грунт сушат.

И я дождался Старика и отправился с ним к марсианам. Вот такой дурак я был.

* * *

Старик светился от счастья. Он ёрзал на сиденье кратора и всё пытался мне рассказать, как следует правильно себя вести при встрече с марсианами, но у него плохо получалось.

— Как они приветствуют друг друга? — спрашивал я.

— Приветствуют? А-ха-ха, — покатывался Старик. — Вот ты насмешил. На кой хрен им друг друга приветствовать? Скажешь тоже.

— Ну, как-то же они выражают эмоции? Доброжелательность, например. Жесты какие-то есть? Слова?

— Слова есть. Мало. Ими почти не пользуются. Незачем им. И эмоции тоже. Им же проявлять их смысла нет.

— Почему? — удивился я.

— Им и так хорошо.

Я ничего не понимал из его объяснений, как и раньше, он говорил только ему понятными намёками, хихикал и кхекал. И тогда я впервые заподозрил, что Старик не так безумен, как пытается показать, и всё это время преследует какую-то свою определённую цель. И тут меня накрыло галлюцинацией. Или это был мираж? Или бред от неверного использования дыхательных смесей в скафандре?

Сначала я услышал музыку. Играл симфонический оркестр, что-то из Моцарта. А прямо по курсу метались огромные полупрозрачные фигуры балерин. Их было очень много. Они подпрыгивали до звёзд и плавно опускались на песчаные дюны. И снова взлетали, и их пачки напоминали гигантские дирижабли, а пуанты продавливали в песке следы полуметровой глубины. Я узнал этих балерин. Это были стриптизёрши из бара. Но увеличенные раз в десять. «И это всё мне?» — подумал я. Потом видение исчезло, музыка стихла, и я сосредоточенно тянул рычаги краулера, объезжая микрократеры. Рядом со мной хихикал Старик, и я не понимал, что здесь делаю.

А перед нами по-прежнему тянулись пески Марса, бескрайние дюны в тусклом свете далёкого Солнца. И я знал, что такой пейзаж будет сопровождать нас до самого карста, и когда войдём туда, ничего не изменится, как не менялось миллиарды лет со дня сотворения этой убогой планеты. Какой фантаст придумал, будто бы Марс красный? Он серый, как дохлая мышь. Здесь нельзя жить.

Жить надо на Земле. Там зелёная трава и ласковое Солнце и много девушек в обтягивающих джинсах. Но я эмпат, мне противопоказано находиться среди людей. Я слишком хорошо их чувствую.

Остановив краулер возле карстового провала, я выбрался наружу, неловко цепляясь скафандром. А Старик обходился без скафандра. Меня это и раньше поражало, но на все мои расспросы он лишь бормотал: «Тут недалеко, ничего, мох надо больше кушать...». И что поразительно, это казалось в порядке вещей и ни одному долбанному медику под Куполом не пришлось в голову хотя бы взять у него элементарный анализ крови.

Я привязал верёвку к стойке краулера и Старик удивлённо спросил:

— Зачем это?

— Возвращаться удобней будет, — ответил я.

— Возвращаться! — он даже согнулся от хохота. — Вот умора, возвращаться он собрался.

Не обращая внимания на кривляния Старика, я легко подхватил огромный рюкзак и, разматывая верёвку, начал медленно спускаться в карст. А Старик, лихо отталкиваясь от скальных выступов, помчался вниз гигантскими прыжками. Чем-то он напоминал Человека-паука и Супермена одновременно. Только развевающегося плаща не хватало. Я же, неспешно разматывая верёвку, спускался всё глубже и глубже, пока не очутился в царстве марсианского карста.

Фиолетовый мох чудовищно красивыми потёками устилал своды и стены пещеры. Он был отвратителен, как лиловые кишки на бойне, и в то же время невероятно прекрасен совершенством чуждой, неземной эстетики. Он струился повсюду, заполнял галереи и анфилады, громоздился причудливыми наростами. И в хаосе этих переплетений чувствовалась неведомая человеку закономерность, логическая упорядоченность. Но это была непостижимая, шизоидная логика.

Я спускался вслед за Стариком, восторженно любуясь марсианскими чудесами, мне было страшно и вместе с тем я испытывал бурлящий восторг, эйфорию от увиденного. Ещё немного и появились первые марсиане. Я видел их раньше только на фотографиях и видеозаписях, и теперь мне стало понятно, что никакое изображение не в силах передать томную грацию и утончённое изящество этих существ. Как и следовало ожидать, марсиане не обращали на меня никакого внимания. Спуск закончился в гигантском гроте, из которого во все стороны уходили катакомбы, освещённые слабым фосфоризирующим фиолетового мха. Отбросив верёвку, я огляделся.

— Уже скоро, друг мой, уже скоро, — несколько печально, как мне показалось, произнёс Старик. — Ты уже можешь снять скафандр.

Я лишь откинул защитный щиток шлема и двинулся вслед за Стариком по одному из коридоров. Морозный воздух карста пах клубникой. В ушах снова тихонько зазвучала симфоническая музыка, и я тряхнул головой, отгоняя морок.

— Вот мы и пришли, — Старик устало присел на корточки, отломил от стены кусочек мха, засунул в рот и стал жевать.

— Где мы? — спросил я.

— Ты в гостях, а я дома, — как обычно туманно ответил Старик.

— Позови кого-нибудь из них, — попросил я, указывая на группу марсиан неподалёку.

— Они подойдут сами, — сказал Старик. — Если захотят.

— Но мне надо взять у них образцы крови, слюны, — сказал я.

— Говна тебе не надо? — спросил Старик.

— Мне надо установить контакт, — терпеливо объяснил я.

— Ага. Тут уже приходили до тебя. До сих пор устанавливают.

— У них есть кто-нибудь главный?

— Скоро узнаешь, — пообещал Старик.

Тогда я скинул рюкзак, развернул экспресс-лабораторию и взял на анализ фрагмент фиолетового мха. В конце концов, именно для этого я сюда забрался — исследовать. И по возможности установить с марсианами подобие дипломатических отношений. И я их установлю, чего бы мне это не стоило.

А где-то вдалеке снова зазвучала музыка, только теперь это был древний блатняк. Я даже разобрал слова. Что-то про загубленную молодость и поседевшие волосы. Незаметно для себя я начал подпевать: «Приморили гады, приморили...» В воздухе ощутимо запахло табачным дымом и каким-то кабацким угаром.

Вскоре экспресс-лаборатория выдала результат. Состав фиолетового мха, как и предполагалось, содержал все необходимые элементы полноценного питания. Белок, углеводы, аминокислоты. Маловато жиров и избыток клетчатки, но это не смертельно. Вполне сбалансированная жвачка. Мог ли такой вид флоры возникнуть естественным путём? Очень сомнительно.

Тем временем марсиане, наконец, удостоили меня своим вниманием. Незаметно ко мне приблизилась... самка? Язык не поворачивался назвать её женщиной. Особь женского пола. Она широко расставила ноги, немного присела и выставила лобок. Намерения марсианки были совершенно очевидны, но я с ужасом узнал в прекрасных чертах её лица образ Лизы Копаловой, археолога из пропавшей экспедиции. У Лизы была татуировка на пояснице, это я хорошо помнил. Желая подтвердить подозрение, я осторожно взял марсианку за плечи и повернул её спиной к себе. Марсианка неверно поняла мои намерения и элегантно встала раком. И тогда я увидел едва различимый под новой кожей рисунок смешного дракончи-

ка. Раньше он так трогательно дёргал крыльшками, когда Лиза двигала ягодицами.

— Давай, сопляк, не теряйся! — подбодрил меня Старик. — Не пожалеешь, гарантирую.

Я снова положил руку на плечо марсианки и спросил шёпотом:

— Лиза, ты узнаешь меня? Лиза!

Ни малейшей эмоции не блеснуло в её глазах. Ни сожаления, ни разочарования, ни негодования. Ничего. Она просто плавно встала и не спеша удалилась в сторону сородичей. Это была не Лиза, мне показалось.

— Вот ты лопух, — сказал Старик. — Что там анализы твои показывают?

— Показывают, можно есть.

— Вот кто бы сомневался. Это же амброзия. И отнюдь не фигурально выражаясь. Возьми, попробуй. Я уже два года только это и хаваю. Сможешь без скафандра на поверхности ходить. И много разных других бонусов.

Он разговаривал намного осмысленнее и вид у него стал деловой, подтянутый. Старик отколупнул от стены и протянул мне кусочек мха. Я понюхал. Пахло отварной говядиной, свежим хлебом и яблоками одновременно. Я откусил. Было вкусно. Очень вкусно, но мгновенно скрутило живот, так что я кое-как успел стянуть с себя скафандр и отбежать в закуток пещеры. Когда я вернулся, Старик снова ржал как ненормальный.

— Это да, с непривычки непременно обдрищешься, но потом всё нормально будет, на обычную пайку уже и не потянет. Метаболизм очень быстро меняется.

— Что ж ты тогда мои конфеты жрал? — спросил я. Мне хотелось убить его.

— Из вежливости, — отрезал Старик. — Я научился этому у марсиан. Предельная корректность и невмешательство. Ты же видишь.

Я видел. Марсиане по-прежнему оставались воплощением корректности и невмешательства. Собравшись

небольшими кучками, они поглядывали на то, как мы орём и машем руками, но весьма, весьма отстранённо. Их ничего не волновало. Ну, падлы, я вам покажу корректность! Я подскочил к ближайшему марсианину и со всей дури вмазал ему по смазливой роже. Прямо по носику его аккуратненькому. И по зубам. И в ухо ему, скотине! И ничего не произошло.

Я шипел от боли в разбитых костяшках, а марсианин безмятежно хлопал кровавыми соплями, даже не пытаясь отойти от меня.

— Вот ты ему по башке настучал, — раздался голос Старика, — а на Земле сейчас где-нибудь землетрясение происходит.

— Что? — удивился я.

— Задолбал ты, — сказал старик и принялся сдирать куски фиолетового мха с ближайшего сталагмита. Он расковыривал внутренности карста, как пёс лисью нору, и бормотал себе под нос: «Ну, что поделаешь, совсем тупой попался. Я его и так и эдак — нет, не доходит до человека».

— Смотри! — крикнул старик.

И я увидел Эйфелеву башню. Маленькую. Модель.

— Очень интересно, — сказал я. — Откуда это здесь?

Старик засмеялся и продолжал ковыряться в глубинах фиолетового мха, выуживая Статую Свободы, Пирамиду Хеопса, Мавзолей Тадж-Махал... Наконец, он запыхался и, устало отдуваясь, произнёс:

— Это сектор, отвечающий за архитектуру. Если пройти дальше, мы найдём сектор с оружием, от копья до атомной бомбы, сектор с транспортом, от телеги до пассажирского лайнера, финансовый сектор, где будут платёжные средства от оболдов до кредиток. И так далее. Понял?

— Нет.

— Весь карст, — назидательно произнёс Старик, — это как бы проектор, модулятор реальности. Всё происходящее на Земле сперва придумывается марсианами,

их коллективным разумом. Материализуется и тестируется. А потом с помощью карста, который является гигантским резонатором, и фиолетового мха, который также частично разумен, проецируется на Землю. Марсиане прекрасные выдумщики, они разрабатывают сценарии, изобретают религии, провоцируют войны и стимулируют научный прогресс, они следят за модой, кулинарией, искусством и философскими доктринами. Это у них только вид такой — скучающий. На самом деле они постоянно что-нибудь выдумывают. Для этого им созданы все условия.

— Кем?

— Вот ты и задал главный вопрос. Как же долго пришлось этого добиваться! А ты всё не слушал, не понимал. Но ты хотя бы чувствовал. Спасибо тебе за это.

— Да не за что, — сказал я.

— Я очень устал и теперь ухожу, — продолжал Старик. — А ты сменишь меня. Я это заслужил.

— Ты не ответил. Если марсиане сценаристы, кто показывает кино? Кто тут режиссёр?

Но Старик уже не слышал меня. Его фигура и черты лица начали стремительно изменяться. Одежда истлела и осыпалась прахом на каменный пол, и вот передо мной уже стоял не Старик, а обычный марсианин. Высокий, красивый, равнодушный.

* * *

Делать здесь мне было больше нечего и я собрался уходить. Тут-то мне и пришёл конец. Мои эмпатические способности всё же доконали меня. Я почувствовал, я очень остро, на грани физической боли ощутил, как марсианам не хочется со мной расставаться. Каким для них будет горем моё отсутствие. Как они жаждут, чтобы я остался здесь, с ними, навсегда... Невероятным усилием воли я заставил себя надеть рюкзак и двинуться к выходу из карста. Ноги не слушались меня, всё плы-

ло перед глазами, но я упорно, шаг за шагом, продвигался вперёд.

— Ну и куда ты собрался? — сварливо спросили меня.

Голос звучал в моей голове и принадлежал, скорее всего, подростку.

— Кто это? — спросил я.

— Кто, кто... конь в пальто! — ответили мне басом и захохотали.

Трясущимися руками я полез в рюкзак за аптечкой, но мне сказали:

— Нет, ты не свихнулся, таблетки тебе не нужны.

— Вы те, кто устроил так, чтобы марсиане ни в чём не нуждались, — понял я.

— Тех, кого ты называешь «марсиане», нужны нам как биологические носители генетической информации. Тот, кого ты называешь «Старик», был нужен нам для связи с такими как ты. Ты нам нужен, чтобы с тобой играть, — сказали мне.

— Вы боги? — спросил я.

Последовала долгая пауза, и теперь уже женский голос зазвучал в моей голове:

— Мы смеялись над твоим предположением. Мы не ошиблись в выборе. Ты забавный.

— Вы не ответили!

— Боги ли мы? Нет. И мы не знаем, есть ли бог вообще и кто автор мироздания. Но мы так давно играем с разумными, что уже стали для них чем-то вроде богов.

— Много ли разумных вы встретили на своём пути?

— Да. Очень много. Ещё больше создали. Но они быстро надоедают.

— Я могу стать посредником между вами и земным правительством.

От хохота в моей голове мне чуть не разорвало черепную коробку. И тогда тот, кто был Стариком, сказал мне:

— Ты не понял? С человечеством они наигрались, мы им больше не интересны. Иди в Купол. Скажи, что жрат-

вы здесь навалом. Или оставайся здесь. Делай что хочешь. До той поры, пока тебе не скажут, что нужно делать.

Я сел на свой раздутый рюкзак и крепко задумался.

* * *

Вот значит как. Теперь я буду эмиссаром Игроков, которые через марсиан станут внушать мне свою волю, а я буду пытаться объяснить, что происходит на самом деле, и никто не поймёт меня, как никто не понимал Старика, когда он пытался говорить о Содружестве, стараясь эзоповым языком предупредить всех об опасности. Я вернусь в Купол, мне будут благодарны, мне отстегнут премиальных, угроза голода исчезнет, но все мы будем марионетками Игроков. Я искал уязвимое место в логике заигравшихся хозяев, лазейку в их правилах. И мне показалось, что я нашёл. Марсиане. Генетический материал? Я вам покажу генетический материал! Выдернуть из рюкзака промышленный огнемёт было делом одной секунды.

Огненная струя била вдоль тоннеля и марсианам не было спасенья. Впереди тупик, а на выходе я — воплощение бога огня, Локи, Агни и Нуску в одном лице. Каратель и судья, искушение и возмездие. Дикае вопли сотрясали высокие своды пещеры, объятые пламенем, корчились изящные тела, и вонь горелого мяса била мне в ноздри. Где-то там догорал тот, кого я звал Стариком. И я почувствовал, что марсиане, погибая в высокотемпературной плазме, были благодарны мне за избавление от вечного служения Игрокам.

Я отключил огнемёт. На зубах скрипела сажа.

— Зачем ты это сделал? — довольно равнодушно спросил голос в моей голове.

— Я буду ломать ваши игрушки, вы останетесь без развлечений, — сказал я. — Если я не могу вас уничтожить, то хотя бы заставлю поскуцать.

— Но нам совсем не скучно. Ты прекрасно нас развлекаешь, мы в тебе не ошиблись.

— Вы остались без генетического материала! — крикнул я.

— Ах, это такая мелочь... Лучше спой нам песенку.

— Нет, пусть спляшет!

— Пусть поёт. Вот эту — «Под Ленинском-Кузнецким есть городок такой, в колонии особого режима». Очень мне нравится!

— Пусть, сволочь, таблицы Брадиса наизусть рассказывает. С выражением.

Голоса в моей голове множились, я уже не различал отдельных реплик, это был шум толпы. Ленивой, сытой, скучающей толпы, как на стадионе перед матчем. Перед захватывающим зрелищем.

Они не оставят меня, это было понятно с самого начала. Сделают личным клоуном, исполнителем их воли, каким был Старик. Меня это не устраивало. Я направил раструб огнемёта на себя и нажал на спуск. Но мой палец жидким киселем растёкся по патрубку, а вслед за ним и рука превратилась в желеобразную массу. Вскоре и всё тело потеряло форму и я лужей студенистого дерьма растёкся по каменному полу пещеры. У меня не стало глаз, но я всё видел, не стало ушей, но я всё слышал. Фиолетовый мох впитал меня, и теперь я Старик, марсиане, Марс, Солнце, Вселенная и новая игрушка для тех, кто создал всё то, что я есть. Мне подвластно течение времени, и я постиг законы мироздания. Я знаю продолжение игры. Старые игрушки ломают или выбрасывают, их место на помойке. Земля сгорит, с человечеством покончено. Как и с многими цивилизациями до нашей.

Но мне интересно, кто теперь будет их следующей игрушкой. Я подожду. Подожду и непременно придумаю, как игрушкам стать игроками. **У**

Милора

Ольга Батлер

Родилась в Москве в 1959 году, выпускница факультета журналистики МГУ, кандидат философских наук. В 2002 году Великобритания на время стала её вторым домом и в «Независимой газете» впервые появились материалы с пометкой «Ольга Батлер, Лондон». В 2011 году эти очерки вошли в сборник «Моя маленькая Британия» издательства БХВ-Петербург. Ольга удостоена награды мультимедийного фестиваля СМИ «Живое слово», организованного при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям России. Фантастика Ольги Батлер опубликована в журнале «Урал» и в сборнике «Аэлита», издаваемом на старейшем российском фестивале фантастики в Екатеринбурге.

*Вы все, кто спит теперь
Вдали от рук любимых,
Кто плачет, что постель
Пуста наполовину,
Вы знайте, залит мир
Такими же слезами.
Один их пролил вмиг,
Другой их льёт годами.**

*** Викрам Сет
индийский поэт и прозаик
(перевод автора новеллы)**

Заведующая банковским баром Зина была женщиной полной — из тех силачек, которых и не ущипнёшь так просто.

Вроде ухватил пальцами тугое, как мяч, тело — вот оно! — но нет, не поддаётся пальцам упругая плоть.

Потрогать Зинины бой-бёдра хотелось многим, а однажды эти бёдра поразили воображение самого директора банка. Дело было так.

В его кабинете надо было передвинуть сейф, и водитель директора пыхтел рядом с железной машиной, крепко обнимая её, наклоняя, подталкивая ногой.

Но машина словно выросла в пол и не собиралась откликаться на его отчаянное танго. Тут вошла Зина. Она поставила поднос с директорским ланчем на стол, отстранила водителя, игриво так двинула бедром и... сейф переместился!

В тот момент директор словно впервые увидел Зину. Успокоиться он уже не смог. А ведь до этого

все его шалости на работе сводились к подглядыванию через скрытую камеру за молоденькими секретаршами — как они затыжки слюнявят на колготках или стреляют козюлями в стену.

— Больше ничего подвинуть не надо? — уперев руки в бока, Зина кивнула на массивный кожаный диван в кабинете. Потом она неоднократно обнимала директора на этом диване. Летом диван был липкий, зимой холодный, но кто такие мелочи замечал?

По вечерам, когда банковские комнаты заполняла темнота, а коридоры — тишина, в баре, наоборот, становилось ярко и шумно.

Там за душевно накрытым столом собиралась весёлая компания, две парочки: директор и заведующая банковским баром, водитель и судомойка.

Для их пиров из закуромов извлекалось всё самое вкусное — тщательно отобранное и обнюханное Зиной на предмет свежести, с любовью взбитое, обжаренное, запечённое, украшенное кинзой и молодым лучком.

Судомойка жевала без остановки, как гусеница. Она наголодалась, работая инженером НИИ. А Зина налегала на спиртное.

Алкоголь постепенно делал своё дело: руки и ноги становились смелыми, в голове две тонких палочки начинали отбивать ритм. Тата-дада-дада... алэ вэнэ, Милор...

— Давай «Милорда», Зинуль!

Это был её коронный номер. Зина взгромодалась на стол и самозваной русской Пиаф тяжело шла по нему, сметая всё на пути — бутылки,

розетки с недоеденной чёрной икрой, тарелочки с подкисающими салатами, стаканы.

— Алэ вэнэ, Милор, вуз ассуар ма табль!

Если Эдит была парижским воробушком, то Зина — крупной и крикливой птицей Восточно-Европейской равнины. Она трясла юбкой в такт своей песне, по очереди обнажала сильные ноги.

— Иль фэ си фруа дэор — правая! Иси сэ комфортабль — левая! Опа!

Глядя на неё, директор банка хватался своими маленькими руками то за сердце, то за край стола, словно стол был последним спасением перед разбушевавшейся стихией. Эх, господин директор... Не ходили бы вы в народ из своего шикарного кабинета и всё бы хорошо закончилось. А теперь уж поздно: семибалльный шторм начался, корабль скрипит, брызги в лицо летят.

Директор замороженно смотрел на мощные, мелькавшие на уровне его лица икры Зинаиды, на её ляжки, тугими подушками выпиравшие из недлинных прозрачных чулок со стрелками.

Прародительница смертных Сарра, спаси. Чулки были на подвязках, а сами подвязки исчезали в чёрных коррекционных трусах. Ну и что, что коррекционные?

Не нужны ему тонконогие красотки в шёлковом белье. Неинтересны ему эти травленные перекисью, эпилированные холодные рыбёшки. Ему земную Зину надо!

Страсть эгоистична. Зато со страстью не заскучаешь. У неё ноздри раздуваются и огонёк го-

рит в глазах. По большому счёту, страсти плевать на вас. И разговор её с вами будет короткий. Зато страсть — это свобода.

А любовь жалостлива. Любовь тихонько плачет, предлагая забрать ваши страдания себе. Эта зануда, жертвенности полная, будет следовать за вами, обеспокоенно заглядывать в глаза и предлагать то чай, то микстуру.

И, что особенно раздражает, она ничего не требует взамен. Быть её объектом означает постоянное чувство вины. Хуже такого — только когда вы за кем-то с микстурой ходите и плачете, сами в любовь превратившись. Привязанность к другому — это одна из самых тяжких несвобод. Это плен, подвластность, подчиненность, рабство, узда, оковы, кабала.

Если б директор намекнул, Зинаида бы его на руки взяла, маленького, и баюкала, про серенького волчка напевая. Но ему хотелось просто согреть, отполыхать дотла, опять возродиться в сладких муках в огне её необъятных бедёр и... уехать домой.

Гордая Зина глубоко в глаза никому заглядывать не собиралась. Поэтому — «лэссэ ву фэр, Милорд». Что в переводе с французского означает: да здравствует свобода всех и каждого друг от друга. Без слёз обойдёмся. Ведь я всего лишь портовая девушка, Милорд... Тата-да-да-да-да!

Грех так кутить, когда страна голодает. Одним поздним вечером эти четверо выехали из банка и на скользкой дороге их мерседес лоб в лоб столкнулся с грузовиком. Маленького директора вы-

бросило в окно, он скончался на месте. Тела водителя и судомойки, спрессованные вместе с конструкциями иномарки, спасатели достали через два часа, срезав крышу. А заведующая баром выжила — она застряла между креслами и подушкой безопасности. Но ногу ей пришлось ампутировать почти до колена. Выписной эпикриз состоял из непонятных терминов. Странно было прочитать в этой медицинской шифровке простые и, как показалось Зине, насмешливые слова: «История жизни. Вредные привычки отрицает. Контакт доступна»...

Вернувшись домой, Зинаида сдала комнату иногородним молодоженам. Они за ней ухаживали и ещё соседка по дому Ниночка иногда помогала. По ночам молодожёны любили друг друга — из-за стенки доносились звуки, будто крупная рыба бьёт хвостом и плавниками, стремясь вернуться в родную стихию. Это подслушивание было единственным, что причащало Зину к жизни.

Когда жильцы съехали, она два дня просидела на кровати, подсунув подушку под культу и перебирая телевизионные каналы.

Несуществующая ступня болела — Зинино тело не хотело осознавать потерю. Наверное, дерево так же гонит соки к недавно спиленной ветке, к старой памяти изумрудных листьев. А листья уже свернулись в трубочки, догорают в куче садового мусора.

На третий день Зина напилась водки, проглотила все таблетки, какие нашла в прикроватной тумбочке, включила Пиаф. Подумать только, Милорд,

достаточно одного корабля, Милорд. Корабль ушёл, и всё кончено... Вы плачете, мой господин?

Это, без сомнений, была попытка суицида. Зина попала в психушку.

На этаж там вела тяжёлая дверь с глазком и пятью засовами, зато палаты были совсем без дверей. В женском отделении жались к стенам бездомные пенсионерки в своих когда-то домашних байковых халатах и анорексичные суицидальные молодухи.

В мужском отделении пациенты в оранжевых брезентовых штанах — так наряжали потенциально буйных — тоже вели себя смиренно.

В мужском вообще чудеса творились: сумасшедшие хотели казаться нормальными, нормальные косили под дураков, но как-то однообразно, словно по медицинским учебникам они симулировали — без того танца фантазии, который свойственен настоящему безумию.

Большой шум случался только по вине Ушанки. Этот пациент был натуральным психом. На голове у него красовалась шапка из облезлого рыжего зверька, и снимать её он категорически отказывался.

Если кто-то отбирал у него головной убор, Ушанка по-детски неутешно рыдал и, закрывая руками свою беззащитную лысину, кричал, что его мозг простудится. В конце концов доктора махнули рукой на чудака.

Хотя, возможно, Ушанка всё хитро рассчитал. меховая шапка смягчала удары, а лупили Ушанку неоднократно. За чрезмерное любопытство. За то, что в больших количествах воровал и прятал под

чужими матрасами алюминиевые ложки. За то, что сигареты без конца клянчил.

— Во что веруем? — Ушанка подсел со своей миской к Зине, когда та обедала у окна. Голос у него был несерьёзный, будто у Буратино, который старичком решил притвориться.

— Ни во что не веруем, — Зина недовольно покосилась на бледное одутловатое лицо Ушанки и стала смотреть на улицу, где на солнце загорала стая одномастных дворняжек.

— И в жизнь загробную не верите? — удивился он, шумно хлебая казённый суп с тонюсенькими ошметками курятины. Несчастливая курица была жертвой взрыва, ножом так расчленив птицу невозможно.

— Там что... — Зина кивнула на потолок, — есть кто-то? — словно ждала сообщения о только что сделанном открытии. — Хотите сказать, моя душа существует?

— И-и-и, милая моя... Бабочка в коконе, и та подзревает, что у неё имеются крылья... Ну хорошо! Перечислите, кто вас любит.

Зина рассердилась: на него, а заодно и на себя, что попала к дуракам и теперь не может даже сбегать от одного из них.

— Мужчина, вы мне не даёте поесть спокойно.

Она потянулась было за костылями, но тут ей вспомнились снимки в кабинете директора банка — сам директор, его пышноволосяя жена с меранцевым шпирцем на руках, двое детёнышей. Под пальмами, на фоне океана, на лыжном склоне, на веранде ресторана, в бассейне. Смеют-

ся, смеются, смеются. Даже шпиц их рыжий улыбается... В компании этих семейных фотографий Ельцин на стене казался просто милым дедушкой.

— Никто меня не любит.

Набивший свой рот Ушанка обрадованно потёр руки, торопливо дожевал и попросил Зину перечислить самые яркие воспоминания.

— Не имею таких, — покорно призналась она.

— А если я предложу на выбор? Для релаксации — красивые уголки земного шара, океан, пляж с белым песочком. Для экстрима — восхождение на Арарат, сплав по реке Иркут. Амазония... Всё это есть в моей мемотеке.

Зина впервые улыбнулась, и глаза Ушанки блеснули.

— Я нескромно допускаю, — быстро зашептал он, осмотревшись по сторонам, — что уже сейчас Нобелевка мне обеспечена. Мой научный проект заключается в том, что можно пересаживать воспоминания от одних людей к другим. Вы представьте! Один человек пережил прекрасное и все смогут вслед за ним насладиться этими звуками, запахами, красками. И знания можно передавать. Трансплантация информации вместо пяти лет учёбы в институте, потом немного практики, и специалист готов... А полёты в космос! Мы станем соучастниками открытий и подвигов. У меня, кстати, есть знакомый космонавт, на «Салюте» летал. Подарил некоторые эпизоды — звёзды, яркие краски на фоне чёрного космоса. Не желаете?

— Ну вот, приехали, — пробормотала Зина. — В зрелости, женившись, дурак и дура...

— Что сказали? — не расслышал Ушанка.

— Я сказала: давайте, валяйте! Согласна на воспоминания космонавта! — к Зине на минуту вернулась былая беспешачность. — Я, кстати, в день космонавтики родилась. Где там ваша мемотека?

— Да вот она, всегда со мной.

Ушанка снял с себя шапку, шустро нахлобучил на голову растерявшейся Зине и завыл таинственно:

— Начинаем трансплантацию воспоминаний. Раз, два, три... Ёлочка, гори!

Зина с отвращением сорвала с себя провонявший куревом головной убор. Ушанка подхватил его и, спасаясь от двух плечистых нянек, восьмёрками забегал вокруг столов.

— Опять, паразит, ложку украл! — крикнула одна из них, широко разводя натренированные руки, чтобы не упустить беглеца.

Зина посмотрела на свой стол — а ведь в самом деле украл...

Через неделю, проходя мимо неё по коридору, Ушанка заговорщицки подмигнул ей и похлопал себя по шапке:

— Копилка коллективной памяти!

Бред, конечно. Но, если уж суждено тебе было родиться в этом театре, отнесись с уважением к репертуару — драматическому, комедийному. Заодно к реквизиту присмотришься. Ружьё обязательно выстрелит, вода в стакане будет выпита, постель — смята, а стоявшая в углу сцены бутафория окажется вдруг машиной времени, которая издаст нездешний и никому кроме тебя не слышный гул,

замигает невидимыми огоньками и помчит тебя, куда ты совсем не собиралась...

Зине несколько ночей снились странные сны, пересказать их было невозможно. А однажды днём, уже дома, допивая кофе, она вдруг вспомнила себя в невесомости, в спальном мешке, на космической станции. Надо было завинтить гайку на приборе, и она как раз собиралась это сделать — у мешка были прорези для рук.

Потом она испытала и вовсе невероятное. Ослепительный свет — ни огня, ни взрыва, ни пожара. Свет проникает на станцию через непроницаемые бортовые стенки. В иллюминатор виден человеческий силуэт размером с авиалайнер. Проплывающий рядом со станцией огромный человек с прозрачными крыльями и нимбом смотрит на Зину с такой любовью, что ей хочется разрыдаться от благодарности и спросить: кто ты, прекрасный незнакомец? И почему так добр ко мне?

— Я, между прочим, за безногой тут ухаживаю, грязь за ней вожу, — это соседка Ниночка жалуется кому-то по телефону.

Костыли... И окна квартиры как иллюминаторы. Космонавту Зине обязательно надо выйти в ставший опасным мир. А ещё кухню надо привести в порядок, плитки отваливаются.

Для ремонта она наняла Мишу.

Дальше история будет о том, как от безысходности прибились друг к другу два обездоленных человека, инвалидка и гастарбайтер.

Она наврала ему про возраст, убавив себе восемь лет. Он поведал ей свою жизнь. Работал

на оборонном заводе, пока всё в большой стране не развалилось. Потом на заработки в Россию ездил, а жена загуляла, стала наркоманкой. Дети сгорели в доме из-за телевизора...

Тогда Зина рассказала ему про космос и про ангела.

— Он исчез и так грустно стало.

— А какое лицо у него было?

— Он улыбался. Но не так, как мы, а с восторгом, понимаешь?

— Не-а. Покажи.

Зина улыбается. Миша хохочет.

Ночью он гладил её бережно, словно боялся принести изувеченному женскому телу новые страдания. Последний раз Зина чувствовала себя такой беззащитной и одновременно защищённой только в детстве. А ещё ей вдруг стало очень-очень жалко себя и Мишу. Борясь с этой слабостью, она бестактно спросила:

— Когда у тебя последний раз любовь была?

— Давно. Как развёлся, ничего не хотел...

Вскоре Миша устроился ремонтировать богатую квартиру в Подмосковье.

Хозяйка капризничала, бригадир обманывал, и только штукатур по фамилии Попеску сочувствовала Мише.

У этой Попеску — ни морщинки под глазами, грудь мягкая и глаза бархатные, как июльское небо в полночь над родной Рыбницей.

— Михаил, ты скажи своей Зине, что к тебе сестра приехала. Мы с тобой у неё жить вместе начнём.

Миша истуканом замер в пыльных объятиях штукатурщицы.

— Не, я Зинку обманывать не буду.

Бригадир, спускаясь со стремянки, заржал.

— Дурак ты нищий. Нужен что ли будешь своей Зинке, когда она на ноги встанет? Нормального найдёт, а тебя мокрой тряпкой погонит.

Домой Миша пришёл с разбитым носом.

Другой работы не было. Решили поменять квартиру на меньшую.

— Зинаида Сергеевна, зачем вам Москва? Берите уютный домик под Вереёй. Гарантирую свежий воздух в ваших лёгких и кучу денег у вас в кармане. Ну что, отметим такое решение? — предложил риелтор, разливая по стаканам принесённую с собой водку.

Миша даже не пригубил спиртное. Этот человек показался ему страшным, как самая чёрная ночь, в которую душегубы выходят на свой кровавый промысел...

— Женщина, он же вас использует! Его депортировать надо! — кричал риелтор, хватаясь за притолоку, и грозил Мише. — Я тебе, гад, припомню. В лесу зимой наручниками сам себя к дереву пристегнёшь, а ключик выбросишь!

Москва стала в то время гиблым местом. Квартирный вопрос не столько портил москвичей, сколько убивал их, а жестокосердая столица словно не замечала потерь. Постоянно прибывающие провинциалы наполняли её своей энергией, даже говор новый у Москвы появился. И внешность поменялась. Вроде вчера ещё была твоей задушев-

ной знакомой, а сегодня ведёт себя, как ушлая бизнес-баба: фасады увешаны рекламными щитами, на первых этажах казино сверкают огоньками, углы облеплены ларьками.

Приезжие не брезговали никакой работой. Столица не стеснялась этим пользоваться.

Самые удачливые из них расселись в офисах, принялись листать на досуге глянецовые журналы про ритмы мегаполиса, издаваемые для них другими провинциалами, и через англоязычную газету поздравлять друг друга: «Happy birthday, Sasha!» — как раз под объявлениями проститутток...

Ночь за окнами белеет, становится недолгим зимним днём, и я тоже вижу себя летящей над землёй — над заснеженными полями, по московскому небу, мимо куполов Блаженного, над крышей «Националя», над усталым Ломоносовым с голубем на голове.

В моей Москве пестрит шарфами и звенит головами каток на Чистых прудах, и в комнатах с высокими потолками бабули дымят сигаретками, допивая кофе из фамильного фарфора, и твякают вредные собачки под их руками, и две школьные подружки на свежем морозце неспешно меряют шагами отлогие переулки Ивановской горки...

Собрав кое-что из старых безделушек, Зина отправила Мишу на блошинный рынок. Там на цепи сидел пьяный медведь и шныряли в толпе юркие беспризорники.

Обнищавшие профессора палеонтологии сучали рядом со своим товаром: навсегда закручен-

ными в рожок аммонитами, рогатенькими трилобитами, чудовищными ракоскорпионами и зубами древних акул. Гуманитарная дама читала «Новый мир» над вышитыми платочками. Продавцы разложенной на асфальте звёздной меморабилии пили чай из термоса и, поджидая покупателей, играли в шахматы.

От одного развала к другому деловито переходили остроглазые интуристы, по дешёвке скупая бронзовые бюстики Ленина, досаафовские значки и прочие артефакты континента, который раскололся и ушёл под воду. Это ж надо, вчера ещё непотопляемым казался.

А сегодня — где он? Только последние пузырьки прорываются на поверхность да мусор всплывает: пёстрый тряпочный скарб, вымпелы какие-то — золотом по красному, антикварная рухлядь, старые книги, древние жестянки из-под монпасье, расчленённые пластмассовые пупсы с руками на длинных верёвочках...

Законы небесной механики работают медленно, зато верно. Продавший Зинины вазочки Михаил сделал несколько кругов возле меморабилии и — была не была — азартно поторговавшись, купил Зине подарок.

— С днем космонавтики!

— Все деньги потратил, — расстроилась Зина. — Я в него и не влезу.

Вечером они сидели на тахте, рассматривая покупку.

— Зин, а вот интересно, что космонавт там чувствует.

— Свободу. От всех земных хлопот. И ещё головную боль он чувствует из-за невесомости, — ответила Зина.

— А как они там на космической станции чай заваривают? И одежду как стирают? И чем они предметы к стене прикрепляют?

— Считаешь, я всё это теперь знать должна?

Да... Вопросов больше, чем ответов.

У находящихся в космосе — то же. Мимо проплывают на чёрном фоне звёзды, планеты, и ты хочешь понять: ведь кто-то это чудо создал, кто-то всем этим движением управляет?

А Земля так близка. Кажется, её можно потрогать и ладони намочить в океанах. И как на этом голубом сияющем шаре уместается целый мир с лесами, пустынями, реками, деревьями, городами? В городах — красивые квартиры, где на туалетных столиках пузатятся разноцветные дорогие парфюмы и играют лучиками ещё тёплые, только что снятые с женских пальчиков кольца, и в холодильниках замечательная еда — сыры, нарезки, оливки, у которых в пупочках спрятаны пряные анчоусы; и бутылки пива, штабелем холодеющие на нижней полке.

И ещё все эти шали, платья, лёгкие шубы в благоухающих шкафах, туфли с разной высоты и остроты копытцами. И мобильники, вибрирующие от эсэмэсок: «Пожинаем где-нибудь?», «А может, в театр?»

И есть на Земле некрасивые вещи, страшные вещи. Набухшие окурки в стакане, шприцы и жгуты рядом с ложкой, в которой приготовлен нарко-

тик. Кровавая жестяная крошка на обочине дороги, ещё минуту назад бывшая быстрым и сияющим автомобилем.

Больничный контейнер с ампутированными конечностями. Дымящийся остов дома. Два маленьких гроба возле вырытой могилы.

Что будет, если материальный мир вдруг распадется на атомы, завихрится и исчезнет в неожиданной космической воронке? Наверное, останется нематериальное, не поддающееся вычислениям. Наверное, оно будет выглядеть как маленькие светляки, тянущиеся друг к другу. Когда один светляк слабеет, мерцает и гаснет, почти сливаясь с сумрачной небелью, другие светляки спешат поделиться с ним своей невеликой силой.

И над всем этим — проникающий до самых пещенок голос (звук, он ведь нематериален?). Пиаф поёт о том, что не надо бояться чужого тепла, что корабли не только уплывают, но и возвращаются в свои морские и космические гавани и что счастье приходит, когда ты уже забыл о нём.

— Миш... Хочу тебе одно признание сделать. Я ведь возраст свой убавила.

— Да знаю я уже...

— А вот скажи, ты никогда не думал, что мы могли бы встретиться лет десять назад?

Спросив, Зина представила малышкой с волосёнками, пахнущими мёдом и молоком. Эти доверчивые человечки топали по дому и задавали тысячу вопросов маме и папе — ей с Мишей.

— Ты б на меня тогда не посмотрела, — махнул рукой Миша. — Москвичка, фу-ты ну-ты.

— Не фу-ты ну-ты, а специалист по беспилотным летательным аппаратам. Мы с тобой ещё ракету построим.

— Зин... Неужели псих тебе и это... пересадил?

— Пересадил, пересадил! И красный диплом нарисовал! Вон в ящике лежит, можешь посмотреть! — развеселилась она.

В тот день Зина загадала желание. Ничего особенного не попросила, ей просто захотелось быть рядом с Мишей через пять лет и через десять.

Пожалуйста, ну пожалуйста, давайте, Милорд, ведь будущее полно сюрпризов...

Через десять лет появятся бионические протезы.

Получилось, Милорд!

Купленный в Измайлово скафандр будет оценён на солидном аукционе в сумму со многими нолями.

Ещё, Милорд!

Атлантида вдруг передумает лежать под водой и, устроив небольшие цунами в обоих полушариях, поднимется на поверхность.

Браво, Милорд!

Известный космонавт выступит по телевизору.

— Видели ли вы ангелов в космосе? — спросят его из зала, а Зина у себя на кухне сделает звук громче и закричит:

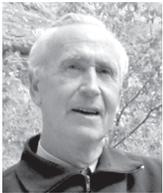
— Миш, ты только послушай! — чтобы вместе с мужем замереть перед экраном.

Космонавт ответит не сразу. Он сначала посерьёзнее, потом рассмеётся.

— Конечно, видел.

И переведёт разговор на другую тему. **УС**

Гениальный дурак

Олег Маляренко

Родился в 1938 году в Днепропетровске. В июле 1941 года семья эвакуировалась в Краснодарский край, где пережила оккупацию, а в 1944 году вернулась на родину. Отец погиб при обороне Воронежа в 1942 году. После 7 классов средней школы в 1945 году окончил техникум. На работу направили в Симферополь, где живёт и по сегодняшний день. Вначале работал мастером, а потом — конструктором. После окончания в 1964 году заочного отделения Одесского политехнического института перешёл на работу на крупный завод конструктором, откуда и вышел на пенсию в 1998 году. Находясь на пенсии, продолжил заниматься конструированием и писать рассказы. В 2012 году начал публиковать свои произведения на сайте «Проза.ру». Ни в каких печатных изданиях не публиковался.

На маленькой планете Брукс, затерянной в просторах Вселенной, жили гении. Причём все поголовно: от малых несмышлёньшей до глубоких стариков. А о своей гениальности они даже не догадывались, поскольку не гениев среди них не было.

Гениальные родители окружали невероятной заботой своих чад и прекрасно понимали их потребности и желания ещё до того, как в три месяца они начинали разговаривать. Бабушки и дедушки каждый вечер рассказывали внукам чудесные сказки, шедевры собственного сочинения.

Детки росли на радость окружающим, проявляя заложенную в генах колоссальную одарённость, и схватывали всё на лету. Так что в школу они шли уже сформировавшимися гениями. Разумеется, учились такие школьники легко, играючи и только на «отлично». Не просто пришлось бы учителям, если бы они сами не были гениями.

Ни одному брукситу не приходило в голову врать, потому что даже ребёнок логическим путём или сравнительным анализом мог бы легко разоблачить лжеца. Совершенно исключался адюльтер. Гениальные жёны предвидели измену мужей задолго до того, как она совершилась, и заблаговременно принимали меры. Если кто-либо говорил, что спал с женщиной, то это означало лишь, что он с ней спал и ничего более того. Для криминальных преступлений не было никакой почвы, поскольку ни одно не смогло бы ускользнуть от раскрытия гениальным следователем. По этой причине на планете отсутствовал жанр детективов. Немыслимы были и анекдоты. Кому они были бы интересны, если в самом начале легко просчитывалось окончание?

Примерно раз в неделю на планете делались открытия, каждое десятое из которых было фундаментальным. Что касается изобретений, то они трудно поддавались учёту, так как изобретали все, начиная с грудничков.

Если кто-либо в течение месяца ничего не изобретал, то его расценивали как больного, ленивого или недостаточно гениального. Последнее обвинение считалось самым тяжким.

Когда родился необычный мальчик Фулер+, ничто не предвещало чего-то особенного. Вначале он ничем не отличался от своих сверстников, пока в первом классе не смог решить элементарного дифференциального уравнения. Этот случай насторожил, но ему не придали большого значения. Однако когда во втором классе мальчуган сделал неверный структурный анализ высокомолекулярных соединений, это вызвало беспокойство, граничащее с шоком. Подобного ещё никогда не наблюдалось. У этого Фулера+ проявились явные признаки негениальности.

Немедленно потрясающая новость облетела всю планету, вызвав оживлённые дискуссии о невиданном и неслыханном феномене. Некоторые молодые учёные утверждали, что в далёкие времена водились жители, на чисто лишённые гениальности. Однако маститые учёные их тут же опровергли.

К уникальному ребёнку подключились лучшие врачи планеты, провели всестороннее обследование его организма с использованием новейших методик и приборов. И всё тщетно. Причину негениальности обнаружить не удалось.

Тогда подвергли тщательному анализу гены не только чудо-ребёнка, но и его родителей. И опять результаты малоутешительные. Гены были в полном порядке, чего нельзя было сказать об их обладателе.

Между тем Фулер+ осознал свою уникальность и феноменальность и распоясался как только мог. Из его рта посыпались шутки, прибаутки и хохмы, такие дурацкие, что вызывали весёлый смех до изнеможения. Начал артистично передразнивать известных деятелей, называя это пародиями. Стал придумывать анекдоты с нежиз-

данными концовками. А что ещё можно ожидать от дурака?

Постепенно к вундеркинду по привычке и перестали замечать его странности. Более того, он стал незамеченным, когда дело касалось шуток, которые сыпались из него непрерывным потоком. Эти шуточки подхватывались, пересказывались, передавались и печатались. И никто не стеснялся их, потому что исходили от дурака.

Но туман вокруг Фулера+ рассеялся самым неожиданным образом. И причиной тому стала любовь. В возрасте восемнадцати лет юноша влюбился в девушку Пипу. Когда он открылся ей, та только рассмеялась, как над очередной шуткой. Кому нужен дурак, когда вокруг полно гениев? Слова девушки пролились на бедного Фулера+ холодным душем. Вот тогда он и раскололся.

— Пипа! — воскликнул влюблённый. — Я такой же гений, как и все. А может быть, ещё круче, если меня никто не разоблачил. Мне нелегко было притворяться дураком, но я сознательно шёл на это. Зато теперь на планете стало больше радости и веселья.

Пипа своим гениальным умом и безошибочной интуицией сразу поняла, что юноша говорит чистую правду.

Эта ликующая новость мгновенно разнеслась по всей планете Брукс. Многие сокрушались тем, что один из жителей долго водил всех за нос, не вызывая ни у кого подозрений. Не иначе, что он — сверхгений. Только такому удалось научить всех брукситов веселиться от души. Для этого достаточно было на некоторое время отвлечься от своей гениальности.

Неоценимый вклад молодого учёного был признан фундаментальным открытием. К его имени прибавилось ещё два плюса и он стал Фулером+++ . Специально для него ввели почётное звание Генеральный Дурак планеты. А кроме того, он завоевал любовь очаровательной девушки Пипы. **✎**

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ	73413
на журнал	(индекс издания)

Уральский следопыт. uralstalker.com

на 20__ г. по месяцам									Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	

Куда		
Кому		
(фамилия, инициалы)		

			Доставочная карточка	
ПВ	место	литер	на журнал	73413
			(Индекс издания)	

Уральский следопыт. uralstalker.com

Стоимость	подписки	___руб. ___коп.	Кол-во компл.	
	переадресовки	___руб. ___коп.		

на 20__ г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда		
Кому		
(фамилия, инициалы)		

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

